ПОЛ

АНДЕРСОН

ВРЕМЯ ОГНЯ

Время огня
Пол Андерсон

Аннотация
Пол Андерсон. Время огня
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Эпилог

Аннотация

Империя переживает великие потрясения. Мятежники поставили под угрозу само ее существование. В круговорот событий втянуты все — бродяги и торговцы, религиозные фанатики и солдаты… однако немалую роль в происходящем играют и таинственные силы, стремящиеся к установлению своих порядков. Необходимо любой ценой остановить гражданскую войну, вернуть в империю Закон.

Пол Андерсон
Время огня

Пролог

Самое страшное на свете — это попасть на суд самого справедливого человека.

Его имя наводило на всех ужас. И вот теперь мы были вызваны к нему самому. Когда мы вышли из флайера, были еще сумерки. Все вокруг было бело-голубым, сгущаясь до черного там, где горы замыкали долину. Вершины гор, освещенные первыми звездами, были еще сиреневыми. Спутник медленно проплыл среди звезд и укрылся в тени Земли, как будто его сдул порыв холодного ветра. Здесь, в этой долине остро ощущался запах ледников и огромных пространств.

Дом был построен из каменных глыб. Он как бы являлся неотъемлемой частью этих гор. Немногие земляне могут выдержать одиночество. Президент Трибунала принадлежал к их числу. Над окованной железом дубовой дверью зажегся бронзовый фонарь. Наш пилот жестом показал нам, что нужно идти. Он всем своим видом показывал, что нельзя заставлять ждать Даниэля Эспину.

Мы шли довольно твердо, хотя мое сердце отчаянно билось в груди. Открылась дверь и нас встретил служитель — не человек.

— Буэнос Традос, — сказало это существо. — Добрый вечер.

Заходите, пожалуйста.

Мы прошли через затемненный холл в помещение, явно предназначенное для таких встреч.

Это была огромная комната с высоким потолком, полная разных древностей и тишины. Стулья, обтянутые кожей, стояли вокруг деревянного, отлично инструктированного слоновой костью стола.

Дедовские часы, пришедшие из давно минувших столетий, торжественно отсчитывали время. Часы были сделаны из мрамора и имели форму совы. Вдоль стен стояли шкафы, набитые книгами, сотнями книг. А вот и современный пульт, обеспечивающий связь, прием данных, известную их обработку, запись, отображение, печать, все, что положено.

Дальняя стена комнаты была прозрачной. Через нее были видны горы, лес, окутанный мраком, долина внизу, отдаленные вершины, покрытые снегом, звезды, все появляющиеся и появляющиеся на небе.

И перед этой стеной в мобильном шезлонге сидел Эспина. Как всегда, он был весь в черном. Видна была только его голова, похожая на череп, и руки, как у скелета. Его взгляд остановился на нас. А затем он сказал ровным, безо всяких интонаций голосом:

— Добрый вечер, — как будто мы были его гости, а не преступники, которым он должен был вынести приговор. — Садитесь, пожалуйста.

Мы вразнобой поклонились ему, а затем опустились на краешки стульев перед ним.

— Думаю, что удобней всего нам говорить по-английски?

«Вопрос чисто риторический», — подумал я. Разве он не знает сам? Чтобы нарушить молчание, я ответил:

— Да, ваша честь… сэр… Вы помните, что на Иштаре долгое время всеми принятый был язык людей. И большинство резидентов тут были люди английского происхождения, плохо знающие испанский из-за отсутствия практики. И…

— Да. До недавнего времени, — прервал он мой идиотский лепет.

«Тик-так,» — тикали огромные деревянные часы. Через минуту Эспина шевельнулся и спросил:

— Хорошо. Кто из вас будет пить кофе, а кто чай?

Мы пробормотали что-то неразборчивое. Эспина подозвал слугу и отдал соответствующие распоряжения. Когда это существо исчезло, Эспина достал серебряный портсигар, вынут оттуда своими желтоватыми пальцами сигарету и закурил.

— Курите, если хотите, — разрешил он нам ни враждебно, ни доброжелательно, как будто ему было все равно. Мы не двинулись с места. Его взгляд действовал на нас как альпийский ветер.

— Вы думаете, зачем я вас вызвал сюда, — наконец заговорил он. — Если судья хочет побеседовать с заключенными, зачем ему тащить их с другого конца планеты, не так ли?

Он выпустил дым из легких и его лицо Рамсеса окуталось голубоватым дымом.

— Да, — продолжал он, — голограмма избавила бы вас от путешествия, но я не хочу применять ее. Это не то же самое, что видеть вас здесь во плоти… — он посмотрел на свою костлявую руку, — которой у вас еще много. Да вы и сами понимаете, что общаться с живыми людьми, это совсем не то же самое, что смотреть на их цветные тени. Хотел бы я, чтобы все чиновники это поняли.

Кашель потряс его тело. Я видел записи его исторических выступлений, речей. И ни разу не замечал таких приступов. Может, все его речи редактируются? Ведь это стандартная практика всех политиков. Но Трибун Эспина всегда с презрением относился к такой лакировке.

Он отдышался, снова затянулся табачным дымом и продолжал:

— Поймите, я не занимаюсь обычными делами. Каждый случай ЧП. Я — последняя инстанция для дел, которые не поддаются ничьей юрисдикции, для дел, не имеющих прецедентов. Для дел, для решения которых бессильна не только система законов, но даже и философия.

Скажите мне, если можете, что общего имеют между собой в вашей объединенной мировой федерации процветающий японский инженер, гангстерский босс из Северной Америки, русский мистик или изможденный крестьянин из Африки? А кроме того, все больше и больше наших дел начинается вне Земли, в этой проклятой загадочной Вселенной.

Мы не сводили с него глаз. Эспина тронул кнопку на ручке кресла, свет в комнате погас и Вселенная как бы приблизилась к нам.

На ночном небе ярко светились звезды. От гори-

зонта до горизонта тянулся галактический пояс. Я вспомнил, что в Валленене его называют «Зимний путь». Ниже к югу я отыскал Сигиттариус. А дальше мне показалось, что я смогу увидеть в облаке света, отраженном Землей, тройное солнце Анубелиса. Кое где на фоне общего слабого свечения выделялись пронзительно черные пятна.

Везде, невидимые нам, рождались новые миры, миры, населенные живыми существами, чуждыми нам и по духу, и по плоти. Рождались и умирали Галактики, и вся эта Вселенная служила вечным вопросом, на который пока не было ответа: откуда все это появилось? Куда все это стремится и зачем?

Голос Эспины вернул меня к реальности.

— Я подробно изучил ваши дела, слушал ваши заявления. Мои ученые коллеги порицали меня за это, за то, что я теряю на вас в такую пору драгоценное время. Они напоминали мне, что есть множество более важных дел — ведь идет война. А это дело, говорили они, очень простое, без каких-либо очевидных последствий. Нужно просто вынести приговор. И все. И тем не менее я занимался вами. Но это только факты. А сколько в них правды?

Я рискнул заговорить:

— Сэр, если вы говорите о морали, о справедливости, то мы просили дать нам возможность все объяснить, но нам отказали.

— Естественно. Неужели вы думаете, что суд, занимающийся межпланетными проблемами, вынесет на предварительное прослушивание ваши речи, основное место в которых занимают эмоции?

— Я понимаю, сэр, но нам не разрешили сделать даже публичное заявление. Мы содержались в изоляции, а на заседания суда не допускались зрители. Я сомневаюсь, что все это законно.

— Это приказал я, в связи с военным временем. Можете мне поверить, что у меня были веские причины для этого.

Искалеченное тело наклонилось вперед. Слишком старое для омоложения и слишком молодое и живое, чтобы отправить его в небытие. Глаза его сверлили нас.

— Здесь вы можете говорить что хотите. Хотя я не советую вам этого. Я надеюсь получить от вас нечто более тонкое, более сложное, чем обвинение в адрес политики Федерации. Я хочу знать, почему вы готовы пожертвовать своим будущим ради существ, населяющих Иштар.

Рука его рубанула воздух.

— Садитесь поудобнее и, если можете, объясните мне это.

Расскажите мне о них, как вы их знаете, вернее, как себе представляете. О да, я прочел несколько трудов наших космологов.

Я как будто вернулся в детство и перечитал эту сахарную белиберду «Сказки далекого Иштара». Слова и картинки. И ничего больше.

Вложите в них плоть и кровь. Дайте мне почувствовать, что чувствует живое существо, которое знает, что его в течение жизни обязательно ждет Страшный Суд.

Вошел слуга с подносом.

— Можете пить алкоголь или другие наркотики, если желаете расслабиться. Но только потом. Не сейчас. Сейчас перед нами стоит очень трудная задача, — сказал Эспина.

Он поднес ко рту чашку. В ноздри мне ударил терпкий запах Лапсанг Сучанг. И вот он начал выжимать из нас все.

Глава 1

Во Время Огня северная страна от демонического солнца не видела мира. День и ночь, лето и зиму оно висело над головами и уже нельзя было отличить день от ночи и лето от зимы. Но это была Старкландия, откуда давно ушли все смертные и никто не мог там жить, независимо от того, хороший это год или злой. Даури, жители этой страны, ушли на юг. Они видели, как солнце опускается вниз, к горизонту, по мере их удаления, и наконец они увидели его висящим над самым горизонтом.

Перевалив через Пустынные холмы, они оказались среди Тассуи, пограничного народа, который жил на южной оконечности Валленена и, следовательно, был самым северным народом на планете. Здесь сама земля, небо и жизнь казались чужими пришельцами Даури.

Когда Штормкиндлер был далеко от планеты — чуть ярче ближайших звезд — здесь почти не было разницы между временами года. Зимой чаще шли дожди, а дни были короче чем ночи — и это все. Но Время Огня изменило это, как

изменило буквально все.

Теперь над Землей повисли два Солнца и не было ни одного мгновения благословенной темноты.

То же самое видел бы и путешественник, пересекающий Южное море. Здесь только времена года были другими — зима в Веронене, когда лето в Валленене, а Бернер был всегда на северной стороне неба. Если бы путешественник двинулся дальше на юг, он добрался бы до страны, где Бернера не видно во Время Огня. Он появляется на небе только тогда, когда находится слишком далеко от планеты и не может причинить вреда своим жгучим дыханием. Тассуи, слушая эти рассказы, считали, что это земля, любимая богами, и не верили тем, кто утверждал, что на самом деле это холодная и страшная земля.

Арнанак знал, что путешественники не лгут. Он сам был в Валленене сто лет назад как легионер Газеринга. Но он не разубеждал своих товарищей. Пусть они думают так, особенно, если это пробуждает в них зависть, ненависть, злобу и неприязнь к жителям другого полушария. Потому что он сам уже был готов начать нападение.

Звуки рога разносились в горах над Тарханой. Эхом отзывались долины и луга. Громче заревела

река Эсали, прорываясь сквозь узкий каньон в долину. Она еще не пересохла полностью, и те, кто был измучен жаждою, еще могли напиться, хотя раскаленные солнцем камни обжигали ноги. В раскаленном воздухе сильно пахло дымом.

Над западным хребтом висело Солнце. Сквозь дымный туман оно казалось тускло-желтым.

Снова Арнанак протрубил в свой рог. Воины выбирались из тенистых мест, где укрывались от жары, и устремлялись к нему.

Сейчас на них не было доспехов. Обычно они одевали их только перед битвой. Перевязь и ножны — такова была одежда большинства.

Зеленые тела, отливающие золотом красно-коричневые гривы, черные лица и руки, сверкающие высоко вверху наконечники копий, напряженные хвосты — все они собрались перед низким холмом, на котором стоял Арнанак, и запах их острого пота был подобен запаху мокрого железа.

Несмотря на свою гордость, Арнанак не удержался, чтобы не пересчитать их, хотя бы приблизительно. Около двух тысяч. Это было много меньше того количества, которое ему скоро понадобится.

Однако вполне достаточно для такого меропри-

ятия, которое он задумал сейчас. И они пришли отовсюду. Его отряд предпринял длинное путешествие сюда из Улу, от самой Стены Мира. По виду и манере держаться он узнавал жителей гор, лесных, равнинных жителей, обитателей побережья и островов.

Если они смогут захватить этот торговый город, то их родичи наверняка примкнут к ним.

В третий раз прозвучал рог. Тишина легла на долину, лишь слышался легкий плеск воды. Арнанак позволил им рассмотреть себя, оценить, прежде чем начал говорить.

Они преклонялись перед ним, так как он был достаточно силен, чтобы захватить власть, и достаточно умен, чтобы удержать ее и накопить богатство. Поэтому он постарался одеться как можно богаче. В его гриву были вплетены драгоценные камни, золотые спирали обвивали его руки и ноги. Кольца сверкали на всех четырех пальцах каждой руки. Роскошная попона из Сехалы покрывала его круп. Длинный меч, который он поднял над головой в знак власти, был выкован из лучшей стали.

За ним возвышалось дерево Феникс и он находился в тени шатра, образованного его голубой листвой. Арнанак специально прибыл на место

сбора раньше всех, чтобы занять это место. Он не хотел забираться в темную прохладную пещеру. Напротив, он решил остаться на жгучей равнине под солнцем. Это ему нужно было для того спектакля, который он хотел разыграть перед воинами.

Он обвел их всех глазами, набрал побольше воздуха в грудь, и его голос прокатился над равниной.

— Тассуи! Я, Арнанак, правитель Улу, говорю перед вами!

Слушайте!

Мои посланцы, которые несли кинжалы войны от селения к селению, не могли сказать вам больше, чем назвать место, где мы должны встретиться, когда Луна будет находиться в определенном месте на небе. Вы знаете, что долгие годы я вербовал себе союзников на западе. Вы слышали, что я хочу сбросить всех врагов в море и освободить путь на юг до того, как Время Огня начнет все сжигать здесь. Вы понимаете, что мой первый удар должен быть нанесен по Тархане.

Все это вы слышали и знали, понимали, но большего я не мог сказать, так как не хотел рисковать, ведь шпионы и предатели могли раскрыть все мои планы врагам.

Откровенно говоря, я не ожидал увидеть так много воинов.

Одни боятся меня, другие боятся моего поражения, а главное, сейчас время делать запасы, чтобы было что есть в наступающем трудном году и в последующие еще более трудные годы. И в том, что вас собралось так много, Я вижу доброе предзнаменование. Мы двинемся на запад. Я расскажу вам свой план.

Теперь я объясню вам, почему я выбрал для похода войну.

Легион не ждет от нас ничего кроме небольших разбойничьих нападений. И уж конечно не нападения на главную крепость Газеринга. Я знаю, о чем они думают там, за морем. С помощью двойных агентов я внушил им мысль, что мы сможем начать военные действия только летом, когда в наших домах все будет подготовлено к трудному времени, и когда наступят длинные ночи, в течение которых мы сможем скрытно совершать длинные марши.

А сейчас ночи наполовину короче, чем летом. Но этого времени хватит, чтобы достичь Тарханы — я дважды совершал этот путь и могу говорить об этом со всей ответственностью. Кроме того, я знаю, что сейчас в крепости лишь небольшой

гарнизон.

Большая часть воинов ушла на побережье Экур, чтобы сражаться с пиратами… которых я сам же направил на корабли Газеринга прошлой зимой.

Шепот пробежал по рядам воинов. Арнанак снова заговорил:

— Сегодня с вашими вождями я обсуждал план нападения. Двумя отрядами мы нападем на южные и северные ворота. Затем, когда солдаты противника будут заняты обороной, возьмем штурмом стены со стороны реки. Это трудно, но мои воины много тренировались в Улу, где я приказал выстроить точно такую же стену. Они прорвутся к воротам, где сопротивление будет слабее, и откроют их. И город будет взят.

Воин, помни, что если в твоем доме голод, то на свои трофеи ты сможешь надолго обеспечить свою семью и свой род. И помни: мы начинаем поход на Газеринг. Ваши дети будут жить в стране, которую любят боги.

При его последних словах солнце скользнуло за горизонт.

Сумрак темной волной опустился на мир. На небе вспыхнули звезды.

Из-за западного хребта поднялась Килызу. Холодный призрачный свет залил равнину, вы-

зывая тревожные чувства. Где-то завыл провлер.

Шум воды, казалось, стал громче. Хотя земля и камни еще дышали жаром, дышать сразу стало легче.

Арнанак просигналил своим хвостом Даури. Они выскользнули из-за дерева как тени, и лунный свет осветил семь фигур. Издалека было видно, что их предводитель держал в руке Вещь.

Страх прошелестел по темной массе собравшихся воинов. Их головы опустились вниз. Арнанак взял в руки Вещь, поднял ее, сверкающую зловещей чернотой, над головой.

— Скачите быстро! — крикнул он. — Сражайтесь отважно! Вещь с нами!

Немного погодя, когда воины успокоились, он смог говорить более тихо.

— Многие из вас знают, что я стал другом Даури. Вы знаете, что я совершил путешествие в Старкландию, откуда ушли все смертные, и взять из мертвого города эту Вещь Могущества не представляло труда. Вот она! Она принесет нам победу! Сегодня ночью мы начинаем! Я сказал, и вы слышали!

Еще до того, как выступило войско, на востоке взошла Нарау, маленькая, тусклая, медленно плывущая по небу. Свет двух лун, звезд, Моста

Приведений хорошо освещал путь Тассуи.

Тем не менее спуск в долину был труден. Арнанаку Часто приходилось цепляться За почву всеми четырьмя пальцами всех четырех ног. Сердце его билось от напряжения. Колючие кусты цеплялись за шерсть и за гриву.

Он оставил свои драгоценности и Вещь под охраной Даури. Ни Тассуи, ни легионеры не будут даже надеяться попытаться украсть то, что охраняют эти существа. Более того, любой, если только он не сумасшедший, будет держаться от них подальше. Сейчас на Арнанаке было военное снаряжение. Оно было изготовлено в Веронене, когда он там служил, и было гораздо более тяжелым, чем на его воинах.

Он слышал, как они скачут за ним, слышал топот ног, звон металла, хриплое дыхание, отрывистые ругательства. Он скакал впереди, зная, что если он заставит их повиноваться себе, то всегда будет их вождем.

«Глупо, — подумал он. — Цивилизация мудрее варварства. Его командир, еще в те времена, когда он был солдатом Газеринга, был стар и весь изранен, но он оставался на своей должности, потому что не было администратора и тактика лучше его. Варвары… Да, варвары могут выиграть битву

у цивилизованного народа только случайно».

Арнанак был рад, что легион, который он собирался сбросить в море, был легион Зера, а не его старого Тембуру Стайдера.

Конечно, он мог подойти сюда для подкрепления, но это маловероятно. Одну за другой Газеринг терял свои территории, как это было каждое тысячелетие, когда возвращался Шторм-киндлер.

Теперь они потеряют Валленен и не будут пытаться забрать его обратно, даже если при этом они потеряют острова, и потом…

Если только люди не… Что можно знать о существах более хитрых, чем Даури, существах, которые прилетели сюда издалека.

Да, их родная планета так далеко, что их солнца даже не видно.

Разумеется, если верить тому, что они рассказывают…

Арнанак стиснул рукоять меча, который был в ножнах, висящих на поясе. Если то, что он слышал, верно, то люди будут слишком заняты делом в окрестностях Сехалы и им будет не до того, чтобы вмешиваться в дела, которые происходят здесь, на самой дальней границе. Они не поймут значения выступления валененцев, пока

не будет слишком поздно. А затем… Почему бы им не вступить в деловые отношения с Высшим Правителем. Он будет обладать большим могуществом, он сможет больше предложить людям, чем осколки Газеринга.

Если, конечно, он, Арнанак, все правильно рассчитал и спланировал.

Если нет, то он умрет. И большинство его народа вместе с ним. Но Время Огня все равно убьет их — и это гораздо более мучительно, чем умереть в бою. Арнанак снял руку с рукояти меча и быстрее поскакал по каменистым склонам…

Скакать по равнине было легче. По приказу вождя воины бежали в стороне от торгового пути. Только дважды они вышли на него, чтобы спуститься к реке, утолить жажду и смочить шкуру. На торговом пути всегда могли встретиться патрули. Кто-нибудь из них мог избежать смерти и поднять тревогу. Поэтому Арнанак вел свой отряд напрямик.

На здешних полях не было колючих кустов. Жители города научили здешних жителей возделывать поля. Зерно, злаки, прирученные животные — да, они жили богато. Но приближалось Время Огня и фермы с их богатыми запасами уже подвергались нападениям грабителей. Возде-

лыватели земли уже оставили свои дома. Отряд Арнанака не встретил на своем пути никого. Однако пастбища не выгорели еще полностью, и воины неплохо подкрепились.

На востоке уже начало светать, когда они снова вернулись к реке. Перед ними на фоне неба возвышались стены и караульные башни Тарханы. Командиры тихо отдали приказы остановиться и вооружиться. Нужно было торопиться, чтобы солнце не выдало их появления.

А сейчас было почти холодно. Индевер не мог нагреть атмосферу. Хотя он и был больше солнца по величине, его излучающая способность была в пятьдесят раз меньше. Так сказал Арнанаку в Сехале один философ. Однако, когда взойдет солнце, настанет нестерпимая жара, а ведь была еще весна, и самое худшее время года еще не настало. Арнанак надеялся попасть в город до того, как солнце начнет жечь землю. Снимет ли он свои доспехи, или нет, зависело от поведения гарнизона. Арнанак был уверен, что гарнизон сдастся, если ему пообещают, что всех их выпустят, только без оружия. Цивилизованные воины считали большой глупостью, пустой бравадой драться тогда, когда надежды уже нет.

Но их командир может решить, что нужно

драться до конца, чтобы убить как можно больше варваров.

Ну что же, тогда к Арнанаку присоединится много воинов, родственники которых погибли. Их поведет на войну жажда мести.

Он распаковал мешок, с помощью знаменосца надел шлем и кольчугу. Затем взял щит. Наступило утро. Все окрасилось в алый цвет.

Арнанак вскинул меч и тот полыхнул алой молнией.

— Вперед! — крикнул он.— Нападение и победа!

И он поскакал вперед, слыша, как сзади гудит земля от топота тысяч ног его воинов.

Глава 2

Прозвенел звонок.

— Входите! — крикнул Юрий Джерин. Он встал и выключил плейер. Если бы он слушал что-нибудь классическое из их фонотеки, например, Моцарта или что-то легкое, Юрий просто бы уменьшил громкость. Но большинство людей не любили Геанскую музыку, хотя это была музыка планеты с цивилизацией такой же старой, как и земная. Чтобы понимать музыку, необходим интерес, который рождает терпение, и плюс хороший слух.

Дверь открылась и вошел молодой человек в форме эскадрона воздушного преследования. Его новенькие эмблемы ослепительно блестели. Вошедший отсалютовал изысканно небрежно. Он хорошо приспособился к местной силе тяжести, хотя он не смог бы получить должность в эскадроне, не обладая быстрой приспособляемостью. Он был высокий, крепкий, с красивым лицом кавказского типа. Джерин подумал, можно ли заметить на его лице признаки того, что он был рожден вне Солнечной системы.

Юрий обратился к молодому человеку, мучительно борясь со своим ужасным испанским, мысленно переводя каждое слово на английский:

— Энсинь Конвей? Успокойся. Расслабься. Хорошо, что ты пришел.

— Капитан вызывал меня.

Да, Конвей говорил на той старой версии языка, которая очень отличалась от паневропейской версии, на которой говорил Джерин. И у него был акцент. Странный акцент. Мягкий и с примесью чего-то… негуманоидного?

— Я просил, чтобы ты зашел ко мне. Только просил.

Дверь закрылась. Джерин удивил юношу, протянув ему руку для пожатия. После мгновенного колебания пожатие состоялось.

— Вы сделаете мне личное одолжение, да к тому же послужите и Земле. Вскоре мы улетаем, и я хочу, чтобы ты хорошо отдохнул с девушками, или как ты там еще привык. А сейчас я хочу предложить тебе выпить.

Джерин взял за локоть Конвея и повел его к креслу, непрерывно разговаривая:

— Поэтому я и попросил тебя придти сюда. В клубе слишком шумно, а в кабинете слишком

официально… Так что ты предпочитаешь пить?

Дональд Конвей опустился в кресло, уступая нажатию руки.

— Я… Что желает капитан. Благодарю, сэр.

Джерин встал над ним и улыбнулся.

— Держись свободнее. Забудем о рангах. Мы здесь одни и я ненамного старше тебя. Сколько тебе лет?

— Девятнадцать… Я имею в виду двадцать один, сэр.

— Ты все еще говоришь о иштарианском возрасте? Ну а я в прошлом месяце отпраздновал свое тридцатилетие по земному счету.

Не слишком большая разница?

Конвей немного расслабился. Взгляд его стал менее нервозным, скорее — задумчивым. Он рассматривал своего хозяина.

Джерин был среднего роста с маленькими руками и ногами, кошачьими движениями. Черты его лица были правильными. Лицо оливковожелтого цвета с коротким носом и полными губами. Глаза коричневого цвета, как и волосы.

Одет он был в свободную блузу и облегающие брюки из блестящей ткани, таби и сори. Его кольцо, определяющее общественное положение, было стандартным, но в мочке правого уха по-

блескивало еще колечко.

— Я стал кадетом в шестнадцать лет, — продолжал Джерин. — И остался на службе. Ты прибыл на Землю два года назад и был призван на службу, когда началась война. И, естественно, не успел пройти настоящей подготовки, — он пожал плечами. — Ничего.

Закончишь учебу позже. Станешь профессором изящных искусств, президентом какого-нибудь университета. А я останусь все таким же. Так что ты выпьешь?

Он подошел к мини-бару.

— Я за коньяк с капелькой соды.

— Мне то же самое, сэр. У меня еще не было возможности изучить науку… пить.

— У вас на Иштаре небольшой выбор?

— Да. Пиво. Местное пиво. Вино, — Конвей заставлял себя говорить спокойно. — И вкус у них совсем не такой, как на Земле. У нас трудная планета. Мы производим не так уж и много. Погода, радиация…

— Видишь, ты уже помог мне. Теперь я знаю, что мне необходимо брать большие запасы.

Пока он готовил выпивку, Конвей осмотрелся. Комната была небольшая и совсем неплохо оборудованная, если учесть, что они находились на

базе «Циолковский». Сейчас шла война, и база была перегружена оборудованием, людьми, которые были готовы в любой момент отправиться на сцену военных действий. Вследствие перегруженности пришлось отключить генераторы тяготения, и теперь люди страдали от необычных условий. В связи с этим для поддержания формы им приходилось много заниматься специальной гимнастикой. Через полупрозрачную стену был виден величественный лунный пейзаж. Вот на вырубленную в базальте посадочную полосу приземлился грузовой корабль.

Личность Джерина наложила отпечаток и на комнату, которую он занимал. На столе лежали какие-то распечатки, книги об Анубелисе, стопка журналов, детективный роман, избранное Гарсиа Лорки, за столом находился увлажнитель воздуха.

— Пожалуйста, — Джерин подал стакан Конвею. — Как насчет сигары? Нет? Значит, у вас на Иштаре и с Этим плохо? Ну что же, значит, я тоже воздержусь. — Он сел в кресло. Поднял свой стакан. - Салют!

— О, превосходно! — проговорил Конвей, сделав глоток.

Джерин хмыкнул.

— Верно. Ты становишься самим собой. Этого я и ожидал.

— Вы проверяли меня, сэр?

— Только посмотрел открытое дело. Я запросил ЭВМ: с кем, прибывшим с Иштара, я могу войти в контакт. ЭВМ выдала твое имя.

Вот и все. Согласно данным ЭВМ ты родился на Иштаре и не покидал планету до настоящего времени. Сомневаюсь, чтобы трус и бездельник смог вынести жизнь на этой планете, полную трудов и опасностей. И более того, проведя жизнь на такой отдаленной и редкопосещаемой планете, ты проявил такие блестящие способности в визуальном искусстве, что тебе предоставили право учиться на Земле. И далее, когда разразилась война, ты не спрятался за свои занятия, а добровольно пошел служить в самые трудные войска.

Чтобы узнать тебя, мне не нужно было никакой другой информации.

Конвей вспыхнул, сделал еще глоток и проговорил:

— Очевидно, вы получили задание, сэр, и хотели бы что-то от меня узнать. Разве это не удивительно для такого человека, как вы, с вашими заслугами?

Джерин нахмурился.

— Такое бывает.

— После того, как я получил ваш вызов, я тоже обратился к ЭВМ. — Несомненно, коньяк быстро подействовал на непривычную голову Конвея, так как теперь он говорил быстро и не задумывался.

Джерин понял, что юноша хочет ответить в том же ключе, в каком говорил он, его непосредственный начальник. — Вы были в моем возрасте, когда вылетели на Даймон Старр освобождать Калибан. Вы были капитаном рейнджера, командиром бластшипа, руководителем работ по созданию базы на Гее. Разнообразие должностей, потрясающее даже для Космофлота, где часто любят менять род занятий. И вы слишком молоды для своего ранга. — Он спохватился. - Прошу прощения, сэр. Я не хотел быть таким нахальным.

— Все нормально, — Джерин небрежно махнул сигарой. Хотя недовольство все еще таилось в уголках его губ.

— Я позволю себе высказать предположение, сэр. Аборигены Геи весьма странные существа с нашей точки зрения. Но я не нашел в архивах никаких упоминаний о том, что они жаловались на вас.

Обвиняли вас в чем-либо. Следовательно, когда

вы работали на Гее, вы были справедливы, мудры, доброжелательны. Может быть, Синкпинс считает вас самым лучшим представителем Земли на Иштаре.

— Но почему же они не запросили тебя обратно? — спросил Джерин. Он сделал большую затяжку дымом. — Ты же жил там. Ваше сообщество на Иштаре существует уже лет сто.

Конвей нахмурился и наконец заговорил.

— Такая должность не для меня, тем более, когда идет война… И даже если бы меня назначили… я не гожусь для Иштара… Эмоциональный конфликт — вся моя семья, родители, братья, сестры, старые друзья — все они против войны.

Джерин подавил недовольство.

— А что ты сам чувствуешь по этому поводу? Конвей спокойно встретил его взгляд.

— Я же вступил в армию. Там трудно разобрать: кто прав, кто виноват. Но на людей напали. Их имущество, которое они зарабатывали все эти годы потом и кровью, даже их жизни находятся под угрозой. Если мы не остановим конфликт на ранней стадии, может быть совсем плохо. Вспомните дело Алериона.

Джерин улыбнулся.

— Что мне напоминать его, сынок. Я сам участ-

вовал в этом деле. — Улыбка его погасла. — Но ты прав. Мы должны помнить уроки истории.

Он осушил стакан и снова направился к бару.

— Тебе налить еще?

— Нет, благодарю, — Конвей подыскивал слова. — Капитан, в вашем назначении есть резон. Предположили, что наксанцы неожиданно нападут и захватят Иштар. Там значительные ресурсы. А кроме того Иштар будет прекрасной базой для Накса.

— Ты действительно думаешь так? Я получил приказ основать базу Наблюдения для предотвращения отдаленной, но все же существующей возможности того, что действия переместятся в этот район космоса.

Конвей кивнул.

— Да, и кроме вас никто не сможет этого сделать. А когда работа будет закончена, вы, несомненно, получите назначение на фронт. Если, конечно, война к тому времени не кончится.

Джерин снова рассмеялся.

— О, ты знаешь, как успокоить серьезного человека.

Благодарю. — Он вернулся в кресло. — Эти наксанцы отважны и умны.

Думаю, что война продлится еще долго.

— Надеюсь, что нет.

— Естественно. — Джерин помолчал, а затем добавил:

— Ты понимаешь, что я хочу сделать все, чтобы покончить с этим. Я считаю, что наши функции — это поддержание мира во Вселенской Федерации. Скажи мне, почему там, на Иштаре, против войны? Многие интеллектуалы Вселенной, поддерживающие Землю, на нашей стороне.

Конвей сделал глоток.

— Боюсь что здесь, вдали от Иштара, мои доводы покажутся нереальными. — Он наклонился вперед. — В основном наши убеждения основаны на том материале, который поступает к нам извне. И они сложились до того, как началась война. Письма, магнитные ленты, беседы с теми, кто прибывает к нам — и Люди, живущие на Иштаре, пришли к убеждению, что война — это катастрофа для всей планеты.

Ведь в этом случае прекратится доставка материалов для выполнения проектов и все работы заглохнут.

— А, — проговорил Джерин, выпустив клуб дыма и долго наблюдая прищуренными глазами, как он рассеивается. — Вот мы и пришли к тому, что я хочу от тебя. Информации. Совета. Нужды

и заботы иштарианцев и небольшой колонии землян на Иштаре. Все, что ты можешь сказать. Меня назначили на прошлой неделе, и все это время я организую свою команду, работаю. И так будет до отлета, а срок остался совсем маленький. Думаю, что не будет не правильным, если я скажу своему младшему офицеру, что я получил много указаний самого высокого уровня.

Видя удивление Конвея, он замолчал.

— Указания, сэр? — спросил юноша.

— Ты не слышал об этом. О, невинное дитя. Стандартная процедура. Достижение Максимума Энтропии. Дело в том, мой мальчик, что ты — единственный способ для меня изучить обстановку. Ничего не зная, я могу наделать много глупостей.

Может даже провалить свою миссию…

— Но вы так много знаете о самом космосе…

— О, да, да, — нетерпеливо оборвал его Джерин. — Я изучал небесную механику Системы Анубелис. Я немного знаю об аборигенах Иштара, об их уникальной биологической ситуации. — Он перевел дыхание. — Планет, на которых люди могут ходить в трусах, очень мало. Их можно пересчитать по пальцам. И они рассеяны по космосу.

В основном мы заняты планетами, которые расположены поблизости от Земли. И не забывай, что любая планета — это огромный и сложный мир, который трудно понять и изучить до конца. Вот я землянин, но ничего не знаю о литториальной экологии, о династической истории Китая, о том, что происходит сейчас в Кении!

Он бросил сигару в пепельницу, выплеснул туда же содержимое своего стакана и взял со стола книгу об Иштаре.

— Сейчас я изучал это, — слова его прозвучали горько. - Последняя публикация десятилетней давности. Тщательно собранная информация. — Он открыл ее на первой попавшейся странице и сунул под нос Конвею.

Левая страница:

Анубелис Б(Бел).
Тип — Г 2.
Масса — 0,95 СОЛНЕЧНОЙ.
Средний диаметр — 1606 СОЛНЕЧНОГО.
Средний период вращения — 0,91 СОЛНЕЧНОГО.
Яркость — 0,93 СОЛНЕЧНОЙ.
Эффективная температура — 5800 град К.

Планеты (Земля = 1)	Радиус	Диаметр	Масса	Сила орбиты экватора тяжести
Кабу	0,629	0,163	0,06	0,36
Адед	0,54	0,402	0,78	0,74
Иштар	1,03	1,075	1,53	1,13
Шамаш	2,67	2,735	0,83	0,93
Мардук	4,40	9,560	5,10	1,93

Примечание: приложение Д.

Полное описание планет см. главу XI.

Правая страница:

Анубелис Б III (Бел III).

Основные параметры: (Земля = 1) Масса — 1,533.

Средний диаметр экватора — 1,143.

Средняя плотность — 1,033.

Сила тяжести — 1,183.

Длительность года — 1,0723: 392 земных дня равны 510 иштарианских дня.

Период обращения — 0,755. Наклонение оси — 1,143.

Освещенность — 0,89 Сол/Зем.

Давление на уровне моря — 1,123.

Состав атмосферы аналогичен составу земной.

Спутники: Целестия. Урания.

Обе луны Иштара имеют не правильную форму.

Подробные сведения о них см. гл III.

— Вот все, что я смог выкопать из библии навигаторов, - сказал Джерин. — О, йес, си, уи, да, а еще тексты, иллюстрации, анекдоты. Неплохие материалы для туристов, Если бы существовала индустрия туризма, организация экскурсий в такую даль. Кроме того, я провел много часов перед видеоэкраном, изучая все, что есть по Иштару. Теперь я хоть знаю как выглядят Иштарианцы. — Он говорил и листал страницы, пока не остановился на одной иллюстрации. Здесь были показаны особи мужского и женского пола, а рядом для сравнения — человек. Самец имел размеры небольшой лошади. Кентавр — вот, пожалуй, самое точное слово для описания иштарианцев. Могучий торс с двумя руками и четырьмя ногами.

Голова сидела на почти вертикальной шее. В иштарианцах было больше от льва, чем от лошади: длинный хвост, лапы с когтями на четырех пальцах. Могучие, как у штангиста, руки. На каждой руке по четыре пальца, тоже оканчивающиеся когтями. Голова — большая и круглая,

заостренные уши могут двигаться в небольших пределах. На нижней челюсти виден небольшой подбородок. Зубы белые и маленькие, за исключение двух клыков, выступающих изо рта. Вместо носа — короткий хоботок, на конце которого видна одна широкая ноздря. Кошачьи усы оттеняют верхнюю губу. Глаза такие же как у кошек, без белков. У самцов голубые, у самок золотистые.

Лицо и руки у изображенных иштарианцев, жителей Веронена, светло-коричневые. Большая часть тела покрыта темно-зеленой, похожей на мох шерстью. Роскошная грива, покрывающая горло, голову, шею, делала их еще более похожими на львов.

Половые различие тоже были довольно существенными. Самки были на пятнадцать сантиметров короче. Хвост их был едва намечен, зад более широкий и округлый, грудь широкая, живот плоский.

Внешние половые органы были ярко-красного цвета. Из сопроводительного текста можно было узнать, что самки имеют сладкий запах, а самцы — остро-кислый. Кроме того самки пользуются более широким диапазоном частот в своей речи.

Иштарианцы не использовали никакой одежды, кроме украшений и пояса с ножнами для

ножа и кинжала. Самец имел при себе копье и какой-то струнный инструмент. Самка — длинный лук и что-то вроде деревянной флейты.

— …я знаю, что биохимия их подобна нашей. Мы можем есть одну и ту же пищу. Но, конечно, есть исключения. Иштарианцы, например, могут пить этанол. — Джерин с шумом захлопнул книгу. — Ты понял? Люди провели сотню лет на Иштаре, пытаясь понять его, и ты мне можешь подтвердить, что они также далеки от этой цели, как и в начале. — Он отшвырнул книгу на кровать.

— Эта работа ничего не стоит.

— А эти люди? Да, я знаю, что больше половины персонала там временные: исследователи, прибывшие, чтобы провести специальные исследования, техники, работающие по контракту, археологи, которые сами определяют себе фронт и окончание работ… И ядро составляют резиденты, которые живут на Иштаре сравнительно долго.

И уже появилось второе и даже третье поколение людей-иштарианцев, но они составляют ничтожно малый процент от всего людского населения планеты.

Джерин развел руками.

— Ты видишь, как мне нужна беседа с тобой. Разумеется, мне нужно гораздо больше информации, но я вряд ли смогу получить ее от кого-либо еще. Так что… дружище, допивай свой стакан и наливай себе еще. Тебе нужно развязать язык. Свободное общение.

Расскажи мне о своей жизни, семье, товарищах. Я отвезу им от тебя привет, подарки, которые ты захочешь послать им. Но помоги мне! - Джерин одним глотком опустошил свой стакан. — Дай мне идею. Что мне сказать им, как завоевать их доверие, заставить их сотрудничать. Ведь я для них — представитель политики, которая хочет уничтожить их самые сокровенные мечты и желания.

Конвей сидел молча. Взгляд его блуждал по лунному ландшафту. Наконец он осторожно заговорил:

— Я думаю, что вам следует показать документы Оляйи, которые наделали столь много шума в прошлом месяце.

— О причинах войны? — Джерин был очень удивлен. — Но ведь эти документы раскритиковали.

— Он очень старался быть объективным. Каждый знает, что Оляйя не сторонник войны. Он

слишком аристократичен по своему темпераменту. Однако он прекрасный журналист и проделал огромную работу, изучив самые разнообразные аспекты проблемы.

Джерин нахмурился.

— Он сказал, что основная причина — элетарианцы.

— Честно говоря, я, и не один я, не согласны с тем, что они основная причина. Я восхищаюсь ими и симпатизирую им, но я считаю, что мы, гуманоиды, если хотим выжить, как вид, то должны остаться во главе событий. Ведь я видел, какой хаос поднялся на Иштаре… многие, как и моя сестра Джиль — которые провели на Иштаре всю свою жизнь — стали рассуждать так, что видят только то, что ужасы Ану придут и на их планету. Если они смогут понять, какие жертвы могут быть принесены во имя общего блага… Они умны, обладают здравым научным скептицизмом, они провели свою жизнь, изучая разнообразные науки и конфликты. Дешевой пропагандой их не завоевать…

Оляйя честно показывал реальность. Я чувствую это. Думаю, что и люди на Иштаре чувствуют это же. Даже если ничего другого вы не достигнете, но они поймут, что мы на Земле име-

ем право свободно выражать свои мысли, что Земля не какой-то там уродливый монолитный монстр… Это должно помочь вам.

Джерин сидел молча.

Затем он вскочил.

— Ол райт! — воскликнул он. — Я просил совета и, Дональд Дой — можно я буду так тебя называть — меня зовут Юрий. Теперь мы можем начинать хорошее дело — серьезную выпивку.

Глава 3

Южанин Ларекка и его люди приблизились к Примавере в полдень, через день после того, как он оставил свою жену в Якулен Ранч. Селение людей находилось в трех днях пути вверх по реке от города Сехала. Город не выставил на этой дороге никаких постов.

Каждый житель Веронена, да и всего Газеринга уже убедился, что земляне и их друзья — единственная надежда на спасение их цивилизации. Но этим чужакам все требовалась земля для выращивания их злаков и пастбища для скота. А те, кто изучал природу, вроде Жиль Конвей, предпочитали работать не на возделанных землях, которые теперь окружали Сехалу. Те, кто изучал народ, заявляли, что присутствие людей и города нарушает природу эксперимента.

Ларекка размышлял над всем этим, двигаясь по шоссе, проложенному параллельно течению реки Джейн. Прекрасное шоссе, мощеное плитами. Ларекка ощущал жар, исходящий от плит, и их жесткость. Но плох был бы тот старый воин, который показал бы, что путь ему труден. Однако

трудное время только еще наступало.

Правда, юный Веронен не подвергся непосредственному жестокому воздействию Ровера… Разве что косвенно, когда орды изголодавшихся вторгались в благословенные земли, после чего надо было все налаживать заново. Сейчас была только середина осени, после которой наступит дождливая зима. Здесь, в Южном полушарии не было дела до того, что обрушит на планету безжалостный Ровер.

Его красный диск низко висел над северными хребтами. Солнце палило высоко в небе. Двойные тени и смешанные цвета делали весь ландшафт каким-то призрачным. Этот берег реки был отдан для возделывания людям. Овес, кукуруза, другие злаки, фруктовые сады, странные четырехногие рогатые животные, щипавшие траву возле заборов — все говорило о благоденствии. Другая сторона реки была оставлена аборигенам. Она заросла охристым мхом. Тут и там виднелись кустарники, семена которых распространялись ветром. Во всем здесь была видна беззаботность природы. Она щедро разбрасывала свои ресурсы.

В лицо дул приятный утренний ветерок. Ларека с удовольствием ощущал, как вьется по ветру его грива. Он жадно вдыхал сладкие ароматы

растений, которые росли на берегу землян.

Однако это не заставило его забыть о мрачности своей нынешней миссии. Воин не должен забывать свой долг, какие бы соблазны не вставали у него на пути.

— Еще далеко, сэр? — спросил один из полудюжины самцов, сопровождавших его. Такое сопровождение не было необходимым в густонаселенных, богатых пищей местах. И все же лишние руки никогда не помешают в охоте или в устройстве лагеря. «Бедные ублюдки, — подумал Ларекка, — за все время своей юности они так никогда и не познают радостей жизни, радости быть молодым». Сам он родился на острове Фосс в море Файери, и теперь его направили на Валлентайн, крепость Зера. Никогда до этого он не бывал на своей родине.

— Примерно час, — сказал Ларекка.

Час составляет одну шестнадцатую часть от одного восхода луны до другого.

— Хорошо. По крайней мере Скила скоро наверняка зайдет за горизонт.

— Что? Ах, да, — Ларекка слышал уже примерно шестнадцать разных имен для светила, которое он называл Ровер. Он стал называть его так с тех пор, как начал принадлежать к Триадическому

Культу. В своей юности в Хаэлене он называл его Аббада. И ему говорили, что это преступный бог, который возвращается каждую тысячу лет. Позже он стал скептиком и понял, что все языческие ритуалы проклятия этого бога связаны с тем, что когда приходит это солнце, народ начинает голодать, страдать от жары и жажды. Варвары Валленена так боялись его, что никогда не давали ему имени, называя лишь эпитетами, причем не повторяли их дважды, чтобы не обратить внимание бога на говорившего. Однако люди называли красное солнце Ану и отрицали, что души умерших селятся на нем. Второе солнце они называли Бел, а Пылающую звезду — Еа.

Их концепция не вызывали ни у кого сочувствия и поддержки.

Сам Ларекка, только собрав все свое мужество, познакомился с их учением. И все же он не мог поверить, что в священной Триаде нет ничего, кроме Огня. Он продолжал выполнять все ритуалы и требования своей религии. Для воина это было особенно важно, так как это укрепляло мораль и дисциплину в легионе.

Со стороны Ларекка не выглядел тем, кто изучает философию.

Он был похож на воина-ветерана, слегка по-

грузневшего, но все еще достаточно быстрого и ловкого. Все тело и лицо его были покрыты шрамами, а левое ухо он потерял очень давно. После того, как он начал жить в южном Веронене, кожа его потемнела, но глаза так и остались светло-голубыми. Вся его речь носила следы грубого диалекта его родины, а его любимым оружием, так сказать, фирменным знаком, был тяжелый короткий меч, любимое оружие в антарктических странах. Во время путешествия на нем был только пояс с сумкой для разных мелочей. Кроме того, у него было копье.

Но никаких украшений. Единственной драгоценностью была золотая цепь на правой кисти.

Воины, которые следовали за ним, были разукрашены перьями, сверкавшими эмблемами, но они почтительно относились к своему скромно одетому предводителю.

Ларекка, сын Забата из клана Караци, был самым требовательным из всех тридцати трех командиров легиона. Сейчас он достиг средних лет, отслужив двести лет в Зере, и совсем недавно отпраздновал свой триста девятнадцатый год рождения. Он мог надеяться еще на сотню лет жизни полноценного воина — если, конечно, он не падет от копья варвара, или его не убьет

смертоносное излучение Ровера.

Ровер соскользнул за горизонт. Некоторое время его лучи еще освещали облака на северной части неба, а затем истинное солнце осталось в одиночестве.

— Ты думаешь, будет дождь, сэр? — спросил воин с острова Фосс. — Я бы не возражал.

Хотя его остров лежал близ экватора, там все время дули освежающие ветры. Здесь же воину было жарко и душно.

— Оставь свою жажду до Примаверы, — посоветовал Ларекка. - Там хорошее пиво. Однако я не думаю, что сегодня будет дождь.

Может быть, завтра. Не думай об этом, сынок. Скоро ты будешь иметь вокруг себя столько воды, что ты в ней сможешь даже утонуть. Может тогда ты оценишь Валленен.

— Сомневаюсь, — сказал другой воин. — Валленен настолько пересох, что его уже ничто не спасет.

Воина звали Салех. Он продолжал:

— Но я не понимаю этого. Конечно, Валленен длительное время подвержен влиянию Злой Звезды, которая в Валленене выше на небе, чем в Веронене. Я понимаю, почему так жарко. Но почему все так пересыхает? Ведь испаряющаяся

от жары вода тот час же проливается на землю. Разве не поэтому на тропических островах такая влажность?

— Ты прав, — ответил Ларекка. — Именно поэтому в следующие пятьдесят четыре года хлещут дожди и мы бродим, проваливаясь в грязь по самые хвосты. Но Валленен окружен горами и до него не доходят дождевые облака. А сейчас заткнись и иди молча.

Воины повиновались. И Ларекка вспомнил замечание Годдарда Ханшоу, которое тот однажды сделал.

— Вы, иштарианцы, обладаете врожденным чувством дисциплины.

Впрочем слово «дисциплина» здесь вряд ли подходит. Это скорее ощущение нюансов в действиях группы и ощущение себя частичкой единого целого. Мы, люди, быстрее вас схватываем основные научные идеи, но у вас более высокий социальный интеллект. — Он ухмыльнулся. — Эта точка зрения весьма непопулярна на Земле. Наши интеллектуалы не желают признать, что существо, у которого в стране есть войны, табу и прочее, продвинулась по ступени эволюции дальше, чем мы.

Ларекка вспомнил эти слова по-английски,

так, как они были произнесены. Люди очень привлекали его, и он изучил о них все, что только мог. Язык не был проблемой для него, который проскакал пол-планеты и которому постоянно приходилось общаться с местными жителями, чтобы спросить дорогу, кров, пищу и пиво… Кроме того, люди использовали в своей речи очень узкий диапазон частот и набор звуков. Они не могли сравнятся в этом даже с иштарианцами мужского пола.

Очень жаль, что они живут так недолго. Один шестидесятишестилетний цикл, и им уже приходится пользоваться лекарствами, чтобы поддерживать здоровье. А в конце второго цикла им уже ничто не может помочь… Ему хотелось поскорее насладиться встречей с друзьями.

Кроме того его торопила и срочность поручения. Он нес плохие вести.

Примавера состояла из жилых домов и других зданий, стоявших вдоль асфальтированных дорог в тени деревьев, оставленных здесь еще со времен застройки территории. Остальная площадь была переработана для земной растительности. Теперь ее мягкая зелень раскинулась по пологим склонам над рекой Джейн, где возле причала стояли торговые суда иштарианцев. Дома землян

были построены из местных материалов: дерево, камень, кирпич, но неизвестное в Веронене стекло сделало эти здания необычными. Дорога уводила из города в космопорт, где производили взлеты и посадки лайнеры, используемые для путешествий в другие части планеты. Для близких поездок земляне использовали машины, мотоциклы или ходили пешком.

Иштарианцы были частыми гостями в Примавере и поэтому никто из людей не обращал на них особого внимания, если, конечно, это не был близкий знакомый.

А Ларекка был хорошо знаком только с теми землянами, кто очень долго жил на этой планете. Правда, в этот час на улице народу почти не было. Взрослые на работе, дети — в школе. Ларекка дошел до Суб-парка и уже хотел подойти к фонтану, чтобы напиться, как его окликнули.

Сначала он услышал рычание огромного мотоцикла, летящего на большой скорости. Такой шум в городе мог устроить только один человек, подумал Ларекка, и он не ошибся. Он ничуть не удивился, когда узнал гортанный голос Джиль Конвей:

— Ларекка! Сам старый Сахарный Дядюшка!

Она отстегнула ремни безопасности, спрыгнула

с сиденья и бросилась к нему в объятия.

— М-м-м, — промычала она, склонив голову набок и рассматривая Ларекку с головы до ног. — Ты хорошо выглядишь.

Поработал немного и согнал лишний жир. Почему ты не дал знать, что придешь? Я бы испекла пирог.

— Может быть именно поэтому, — поддразнил он ее.

— О, ты еще не забыл! Вы живете так долго, что у вас совсем не развито чувство времени! Мои кулинарные катастрофы происходили вовсе не вчера, как тебе кажется, а целых двадцать два года назад. Я уже взрослая, как все мне говорят, и я прекрасно готовлю, но я должна признать, что ты вел себя как герой, когда ты ел то, что я готовила для тебя в детстве.

Они улыбнулись друг другу. При этом губы человека слегка изогнулись, а губы иштарианца вытянулись вперед. Теперь Ларекка в свою очередь рассматривал девушку. Они обменивались радиограммами, изредка говорили по телефону, но не встречались уже семь лет с тех пор, как девушка была направлена в Валленен, в Зеру. Он был слишком занят борьбой с суровой природой и усилившимся бандитизмом, а она сначала учи-

лась, а потом была занята своей карьерой. Если бы она занималась карьерой Веронена и Архипелага Ирэны, где было еще много темных мест, Ларекка был бы только рад этому. Но она решила заняться изучением великих тайн Валленена, а этот материк был небезопасен. Ларекка был обеспокоен этим, так как он любил Джиль.

Она изменилась. Сотня лет дала Ларекке возможность близко сойтись с несколькими людьми, с которыми он потом дружил всю жизнь. Поэтому он имел возможность наблюдать изменения, происходящие у людей в процессе жизни. Он оставил Джиль еще ребенком, подростком, а сейчас она была уже совсем взрослая.

Одетая в обычную блузу и брюки, она стояла перед ним, высокая, длинноногая, стройная. Лицо у нее было узкое, на нем выделялся широкий рот с пухлыми губами, классически прямой нос, голубые глаза с густыми ресницами. Что-то орлиное было в ее взгляде. Солнце позолотило ее кожу. Густые темно-русые волосы спадали на плечи и их подчеркивало серебряное кольцо, которое подарил ей когда-то Ларекка.

— Да, ты уже взрослая и можешь выходить замуж, — согласился Ларекка. — За кого и когда?

Он не ожидал, что она вспыхнет и неразборчи-

во пробормочет:

— Пока не собираюсь, — и тут же она сменила тему:

— Как семья? Мерса с тобой?

— Я оставил ее на ранчо.

— Почему? У тебя жена гораздо лучше того, чего ты заслуживаешь, насколько я знаю.

— Только не говори ей это. — Он стал серьезным. — Я еду в Сехалу на Ассамблею, а затем мне срочно придется вернуться в Валленен.

Джиль долго стояла молча, а потом тихо спросила:

— Неужели дело так плохо?

— Очень.

— О, — снова пауза. — Почему вы не скажете нам?

— Все началось перед рассветом. Сначала я не был уверен, но когда все узнал, я позвонил и просто попросил собрать Ассамблею.

После этого я сел на корабль.

— Почему ты не позвонил нам и не попросил самолет?

— А зачем? Вы не смогли бы доставить всех. Я сомневаюсь, что у вас столько самолетов, чтобы хватило на всех членов Ассамблеи. Так что она в любом случае не началась бы, пока не соберутся

все. Поэтому я и отправился в это путешествие обычным путем. — Он вздохнул. — Этот год был очень трудным и мы с Мерсой нуждались в отдыхе. Путешествие и послужило нам отдыхом.

Джиль кивнула: он мог бы и не объяснять ей, почему он поехал так. При обычных условиях самым коротким путем был путь водный. Но сейчас близилось Время Огня. Усилились штормы и существовала большая опасность кораблекрушения. Поэтому Ларекка и совершил большую часть путешествия по суше.

— Впрочем, я все равно была в поле. Бродила возле Каменных Гор и вернулась только позавчера. Так что, вероятно, я не знаю того, что уже знают Год и Ян Спарлинг.

Год — Годдард Ханшоу — был майором.

— Нет, они ничего не знают кроме того, что собирается Ассамблея. Я не мог позвонить им во время путешествия. Поэтому я и остановился здесь переговорить с вашими лидерами, прежде чем явлюсь в Сехалу.

Джиль снова кивнула.

— Я забыла, прости.

Мы с нею в разных лодках, подумал Ларекка. Портативные передатчики, способные связаться с релейными станциями землян, были установ-

лены по всему южному полушарию. Но чтобы наладить связь с северным полушарием, требуются намного более мощные передатчики. Поэтому там установлено только пять таких станций…

Поэтому, когда Ларекка удалялся от этих станций, приближаясь к центру цивилизации, его передатчик становился глух и нем.

Джиль взяла его за руку.

— Они тебя не ждут? Тогда позволь мне все устроить. Я тоже хочу послушать то, что ты сообщишь.

— Почему же нет? Хотя тебя вряд ли понравится то, что ты услышишь.

Прошел час. Джиль металась по городу, собирая нужных людей.

Тем временем Ларекка отвел свой отряд в единственную гостиницу, которой гордилась Примавера. Там подавали пиво, вино, изредка обед. И она была предназначена для транзитных путешественников, людей, которые прибыли сюда и еще не обзавелись хозяйством, и для гостей-иштарианцев. Ларекка проследил, чтобы все его воины устроились как положено, и предупредил хозяев, что счет будет оплачен городом по договору. Он не стал говорить воинам, чтобы

те вели себя соответственно. Это были хорошие воины и они всегда заботились о чести легиона.

Себе он комнату не взял. Джиль писала ему два года назад, что переехала от родителей в отдельный коттедж, где есть комнаты, специально приспособленные для иштарианцев. Там жили те ученыеиштарианцы, с которыми она иногда вместе работала. Джиль писала, что когда он будет в городе, то должен непременно остановиться у нее.

Затем он направился к майору в его дом, который служил тому и канцелярией. Сообщество людей в Примавере не требовало от майора большой административной работы. Основные функции Ханшоу касались Земли, связи с компаниями космических кораблей, с учеными, техниками, желающими работать здесь, с чиновниками Мировой Федерации, политиками.

Дом был обычной архитектуры, построенный для климата, который на Земле назвали бы «Среднеземноморским». Толстые стены, окрашенные в пастельные тона, обеспечивали устойчивость дома и его термоизоляцию. Задний дворик дома — патио — открывался в сад.

Стальные ставни на окнах, крыша, обладающая параметрами, чтобы выдерживать удары

шквальных ветров. Ларекка превосходно знал, что бури на Иштаре гораздо чаще и сильнее, чем на Земле.

Жена Ханшоу приняла Ларекку, но сама не пошла в комнату, где уже собрались Майор, Джиль, Ян Спарлинг. Этого было достаточно. Собрать вместе большее количество людей в это время было очень трудно. К тому же Ян Спарлинг был главным инженером, ключевым человеком. Более того, это был давний и хороший друг Ларекки.

— Привет, странник, — прогудел Ханшоу. Он очень изменился, поседел, ссутулился. Однако он все еще выглядел величественно, хотя уже предпочитал пожимать руки, а не похлопывать по плечу. Устраивайся здесь, — он показал на матрац, расстеленный на полу перед тремя стульями. Здесь же стоял стол на колесиках с небольшим пультом. — Что будешь пить? Как всегда, вино?

— Конечно. Много больших кружек.

Сердечно похлопав по плечу Спарлинга, Ларекка вынул из пояса трубку и пожаловался:

— Я не курил табак уже семь лет.

Инженер ухмыльнулся, подал ему свою табакерку и, получив ее обратно, набил свою трубку. Это был высокий человек — почти двухметрового роста, широкоплечий и мускулистый. Руки у

него были узловатые, движения казались неуклюжими, но это только на первый взгляд, так как все тело повиновалось ему безукоризненно. У него были высокие скулы, искривленный нос, глубокие морщины вокруг губ, обветренная кожа, неестественно черные волосы, тронутые сединой, большие серо-зеленые глаза. Спарлинг, как Джиль, был небрежен в одежде, но лишь на первый взгляд: вкус в ней чувствовался.

— Как твоя жена и дети? — поинтересовался Ларекка.

— О, Рода как всегда трудится по дому, Бекки училась на Земле, ты это знаешь? Нет? Прости. Я всегда не любил писать письма. Она вернулась. И выглядит великолепно.

Ларекка вспомнил, что люди раз в четыре года отправляются на Землю — на родину, как они говорят. Но некоторые, например, Джиль, никогда не летали на Землю. Она считала, что ее дом здесь.

— Я больше знаю о твоей работе, чем о твоей семье, — сказал Ларекка. Он не хотел обидеть инженера. Ведь работа по улучшению условий жизни на планете были у людей на первом месте. — Твои дамбы, защищающие от наводнений… — он замолчал, увидев, что инженер

нахмурился.

— Все это наши общие проблемы, — сказал Ян.

— Устраивайся поудобнее и поговорим.

Ольга Ханшоу принесла напитки, заказанные по интеркому мужем и сказала, что ленч будет готов через час.

— Боюсь, что не найду ничего вкусного, — извинилась она перед Лареккой. — Бури уничтожили весь урожай, — пояснила она. — Как у нас, так и у твоего народа.

— О, мы понимаем, — сказала Джиль. — Что ты говоришь это только для того, чтобы мы могли оценить твою изобретательность.

Сейчас ухмыльнулся один Спарлинг, Ларекка решил, что ее замечание относится к чему-то чисто земному, чего он понять не может.

— Оставим шутки на потом, — твердо сказал майор. — Может сегодня вечером нам удастся поиграть в покер.

Ларекка надеялся, что удастся. Он стал ярым поклонником этой игры и даже обучил ей своих офицеров, чтобы тренироваться.

Он увидел, что Джиль радостно потерла руки и вспомнил, как азартно, но необдуманно играла она в детстве. Может, с тех пор она стала хорошим игроком?

Ханшоу продолжал, и вся веселость у него пропала:

— Ларекка, ты здесь с неприятными новостями. Боюсь, что наши новости еще хуже.

Ларекка, полулежа на матрасе, напрягся, сделал глоток пива и сказал:

— Говори.

— Порт Руа прислал сообщение: Тархана пала. В Ларекке было слишком много Хаэленского, поэтому он не ахнул и не выругался. Он постарался получить как можно больше удовольствия от затяжки табака и ровным голосом спросил:

— Подробности?

— Плохо, но подробностей нет. Очевидно, Валененцы, варвары.

Неожиданно напали, захватили город, вышвырнули всех оттуда, а их предводитель заявил, что они пришли туда не для грабежа, а для того, чтобы занять крепость и там у них будет гарнизон.

— Плохо, — после молчания сказал Ларекка. — Очень плохо.

Джиль наклонилась к нему и коснулась его гривы.

— Ты потрясен? — мягко спросила она.

— Да.

— Но почему? Я понимаю, что Тархана была важным форпостом Газеринга. Но ведь это был только торговый центр, а ты знаешь, что близится время, когда будет но до торговли.

— Тархана была также и военной базой. Из нее мы могли наносить удары по грабителям. А теперь… — он молча покурил, а затем продолжил:

— Кроме того, это признак, что надвигается нечто худшее. В Тархане был сильный гарнизон. Он мог бы отбросить от стен города любую толпу варваров из этой части континента. Или, во всяком случае, выстоять, пока не подойдет помощь из порта Руа. Но этого почему-то не случилось. И враг тоже чувствует, что может закрепиться в городе. Следовательно, перед нами не просто армия грабителей, а организованное войско. Может быть даже объединение.

Вы видели, что это означает. Окончательно доказательство того, о чем я давно догадывался. Бандиты и пираты в последнее время развили очень бурную деятельность, и мы должны обратить на это свое внимание. Но пренебрегая даже военной разведкой, и вот…

Кто-то объединил варваров. Теперь он хочет вышвырнуть нас из Валленена. В прошлом Ровер вытеснил народ на юг. Обезумевшие толпы вар-

варов набрасывались на цивилизацию и рвали ее на части.

Но на этот раз цивилизации грозит гибель. Кто-то объединил вероненцев, и у него может быть только одна цель: вторгнуться на юг, убивать, порабощать, выгонять нас с наших земель, обратить все в руины, в прах.

Я еду для того, чтобы сказать в Ассамблее: мы не можем временно уйти из Валленена. Мы должны срочно укрепить свои позиции, увеличивать военную мощь. Но сначала я хочу спросить, какую помощь мы можем получить от вас. Это, конечно, не ваша война. Но вы здесь для того, чтобы изучать нашу планету, нашу цивилизацию. Что же будет, если цивилизация падет?

Это была, конечно, самая долгая речь, какую когда-либо произносил Ларекка. Он взял трубку и стакан с пивом.

Голос Спарлинга раздался в мертвой тишине.

— Ларекка, мне очень больно говорить это, но я не уверен, что мы сможем помочь вам. Видишь ли, мы сейчас тоже ведем

Глава 4

Из космоса все планеты кажутся прекрасными, но те из них, на которых люди могут дышать, представляют для нас дополнительное очарование. Пока корабль маневрировал, выходя на орбиту, Юрий Джерин рассматривал Иштар.

Планета сияла бело-голубым светом, на фоне которого просматривались темные участки — материки. Непохожесть Иштара на Землю возбуждала Джерина так же, как женщина из другой страны возбуждает мужчину. На Иштаре не было полярных шапок, облака не закрывали поверхность планеты. Только над океаном висела пелена.

Коричневое пятно суши не было окрашено в зелень растительности.

Вокруг планеты быстро вращались две луны. Одна из них только что пронеслась перед взором Джерина, как огненная бабочка на темном фоне неба.

И свет, который падал на Иштар, был иным: основная доля света исходила от желтого Бела, по многим параметрам напоминающего земное

Солнце. Но второе солнце — Ану, сейчас находилось довольно близко. Оно окрашивало океан в пурпурный цвет, а облака — в кроваво-розовый.

Джерин затемнил экран, чтобы видеть оба солнца одновременно и не повредить глаза. Они, казалось, были одного размера, но Юрий знал, что это эффект разного расстояния до них. Вокруг Бела пылала корона. Ану казался просто диском. Болезненно-красным раскаленным диском, на поверхности которого плавали темные пятна, постоянно изменявшие свою форму и окраску. Изредка Ану выбрасывал тонкие огненные щупальца.

Джерин отвернулся. Он попытался отыскать их сестру Еа. И вот он увидел маленькую рубиновую звездочку. Она была в шесть тысяч раз дальше отсюда, чем Бел. Еа в отличие от бурного, опасного Ану казалась олицетворением долгой спокойной жизни.

Вид Еа напоминал Джерину о его собственном одиночестве.

Прозрачные роскошные цвета Иштара только усилили его боль. Он вспомнил об Элинор, как она была несчастна, когда после двух лет сказала, что больше не хочет пытаться построить совместную жизнь и просит развода.

— Я тоже пытался, — сказал он тогда, — я действительно пытался.

Он тряхнул головой. Командир флотилии не должен распускаться.

Голос из репродуктора разогнал его мрачные мысли.

— Мы на орбите, сэр. Все нормально.

— Прекрасно, — автоматически ответил он. — Свободные от вахты могут отдыхать.

— Могу ли я наладить связь с Иштаром? — спросил его помощник.

— Пока не нужно. В этом полушарии ночь. Вероятно, сейчас они спят. Ни к чему их поднимать. Подождем. — Джерин посмотрел на часы. — Скажем, до семи часов. Нам тоже надо отдохнуть. Если до этого времени придут какие-то сообщения, подключите их на мою каюту. А так ждем до семи.

— Хорошо, сэр. Есть еще приказания?

— Нет. Теперь отдыхайте, Хенрик. Впереди у нас еще много работы.

— Благодарю, сэр. Спокойной ночи.

Джерин говорил сейчас по-английски. Ведь на Иштаре основной язык — английский, хотя люди используют и много слов из речи иштарианцев.

Джерин не имел лингвистических проблем. Он

прекрасно знал несколько основных языков, а его жена была из Соединенных Штатов.

Воспоминания снова вернулись к нему. Он очень любил свою жену и все еще жалел ее, но после трех лет разлуки уже смешно было думать об этом. У него было много других женщин…

Интересно, найдет ли он себе на Иштаре подругу?

Он снова стал думать о планете. Сейчас корабль находился над ее цивилизованной частью. В противоположном полушарии находился только один континент и бессчетное количество островов.

Там жила незначительная часть иштарианцев, и люди до сих пор не имели возможности изучить ее. До сих пор на этой планете перед людьми таилось много неизведанного, чего они так и не смогли исследовать, несмотря на помощь цивилизованных иштарианцев.

Призрачный, зловещий свет Ану падал на ту часть планеты, где сейчас должна была быть ночь. И в этом свете Джерин видел континенты, о которых читал. Конвей пытался научить его произносить названия континентов.

Хаэлен — размером с Австралию, окружил южный полюс и простирается за антарктический

полярный круг. Затем целая серия архипелагов и островов, видимых отсюда лишь как тени, а севернее их — Веронен, континент, по форме напоминающий Индию. Лежащий между южными тропиками и экватором. А севернее Веронена снова острова, по большей части вулканические. Еще севернее — Валленен, простирающийся до самого северного полюса. Джерин даже сейчас не мог видеть весь этот загадочный материк.

Он поискал глазами свою флотилию и не увидел ее.

Неудивительно. Они специально рассеялись на огромном пространстве для собственной безопасности. Их имена звучали музыкой для Джерина: «Сьерра Невада» — корабль, прокладывающий курс, «Изабелла» — космоматка, — в ее чреве находились десять кораблей-разведчиков. Рабочий корабль «Мхотеп» и боевой корабль. Да, подумал Джерин. Я прилетел сюда очень быстро. И то, что меня послали сюда, где до сих пор не наблюдалось военных действий, это большое доверие и честь.

Хотя ему сейчас не нужно было ничего делать, груз ответственности давил на него. Он встал и вышел из рубки, направляясь в свою каюту. Звуки шагов гулко разносились в пустом коридоре. За время путешествия он установил на генераторе

силу тяжести в 1,8 «же», чтобы он сам и его люди прибыли на Иштар уже в форме, адаптированные к повышенной силе тяжести на планете.

Сейчас он ощущал на себе груз лишних почти сорока килограммов.

Ничего, зато потом будет легче.

Переодевшись в пижаму, он понял, что не хочет ложится в постель. Он решил, что может позволить себе рюмочку коньяка и одну сигарету. Несколько минут Джерин рассматривал свои вещи.

Портрет отца… Почему они расстались с его матерью? Это произошло, когда Юрию было шесть лет. Мальчик остался с отцом.

Его родители во время совместной жизни тоже редко виделись друг с другом, так как Марина Борисовна занимала довольно высокий пост в комиссии Контроля Мира. Поэтому он и привязался к отцу, Пьеру Джерину. Правда, заслуга матери была в том, что Юрий попал в Космическую Академию, хотя без постоянной помощи отца ему было бы трудно закончить ее.

Капитан покачал головой и улыбнулся. Если он не может уснуть, можно посмотреть материалы по Иштару. Это невероятно нагоняет сон.

Он взял книгу, поудобнее устроился в крес-

ле, сделал приличный глоток коньяка и начал читать.

Разтлонские названия. Все другие земные мифологии уже исчерпали свои возможности. Их именами была названа значительная часть небесных тел вблизи Земли. Анубелиса была в числе первых звездных систем, которые посетили люди после того, как был открыт принцип Маха, сокрушивший сверхсветовой барьер скорости движения материальных объектов. И путешествие Диего Примавери было первым.

Его основной целью было посещение глобулярного кластера ГГЦ 6655 в созвездии Сигитариуса. Он находился сравнительно близко, всего три килопарсека, и к тому же представлял определенный интерес для астрофизиков, так как скопление было необычайно плотным и маленьким. Астрономы с Земли и с орбиты Земли не могли наблюдать этот кластер, так как Солнце находилось на прямой линии, соединяющей сердце кластера и Землю.

То, что Примавера обнаружил там, было очень интересным, как с точки зрения биологов, так и чисто психологически. При этом не нужно забывать, что человек впервые вышел на просторы Галактики.

Он еще не был готов увидеть новый мир, так похожий на его собственный и вместе с тем обладающий разительными контрастами.

Примавера повел вторую экспедицию с единственной целью исследовать открытые планеты. В свое время его рапорт произвел настоящую сенсацию. Уинстон П. Сандерс предложил для наименования планет использовать имена из вавилонской мифологии и его предложение было принято…

Однако к этому времени человек совершил уже много путешествий, проник в самые отдаленные места Галактики и принес удивительные сведения. Изучение Анубелианской системы перестало быть событием всемирного масштаба и сосредоточилось в основном в руках группы энтузиастов, которые и создали базу на Иштаре, желая помочь аборигенам пережить следующий кризис, который смертельной опасностью нависал над эволюцией аборигенов.

Патетика. Джерин хотел отыскать что-нибудь скучное, усыпляющее. Он перевернул страницу.

В системе нет ничего экстраординарного. Соседние звезды часто имеют разные массы и, следовательно, историю развития, а эксцентрические орбиты скорее правило, чем исключение.

Все три звезды Анубелиса были приблизительно одного возраста с солнцем.

Бел — звезда класса 12 — будет более или менее ровно светить еще приблизительно пять-шесть миллионов лет. Еа — красный карлик еще дольше. Но Ану — самый массивный — состарится гораздо раньше.

Ану был немного больше Бела, всего в 1,3 раза. В начале своей жизни он светил не так яростно, и на одной из планет Таммузе даже возникла жизнь, разумные существа которой создали теологическую цивилизацию.

Но затем Ану стал распухать и сжег на планете весь водород.

В настоящий момент его яркость равна яркости 280 Солнц. И она медленно, но неотвратимо увеличивается.

Чтобы понять ситуацию на Иштаре, представим себе его Солнце — Бел — неподвижным. А Ану и Еа вращаются вокруг него.

Разумеется, это не более чем упрощение, так как все три звезды вращаются вокруг общего центра масс. Но только математик смог бы тогда разрешить эту задачу. Наше допущение вполне удовлетворительно описывает реальную картину, во всяком случае, в первом приближении.

Ану вращается вокруг Бела по громадному эллипсу.

Максимальное его удаление — 224 астрономические единицы, то есть дальше, чем самая близкая к Иштару звезда. Максимальное приближение к Иштару — сорок астрономических единиц. Период обращения — 1041 земных года. Таким образом каждое тысячелетие красный гигант приближается к планете…

Орбита Еа более величественна и правильна. Она всегда находится так далеко от Иштара, что не может оказывать на него заметного влияния.

В современную эпоху, которая составляет миллион лет назад и миллион лет вперед Ану добавил примерно 20% излучения, получаемого Иштаром. Это соответствует повышению температуры черного тела примерно на 11 S00 T C.

Однако эта цифра значительно ниже, так как планета, имеющая атмосферу и гидросферу — вовсе не черное тело. Облака отражают значительную долю излучения, падающего на Иштар.

Время, в течение которого Ану оказывает сильное влияние на Иштар приблизительно сто земных лет. Когда он приближается, то сначала видно, как он лишь увеличивается в размерах. Требуется много времени, чтобы разогреть пла-

нету. Затем начинаются бури и засухи. Значит, примерно одно столетие из десяти в природу Иштара вселяются бесы. Благодаря специфическому наклону оси, треть планету никогда не видела Ану вблизи. Хотя льда на полярных шапках в этот период нет, антарктический континент остается холодным. Мы могли бы, пожалуй, пожелать, чтобы распределение энергии по планете было более разумным, но Вселенная никогда не стремилась к тому, чтобы делать что-то разумное…

Глава 5

Орда Тассуи так и не смогла взять Тархану штурмом. Воины ослабели от жары и голода, и когда они были не в силах уже поднять топор или меч, легионеры покинули город. Легион Зера отправился на север, увозя с собой все стенобитные орудия, тараны и баллисты.

«Ларекка так бы не поступил, — подумал Арнанак, — он слишком мудр».

Но Ларекка уехал за море. Его вице-комендант Волуа был менее терпелив, менее способен предвидеть последствия. Арнанак надеялся, что его враги попытаются как можно быстрее вернуть город и усиленно готовился к этому. Он разослал посланцев, барабаны разносили вести по всем каньонам. В ночи на вершинах гор вспыхивали сигнальные огни.

Волуа не был дураком, как о том думал Арнанак. Основную колонн его войска окружили многочисленные разведчики, прочесывающие оба берега реки Эзали. Тассуи ничего не могли поделать с этими тренированными воинами, умевшими пользоваться картами и компасом,

имеющими бинокли, портативные гелиографы, и даже таинственные говорящие устройства, с помощью которых они могли переговариваться с другими отрядами Газеринга.

Разведчики не только не позволяли противнику захватить отряд врасплох, но и уничтожали маленькие отдельные группы войска Тассуи.

И до недавнего времени Арнанак так ничего и не смог узнать о своем противнике.

И тогда маленькие юркие Даури стали его разведчиками. Их было трудно увидеть, а если кто из легионеров и замечал их, то принимал за животных. Если же их замечал легионер, немного знавший фольклор Тассуи, он, вероятно, думал: "Святое солнце!

Чего только не бывает на свете! Неужели эти сказки, которые я слышал в детстве, основаны на истине?"

Арнанак плохо понимал речь Даури, состоящую из свистков и трелей. Правда, Даури не могли передвигаться так быстро, как легионеры, но Арнанак знал все, что хотел знать. Он знал количественный и качественный состав отряда, направлявший в Порт Руа, он знал, где они находятся в каждый момент времени, и на основе этой информации он мог готовиться к решительному

сражению.

Арнанак стоял рядом с Кусаратом, правителем Секурусу. Вести о захвате Тарханы заставили решиться этого могущественного, но неуверенного в себе вождя на выступление. И он прибыл сюда во главе трехсот вооруженных воинов. Арнанак сердечно приветствовал его. Ему была важна не только подмога, но и пример, который показал Кусарат другим вождям. Арнанак с всем почтением отнесся к вождю, притворяясь, что считает того во всем равным себе…

Правитель Улу прекрасно понимал, что потребуются долгие годы, чтобы доказать всем племенам, что его мудрость и могущество позволят ему стать правителем всего Южного Валленена.

— Что ты сейчас делаешь? — спросил Кусарат.

— Я отправил половину воинов вниз, в долину, делать вид, что мы полностью поглощены грабежами и убийствами, — ответил Арнанак. — И теперь я поджидаю легионеров, которые соединятся с отрядом из Порт Руа и совместно направятся сюда, в надежде застать нас врасплох и ударить по моим воинам большими силами. Мы готовы к бою и понемногу отступаем, заманивая их в ловушку.

Другая половина моих воинов скрытно собра-

лась здесь.

— Может твои разведчики не полностью знают силы и направление движения врага?

— Да, конечно. Но Даури могут проникнуть туда, куда не проберется ни один разведчик.

— Даури… — Кусарат сделал гримасу и махнул рукой.

— Совсем недавно я узнал, — продолжал Арнанак, стараясь умаслить вождя, — что враги оставили небольшую охрану возле своих машин, оставленных на дороге. Они понятия не имеют, что я могу сообщить об этом через Даури своим воинам в Тархане. Воины выступили и уничтожили всю охрану. Теперь машины едут обратно в город.

Кусарат забыл о своем беспокойстве. Он ударил мечом по щиту и радостно закричал:

— Ты мудр, Арнанак!

— Если можно, потише, мой друг, — сказал Арнанак. — Совсем не обязательно, чтобы легионеры узнали, что мы их поджидаем.

Из густых зарослей, скрывающих его, Арнанак смотрел вниз, на дно ущелья. Там шли вражеские войска. Две тысячи воинов. По ущелью идти легче, чем карабкаться по утесам, хотя на дне было много камней. Валененцы, которых преследовал

отряд, прошли именно здесь. Волуа старался прикрыть основной отряд с флангов при помощи небольших подразделений. Обычный здравый смысл. Но в этом тесном ущелье эта мера предосторожности не могла быть выполнена.

Волуа не знал, что ждет его впереди, и не собираются ли его атаковать сзади. Стиснутый со всех сторон крутыми склонами, он вынужден был идти только вперед.

Ветер был невыносимо горячим. Заросли, где размещался Арнанак, не защищали его от жары. Они так раскалились, что немного пахли серой. Красный и белый свет двух солнц отбрасывал от всех предметов двойные тени разной длины и под разными углами, придавая всему зловещий вид. В глубине неба точкой висел стервятник. Пылающий жаром воздух был наполнен злобой и ненавистью.

В небе плыли два солнца, истинное солнце, и солнце-демон, и, казалось, второе учило первое, как сжигать землю, учило злобе.

Бело-золотое сияние исходило от двух светил и как тяжелыми молотами избивало планету.

Тут, в тени, еще можно было переносить нестерпимое излучение, — подумал Арнанак, но близится миг, когда я брошу клич и поведу своих

воинов в самое пекло.

Он был экипирован лучше, чем его воины. Недаром он прослужил столько времени в легионе. Ни один мастер Тассуи не смог бы скопировать его доспехи, хотя среди них попадались довольно неплохие мастера. Большинство варваров обходилось для защиты простым щитом, а некоторые не имели даже и этого.

Самые богатые воины могли позволить себе приобрести кольчугу для защиты торса. Однако кольчуга не позволяла воздуху достигать шерсти. Поэтому воину приходилось часто снимать кольчугу и отдыхать, иначе он мог вовсе ослабеть. Поэтому большинство воинов предпочитали не кольчуги, а легкие кирасы и шлемы. Шлем северных воинов представлял собой простое забрало конической формы, так как настоящий шлем, одетый на голову, придавливал гриву, а это тоже отражалось на физическом состоянии бойца.

Доспехи же Арнанака представляли собой сборную металлическую сетку, поддерживаемую с помощью плечевых ремней.

Таким образом его шерсть и грива оставались свободными. Грудь его закрывалась металлической пластиной, тоже не прилегающей к телу.

В общем все было сделано для того, чтобы

обеспечить безопасность в бою и при этом не нарушить обмен веществ. И все это было окрашено в белый цвет.

Все, кроме продолговатого щита, поверхность которого была отполирована до зеркального блеска, чтобы слепить глаза противника в бою. В центре щита выступал острый шип для ударов, верхняя и нижняя кромки были заострены, чтобы бить противника либо в подбородок, либо в бедро. Также Арнанак был вооружен мечом и кинжалом.

Однако обладать такими доспехами — это еще не все. Нужно иметь хорошую практику искусства боя, И Арнанак получил эту практику, служа в легионе в октаде Тимбуру Страйдер.

Сейчас отряд противника был уже в полукилометре от него.

Арнанак поднес к губам рог и протрубил сигнал к началу битвы.

Затем он бросился вниз по склону.

Камни сыпались вслед за ним, блеск металла слепил глаза. ОН чувствовал, как все его мышцы напрягаются в ожидании сражения, воздух свистит в ноздрях, сердце бешено колотится. Слева от него несся Кусарат, а еще дальше — его знаменосец с зеленым знаменем Секурсу. Справа

от Арнанака скакал его сын Таранак, державший эмблему Улу — шест с рогатым черепом азара из Северного Веронена.

А за ним неслись воины.

Арнанак видел, как со всех сторон воины его отряда накатываются на воинов Газеринга. Они без задержки смели передние отряды, втоптали их в землю и устремились в самое ядро отряда противника.

Трубы и барабаны гремели, приказывая легионерам выстроиться для отражения нападения. Летели стрелы, камни. Арнанак увидел, как один из его воинов вскрикнул, когда в него попал камень из пращи, упал на землю, и его кровь впиталась в растрескавшуюся от жары почву.

— Вперед, вперед, — кричал Арнанак. — Вперед на врага! Бей мечом, топором! Во имя жизни, во имя наших домов! Близится Время Огня!

Битва кончилась. Воины смертельно устали, многие были ранены. Они в изнеможении разлеглись на земле. Но отдыхать было некогда. Нужно было перевязать раненых, перерезать горло тем, кто был безнадежен и не мог убить себя сам. Тех из врагов, кто не был убит, необходимо было связать, чтобы отвести в рабство. Ведь за них можно было получить выкуп. После того, как все было

сделано, Арнанак приказал выступать. Он сказал, что лагерь будет у следующего источника, в часе ходьбы отсюда.

Воины были недовольны таким решением: ведь вода была рядом.

Но Арнанак сказал:

— Те, с кем мы дрались сегодня, и те, кто лежит сейчас здесь, дрались хорошо. Если мы останемся здесь, стервятники не спустятся вниз, и дух воинов задержится на земле. Но мы же можем сделать так, чтобы духи воинов покинули землю. Счастье сопутствует тем, кто благодарен и благороден.

И он сам закрыл глаза Волуа.

Воины нагрузились сами и нагрузили на своих пленников то, что смогли набрать на поле боя: сдирая доспехи и украшения с противников и соплеменников. Тела последних не могли быть направлены домой — крюк получался слишком большой. Однако воины могли оказать им последнюю милость — не оставлять тела друзей на несколько дней, пока стервятники сожрут их и не отпустят дух воинов, а взять их с собой в Тархану и там сварить и съесть.

Разумеется, кости съеденных воинов будут использованы для различных религиозных ри-

туалов.

Арнанак не разделял все эти суеверия. Будучи воином Газеринга, он проник в некоторые тайны Триады и это позволило ему понять, что боги его народа всего лишь выдумки невежественных воинов. Однако он не говорил об этом открыто. Более того, он делал все, что полагается делать воину Валленена, чтобы укрепить свой авторитет, завоевать как можно большее число сторонников.

Арнанак приказал, чтобы пленников отпустили пастись в самые лучшие заросли, какие только мог предложить этот оазис. Другой пищи не было. Все запасы фруктов и сушеного мяса кончились. Так что он и его воины вынуждены будут рыскать по окрестностям, чтобы отыскать пищу.

Постепенно опустилась ночь. Звезды усыпали небо. Мост Привидения освещал утес Нарву. Воздух все еще оставался горячим, но легкий ветерок касался лица, как прохладная рука доброжелателя. Наконец победители смогли расслабиться. Арнанак услышал в темноте, как воины один за другим укладывались здесь же на земле, помещая голову между передних ног. Сам Арнанак устроился возле костра. Торнак и его трое братьев легли рядом.

Кусарат попросил разрешения лечь поблизости.

— Если ты, конечно, не собираешься спать, — добавил он.

— Нет, я просто полежу, — сказал Арнанак.

— И я. Мои мысли все еще в полном беспорядке. Если бы я сейчас уснул, то не смог бы увидеть во сне ничего хорошего.

— О, ты истолкователь снов? Впервые слышу.

— Да нет, конечно, — признался Кусарат. — Но я умею давать такие истолкования, чтобы они были приятны для людей, или полезны.

Арнанак в ответ кивнул.

— Тогда это подходит для меня.

— И для меня, — рассмеялся Торнак. — Сегодня ночью я хотел бы увидеть во сне вино и женщин, но не в Тархане, и даже не в доме своего отца, а в Порт Руа, или даже в Сехале.

— Не очень торопись, — предупредил его отец. — Такие завоевания требуют много времени. Нам может не хватить жизни, чтобы свершить все это.

— Тем больше причин мечтать об этом, — сказал двоюродный брат Торнака Тигини. Арнанак знаком приказал им обоим молчать.

Они были молоды и их манеры не были еще

отточены. Арнанак и Кусарат были взрослыми, давно женатыми, хотя и тот и другой еще не перешагнули рубеж шестидесяти четырех лет. Но авторитет Арнанака довлел над Кусаратом. Он хотел, чтобы Кусарат ощутил его доброжелательство. Очевидно, Кусарат был слишком встревожен, чтобы наслаждаться покоем. Он спросил:

— Это твои дети, Арнанак? — и получив положительный ответ, продолжал:

— У тебя много детей? Я слышал, что ты осчастливил гораздо больше самок, чем любой из нас.

Арнанак не отрицал этого. Помимо нескольких жен и наложниц он оплодотворил очень много жен своих воинов. Мужья их были рады оказать ему это гостеприимство, так как надеялись на то, что их дом обогатится сильными сыновьями. Ведь помимо того, что Арнанак был богат и могущественен, он был великолепный самец, огромный, сильный, с блестящими зелеными глазами, горящими на черном лице, с прекрасными белыми зубами. А многочисленные раны, которые он получил в сражениях, не оставляли никаких шрамов на теле.

Немного погодя Арнанак заговорил:

— Да, много. Одни грабят на море, другие по-

могают мне на земле. Но большинство осталось дома, делают домашние дела. Я прекрасно понимаю, как трудно нам придется все это время, пока мы не завоюем себе новые дома и земли. Даже такая победа, как эта, значит для меня много меньше, чем создание запаса пищи.

— Ты говоришь как житель Газеринга, — заметил Кусарат.

— Я и был им. Я старался многому научиться у них. Почему они стали широко известны своим могуществом во всем мире? Да, они были искусны в ремеслах, их земли просто плодородны, все это так.

Но я уверен, что основная причина — предварительное обдумывание всего, что они хотели сделать.

— Ты хочешь и нас сделать такими же, как они? - поинтересовался Кусарат.

— Да, насколько мы способны на это.

Кусарат долго смотрел на его лицо, освещенное пламенем костра, а затем добавил:

— И ты все же имеешь дело с этими Даури. И может быть даже с колдовством…

— Мне это часто вменяют в вину, — сказал Арнанак. — Лучшего ответа, чем правда, я не придумаю.

Кусарат поднял уши и хлестнул хвостом по боку.

— Я слушаю.

— Впервые я повстречался с ними двести лет назад, когда еще был сосунком. Тогда мир еще не был взбудоражен приближением Злого Солнца. Правда, уже тогда мы видели двойные тени предметов и знали, что оно приближается. Но молодые не боятся того, что произойдет в будущем, а у стариков будущего нет. Мы хорошо жили тогда, помнишь?

Мои родители жили в Эвисакуне, где правителем был Максукак.

Отец мой был свободным и не давал клятву в верности правителю.

Наш дом находился в лесу, возле горы Фанг, и у нас не было никаких соседей.

Родители мои были убеждены, что я был зачат от самого Максукака и это произошло в день наводнения, когда он случайно оказался возле нашего дома и попросил у нас убежища. Я был похож на него во всем: и внешне, и по характеру. Я ненавидел занятие земледелием. У нас было небольшое поле, где для себя мы выращивали коатсто. Но в основном мы занимались охотой. Я часто уходил из дома, а потом врал, что был

на охоте, но мне не верили, так как знали, что я плохой охотник. Вот так я рос и привыкал к самостоятельности.

Однажды, поднявшись на гору, откуда я мог видеть океан, я нашел Даури. Я видел их и раньше, но крайне редко. В наши места они перекочевали в небольшом количестве. Может быть потому, что здесь были в основном дикие леса и плотность населения мала.

Может быть, потому, что здесь не хватало каких то важных для их жизнедеятельности растений. А может, их колдуны приказали им не селиться здесь. Кто знает.

Я не знаю этого до сих пор.

Это маленькое странное существо попало в ловушку под упавшим во время вчерашней бури деревом. Руки и ноги его еще слабо шевелились. Кожа под жарким полуденным солнцем подергивалась волнами и меняла свой цвет от пурпурного до белого.

Лепестки на ветке, где должна была быть его голова, то сжимались, то разжимались, щупальца под ними извивались. Из живота смотрели три глаза, темные, как отверстия. Острый сук вонзился в живот и оттуда вытекала струйка жидкости.

Сначала я хотел убежать, затем мне захотелось

убить его. Но я сдержался. Я подумал — мы больше их, отвергаем их дары только потому, что не знаем их. Не потому ли они злы — я слышал много рассказов о том, как они злы, как они вредят людям, но может, все эти рассказы — ложь? Я также слышал рассказы о том, как они делают людям добро — и эти рассказы могут быть правдой. Разве это не чудесно — завести дружбу с Даури?

Я поднял дерево, совсем легкое для меня. Затем я отнес его в ближайшую пещеру, сделал постель из веток, обработал, как мог, его рану. Затем много дней приносил ему пищу и воду. Я говорю «он», хотя не знаю, кто это — «он», «она» или «оно». И я не знаю, стали ли мы друзьями, как это заведено у смертных. Кто может сказать, о чем думает Даури, какие мысли таятся в его лепестках или животе. Мы вскоре перестали бояться друг друга и даже начали пытаться разговаривать. Разумеется, я не смог освоить их язык, состоящий из трелей и свиста. Он тоже плохо воспринимал наш язык.

Тем не менее мы научились кое в чем понимать друг друга.

Когда раны у него затянулись, он не дал мне сокровищ или магический амулет, как я надеялся. Просто он дал мне понять, что хочет, чтобы я вернулся домой, оставив его. В задумчивости

я вернулся к родным и никому не сказал о том, что случилось.

Я часто возвращался на то место, но уже не встречал его.

Только изредка я виделся с этими странными существами. Они не использовали металл и давали мне амулеты, весьма искусно вырезанные из камня. Я в свою очередь знакомил их с местностью: они ведь насовсем перебрались сюда.

Тем временем у меня подошло время для близкого знакомства с самками. Перед одной из них, которая мне понравилась, я похвастался, что дружу с Даури. И она убежала от меня в ужасе.

Вскоре два ее брата пришли ко мне и обвинили в том, что я выдумал историю с Даури и пытался наложить на их сестру заклятье. Меня охватила ярость, они тоже были не ангелами, и вскоре они оба лежали мертвыми. Родители с обеих сторон поспешили замять это дело, чтобы детская горячность не перешла в родовую вражду.

Тем не менее отец решил, что мне лучше уехать. Я с радостью последовал его совету. И следующую сотню лет я вел такую интересную жизнь, что и мне в голову не приходило вернуться в горы Фанг, чтобы повидаться с Даури. Я был охотником и приносил в Тархану добытые мной шкуры для

продажи. Когда я услышал, что за дерево Феникс платят большие деньги, я стал сплавлять лес, доставляя его в Порт Руа. Там я познакомился с торговцами, воинами, моряками, и наслушавшись их рассказов, могущих закружить голову кому угодно, я сам отправился на море и стал пиратом.

Однако в те времена торговля шла плохо, а острова были сильно укреплены, поэтому мы не отваживались нападать на них. Вскоре я стал матросом на корабле из Сехалы.

Затем я много бродил по Газерингу, перепробовал массу работ, пока наконец не вступил в легион. Мне понравилась служба, но когда мой срок кончился, я не стал снова подписывать контракт.

Я поехал в Сехалу и начал жить там на деньги, что я заработал во время службы. Я научился читать, это совсем не колдовское дело, как вы думаете, и стал читать книги.

Годы шли, и Злое Солнце становилось все больше и ярче.

В Сехале поднималось беспокойство. Ведь все цивилизации во время голода, наводнений и бурь испытывают кризисы. Во времена таких кризисов в цивилизованные земли вторгаются

орды варваров и уничтожают их, уничтожают то, что не смогла уничтожить природа. И тем не менее жители Сехалы надеялись. В два прошедших приступа кризисов легионеры спасли цивилизацию. Может быть, и на этот раз обойдется. Кроме того на этот раз на планете присутствуют люди, эти чужаки, о которых ты, конечно, слышал…

Да, я встречался с людьми, но сейчас я не буду говорить об этом. В другой раз. Ты же спрашивал меня о моих отношениях с Даури.

Из старых записей я установил, что Жестокая Звезда в момент кризиса будет висеть над Валлененом примерно в самом зените.

И я подумал, что если мой народ не вторгнется на территорию Газеринга, он обречен на гибель. Мне стало очень больно за свой народ. Пусть мы часто ссоримся друг с другом, но мы одной крови, наши ссоры — это ссоры родственников.

И я подумал: все же Газеринг очень силен, но если он ослабнет, а мы все объединимся, и если валененцев поведет в бой умный король… Ты понимаешь? Я хочу вести наши войска и пережить следующий кризис, я хочу, чтобы люди пришли ко мне, не в Сехалу.

А когда я умру, то хочу, чтобы мой череп был передан жрецам и хранился в Святилище до

тех пор, пока не насупит новое Время Огня. Это небольшая цена за то, что я спасу целый народ.

И поэтому я вернулся домой.

Остальное ты знаешь. Ты знаешь. Как я создал новую территорию — Улу, как я получил богатство и власть с помощью торговли с Газерингом, как ко мне присоединились многие неимущие, видящие во мне спасение. Они дали мне клятву на верность и являются основой моей силы.

Кусарат, скажу честно, я искал твоей поддержки только потому, что ты могущественный правитель. Поэтому я могу говорить с тобой более открыто, чем с остальными. Ты не из тех, кто, надувшись от чванства, слушает сплетни своих жен.

Ты понимаешь, что мы, Тассуи, тратим все свои силы на внутренние ссоры. Нужно что-то новое, чтобы спаять нас в единый сплав, из которого я смогу выковать меч и спасу весь народ.

И тогда я стал искать Даури.

Поиски эти были долгими. Неважно как, дело сейчас не в том, что и как я сделал, но я все-таки отыскал одного Даури. Мы переговорили с ним. Затем я встретился с другими Даури и мы продолжили переговоры.

Я даже не знаю, был ли спасенный мной среди

этих Даури, не знаю, слышали ли они вообще об этом. Я пытался выяснить все это, но безрезультатно. Единственное, что мне удалось сказать, так это то, что я некогда дружил с Даури. И я сделал все, чтобы доказать им эту дружбу.

Близилось Время Огня, и мы, смертные, должны были искать союзников.

Даури очень не любили нас. Впрочем, и мои воины не испытывали к ним никаких дружеских чувств. Но мне был нужен Сигиль, Вещь, как знак их дружелюбия. Однако я старался скрывать от них свою цель. Даури и так неприязненно относились к нам.

Впрочем, даже если бы они и поняли, чего я добиваюсь, они не смогли бы понять, для чего мне все это нужно. Честно говоря, я и сам не знал этого.

Перелом наступил, когда они повели меня на свою родину.

Ты слышал об этом путешествии. Ты так же знаешь, что я вернулся оттуда, похожий на мумию, и мне понадобился целый год, чтобы восстановить свое здоровье.

Но ты не знаешь, что я там видел и как я туда добрался.

Три года я готовился к этому путешествию.

Сначала Даури забрали у меня все запасы пищи и устроили на дороге промежуточные базы. В Старкландии пища не гниет и не портится. А зверей там нет, так что воровать запасы было некому. И все же я во время пути голодал. В каждый тайник Даури положили слишком мало пищи.

Они были такие маленькие и не могли переносить большие грузы, а я не мог себе представить, насколько сурова эта земля. Я чуть не умер там от голода и жажды.

И все же мы добрались до каких-то развалин. Я едва не сошел с ума, пока Даури не показали мне Вещь. Я схватил ее, прижал к себе и бросился обратно с этой проклятой богом земли.

С тех пор я и Даури сблизились. Они доверили мне тайны, которые я не могу разглашать и поэтому не поделюсь ими с тобой.

Они доброжелательно относятся ко мне, и я не хочу для них ничего плохого. Они будут помогать моим друзьям и причинять вред моим врагам. Больше мне нечего сказать, но я думаю, ты меня понял.

Позже, отходя ко сну, Арнанак подумал: «Большего ему знать не нужно. Люди мне хорошо заплатят, чтобы услышать больше. Да, чтобы

услышать то, что я могу сказать о Даури, они согласятся отказаться от Газеринга и перейти на мою сторону...»

Глава 6

Ану уже скрылся за горизонтом, а Бел все еще нависал над ним. Желтый свет струился сквозь ветви деревьев, растущих вдоль Кембелл-стрит, создавал на мостовой причудливый орнамент. От реки тянуло свежестью. Несколько детей играло на улице. Их вопли в ушах Яна Спарлинга звучали музыкой. Вокруг игравших детей кружился велосипедист. Больше на улице никого не было.

Лаборатории и мастерские были уже закрыты, рабочие разошлись по домам, а некоторые направились к дому майора. Они хотели увидеть вновь прибывших землян и услышать последние новости.

Первая конференция уже закончилась. Ханшоу пригласил ее участников на обед. Нужно было снять напряжение, возникшее между ними. Спарлинг отказался, сославшись на то, что его жена будет разочарована, если он не придет к обеду домой, так как для него было приготовлено специальное блюдо. Он предполагал, что Ханшоу знает о его *лжи*, но ему было все равно. Выйдя из дома через сад, он избежал вопросов собравшихся

в доме людей.

С погасшей трубкой в зубах, сунув руки со стиснутыми кулаками в карманы, он быстро шел к дому, никого вокруг не замечая. Он даже не сразу понял, что чьи-то пальцы стиснули его руку. Но потом он увидел, что это была Джиль Конвей. Кровь толчками забилась в его жилах.

— Что это за спешка? — осведомилась она. — Ты несешься как дьявол за душой грешника. — В ее голосе было легкое беспокойство. - Плохо, да?

— Я не должен… — при этом он забыл о трубке и чуть не выронил ее. — Что ты здесь делаешь?

— Жду тебя.

Он смотрел на ее стройную фигуру. От падавшего света вокруг ее волос был золотистый ореол.

— Да? Почему?

Нет, она просто ждала, чтобы поговорить со мной и ничего больше, подумал Ян Спарлинг. Взяв себя в руки, он спросил:

— Откуда ты знала, когда и где ждать меня?

— Я попросила Ольгу Ханшоу позвонить мне, когда официальная беседа закончится. Ей никто не запрещал этого, и она со спокойной совестью оказала мне эту услугу.

Джиль год назад спасла тонущего младшего сына Ольги. Первый раз Спарлинг услышал, что

Джиль попросила сделать что-то в благодарность за ту услугу. "Но, подумал он, Ларекка просил, чтобы мы держали все в тайне, пока он не обдумает, как все это сообщить жителям Примаверы… и всему Газерингу. Но я не смогу скрыть это от Джиль. Это совершенно безопасно. Если и есть на планете человек, которому можно доверять, так это именно Джиль.

Ее тоже нужно было пригласить на конференцию. Хотя это было бы для меня мучительно… Я постоянно испытывал бы муки ревности.

Забудь эту чепуху, — приказал он себе. — Старый дурак!"

— А что касается того, где тебя ждать, это просто, — сказала Джиль. — Кемпбелл, Риверсайд и домой, верно?

— Неужели я так прост? — он сделал попытку улыбнуться.

— Нет, — она внимательно смотрела на него. — Ты скрытный человек. Однако и я знаю, что ты не любишь вежливый банальностей и с официальных сборищ стараешься уйти пораньше. И ты наверняка пойдешь дорогой, где надеешься никого не встретить. А в это время эта дорога пустынна. Примавера не лабиринт, — внезапно ее голос изменился. — Ты знаешь мой метод,

Ватсон, примени его.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Почему бы тебе не расстегнуть воротничок побольше, - предложила Джиль. Тебе уже не нужно потрясать пришельцев строгостью одежды.

— О'кей, — когда он расстегнул пуговицу, Джиль взяла его под руку и они вместе пошли по тропинке, которая им нравилась.

— Что произошло? — спросила она.

— Я не должен говорить…

— Да. Но ты же не давал клятвы? Я могу обещать, что от меня никто ничего не услышит.

Она помолчала несколько секунд, и Спарлинг слышал звук ее дыхания, чувствовал ее прикосновение. Затем она мягко заговорила:

— Да, я знаю, Ян, что не имею права просить у тебя нарушить обещание. Но у меня брат в воздушном флоте. И Ларекка был для меня вторым отцом. В ту ночь, когда он остановился у меня, он старался через силу развлекать меня, шутил… а мне хотелось плакать. Я ведь все поняла, а дочери воинов не должны показывать свое страдание.

— Традиция легиона, — сказал он. — Мы, люди, совсем другие.

— Другие, но не совсем. Чем скорее я узнаю, в чем дело, тем скорее начну думать, что мож-

но предпринять реального, и не буду сидеть и грызть себя.

Он с уважением взглянул на нее. Взгляд ее голубых глаз был твердым.

— Ты выиграла, — пробормотал он. — Но тебе эти новости не понравятся.

— Я и не жду этого. О, Ян, ты такой добрый! — она ласково взяла его руку. Спарлинг едва удержался, чтобы не отпрянуть назад. Бесполезно даже думать, почему она взяла его за руку. Но он должен обходиться с ней мягко и быть предельно осторожным, чтобы она не заметила его состояния.

Они дошли до половины пути и повернули на север, на Риверсайд. Дорога долго тянулась вдоль реки. Деревья закрывали их от города. Эти деревья с густой листвой оберегали город от ураганов, налетавших с запада. Что-то свое шепчущая река тихо несла свои воды. Вокруг расстилалась идиллическая картина, достойная кисти самого Констебля.

Здесь воздух был свежий и сырой, насыщенный разнообразными ароматами. На западе на сером небе оранжевыми яркими пятнами выделялись облака. Далекая Целестия появилась на небе как призрак. Высоко впереди и вверху парил сару.

Он не спикировал на ибуру, пасущегося на лугу. Видимо, решил дождаться более легкой добычи, чтобы снести ее своим огромным, зелено-оливковым птенцам.

На ветке сидел кантор. Маленькая, покрытая серыми невзрачными перьями птичка пела свою песню.

Спарлинг вспомнил, что Джиль продолжала работу своего ментора Джима Хасимото, посвященную пению кантора и других птиц.

Когда же он впервые встретил ее? Тогда она была просто длинноногой девчонкой, одна из трех детей Конвея. С тех пор Алиса вышла замуж за Бена Филлипса, а Дональд улетел на Землю учиться в колледже, а потом он попал в армию.

— Мы скоро придем к твоему дому, Ян, если не остановимся поговорить.

— Что ж, поговорим. Только ведь рассказывать-то нечего.

— Корабль привез почту?

— Нет, не знаю. Но во всяком случае никто не упоминал об этом. Капитан Джерин — их командир, обещал, что с Землей будет поддерживаться регулярная связь. В крайнем случае его курьерские корабли будут привозить почту.

— Зачем они здесь?

— Это было объявлено еще вчера. Сразу после установления контакта. Чтобы защитить нас от возможного нападения Наксана.

— Смешно. Как и эта война.

— Может и нет.

— Ну что же, если их присутствие гарантирует доставку необходимых материалов для выполнения наших работ, я буду только рада. Господи, но если идет война, все поставки прекратятся, так мне сказал капитан Хуэзи. Ведь правда?

Спарлинг кивнул.

— Новости еще хуже, да?

— Да. Они хотят строить здесь базу… Ты понимаешь, что это означает. Джерин уже имеет полномочия мобилизовать здесь все ресурсы, оставив нам для выживания только самое необходимое. И в возможно короткий срок мы должны представить все данные о том, что мы можем дать в распоряжение Джерина.

Джиль остановилась и он тоже.

— О, нет, — прошептала она.

Он позволил себе расслабиться.

Джиль схватила его за руки.

— А твой цементный завод? Ты уже не сможешь изготавливать цемент для дамб?

— Да, — голос его упал. — Цемент пойдет на

строительство базы.

— Ты не мог объяснить им?

— Мы пытались рассказать о наших проектах. Я лично рассказывал и настаивал на том, что наводнения были главным фактором уничтожения цивилизации в Южном Веронене. И если мы сможем их предотвратить… Джерин поинтересовался, когда начнутся наводнения. Я сказал о наших прикидках, на что Джерин сказал, что через пять лет война закончится, и мы сможем продолжать наши работы.

— Он думает, что ты сможешь достроить дамбы мгновенно?

Спарлинг поморщился.

— Он сам и его товарищи не глупые и не злые люди. Нам сказали, что мы можем послать на Землю петицию с жалобой, а они постараются причинить нам как можно меньший ущерб. Они постараются выработать последний вариант строительства только после того, как внимательно изучат все местные условия. Год спросил, сможем ли мы оказать военную помощь Газерингу, и получил решительный отказ. Также он получил строгие инструкции: оставаться в стороне от местных конфликтов. Мы не можем рисковать ни военным снаряжением, ни людьми

и не имеем права отвлекаться от задания, что нам поручено… Более того, Джерин сказал о решении Парламентской комиссии исследовать все случаи вмешательства в прошлом. Ведь все это будет выглядеть «культурным империализмом».

Джиль была потрясена.

— Я не слишком удивлен, — сказал Спарлинг. — Когда я был в прошлом году на Земле, я еще тогда заметил новые веяния: негуманоиды должны быть предоставлены самим себе.

— Разумеется, если они не Наксанцы и не с Мундомара.

— Да, в то время я не беспокоился об Иштаре: слишком велика была ставка. Если мы не поможем здешней цивилизации, она исчезнет навсегда. Но теперь… — Спарлинг пожал плечами.

Джиль закончила за него.

— А теперь они хотят придать законные факты своей политике невмешательства. Это ведь гораздо лучше, чем прекратить собственную глупую войну, — он кивнул. — Тебя не удивляет, что я ни разу не посетила Землю?

— Не суди по правительству и его нарочитой политике невмешательства обо всем народе. Думаю, что тебя просто не тянет туда, где так много

городов и людей, в то время как здесь ты видишь столько чудесного. Однако на Земле есть много прекрасных мест.

— Ты говорил мне, — Джиль сильно ударила кулаком по ладони. - Ян, что же мы сможем сделать?

— Попытаться уклониться от приказов, — вздохнул он. - Впрочем, мы должны сразу же постараться привлечь военных на нашу сторону. Нужно, чтобы они поняли, что Газеринг более важен, чем какая-то маленькая база вне основного театра военных действий. Их слово будет более весомым в Мексико-сити, чем любые наши жалобы.

Я еще раз повторяю, что Джерин и его люди показались мне вполне разумными людьми. Они поддерживают войну, но они не фанатики.

— Ты планируешь для них большую экскурсию?

— Пока нет. Мне нужно завтра быть в Сехале на Ассамблее. И я должен буду им сказать, что если они рассчитывают на нашу помощь, то им придется подождать. — Спарлинг снова вздохнул. — Это будет нелегко.

— Да, — тихо проговорила Джиль. — Но Ян, никто лучше тебя не справится с этой задачей.

Но мне жаль, что всю боль тебе придется взять на себя.

Он посмотрел на нее. Неужели она так беспокоится о нем?

Внезапно став задумчивой, она продолжила:

— Предположим, что я захочу переубедить этих землян. Нет, это невозможно сделать за один вечер. Я просто изложу им факты, объясню ситуацию. Я ведь не прошу ничего, я всего лишь натуралист, желающий продолжить свои наблюдения. У меня брат в армии. Они должны будут выслушать меня. Я буду вежлива, даже добросердечна… Это может помочь, да?

— Конечно, — вырвалось у него. И он сразу подумал: "Не верю, чтобы в ее голове сама по себе могла возникнуть такая идея.

Воспользоваться тем, что она молода и красива. Кроме того, она понятия не имеет, что такое флирт".

Он понял, что ее сочувствие к нему было простым душевным участием и ничего больше.

Она покачала головой.

— О'кей. Когда ты увидишься с Ларекком, передай ему от меня: я его баррас.

— Что?

— Ты не знаешь? Ах, да. Это на диалекте ост-

рова Ирэны, где легион Зера находился десять лет назад. — Она колебалась. - Приблизительный перевод: я еще не начинаю драться. Если бы Ларекка это услышал от меня, он бы понял лучше.

Спарлинг смотрел на нее.

— Приблизительный перевод, — пробормотал он. — А как же перевести буквально?

— Я женщина, — возразила она. — Я не могу тебе это сказать, пока не решу попрактиковаться в грубом жаргоне. Они молча стояли рядом.

— До чего красив закат, — сказала Джиль, глядя на реку. Свет от облаков и воды обливал ее золотистым сиянием. — Неужели на Земле тоже есть такая красота?

— Есть, — сейчас он думал только о ее руке, касающейся его груди. — Леса, горы, моря, влажный климат…

— Глупо! Я знаю, что ты из Британской Колумбии. Сейчас ты подтвердил только то, что я давно знала: что ты мыслишь, как компьютер. Если я попрошу объяснить мне, что такое лягушка, ты не только подпрыгнешь, но и приложишь все силы, чтобы сделаться зеленым.

Он улыбнулся, глядя на нее.

— Полетим на Землю, и ты увидишь лягушек. Там ты поцелуешь одну и она превратится в

прекрасного принца. И тогда ты пожалеешь об этом. Консервативная масса потребует, чтобы ты превратилась в лягушку.

Заметила ли она, что назвала его старым и черствым? И тут она снова заговорила серьезно.

— Значит, они сохраняют островки природы, и тебе посчастливилось вырасти в одном из них. Но разве ты не испытал огромного счастья, когда прилетел сюда? Разве ты не увидел, что вся эта планета — такой островок? Свобода, — она вскинул голову и показала на что-то. — Смотри!

Спарлинг последовал взглядом за ее рукой. Над самыми деревьями летело животное, совсем не похожее на пернатых планеты.

Вместо четырех ног и двух крыльев оно имело две ноги и четыре крыла. Да и общее строение тела было иным. Это был бипен. Бипены водились лишь в Гаэлене. Спарлинг никогда раньше не видел их. Это было красивое, большое существо, оперение которого отливало в лучах солнца фиолетовым цветом.

— Они мигрируют на север, — вздохнула Джиль. Спарлинг посмотрел на нее, увидел ее сияющие глаза и сразу потерял интерес к бипену. — Я думаю, что это остатки выживших после последнего цикла. Ян, повлияет ли прохождение

Ану на экологию?

Ему хотелось ответить «Нет», но он подбирал слово более значительное. Ее крик оборвал ее мысли. Спарлинг резко повернулся.

С неба пикировал сару. Он сложил крылья и стремительно несся вниз. Уже были видны страшные когти и клюв. Спарлинг слышал свист ветра в крыльях. Затем раздался резкий удар и сару сломал бипену крылья и шею. Брызнула кровь. Сару со своей добычей стал медленно подниматься.

Джиль всхлипнула. Слезы стояли у нее в глазах. Но она сдержала их.

— Так и должно было случиться, — пробормотала она и повернулась к Спарлингу. — Прости меня. Я пытаюсь быть храброй, но… Это бедное животное прилетело сюда в такую даль только для того, чтобы умереть. Впрочем, ладно, спасибо за все, Ян. Спокойной ночи.

Она повернулась и быстро пошла прочь. Бел уже скрылся за горизонтом.

Спарлинг стоял, набивая трубку, пока она не скрылась из виду. Облака потемнели, зажглись ранние звезды и выплыл величественный Мардук. Спарлинг подумал, какие свирепые бури вызывает на этой планете приближающийся

Ану. Однако на расстоянии нескольких миллионов километров планета казалась спокойной и умиротворенной.

Воздух стал холоднее, тихо шелестели вода в реке и листва на деревьях, откуда-то доносился кислый запах дыма.

Действительно, эта планета привлекательнее, чем Земля. Он вспомнил берега Северной Канады. Их всегда были волны океана, над ними всегда висели облака. И даже в облачные дни они были угрюмыми, хотя и величественными.

И все же Джиль была права. Ему повезло. То же самое ему сказала дочь в прошлом году, когда он повез ее на круиз по стране своего детства. Ее колледж находился в мегаполисе Рио де Жанейро…

Он вспомнил сегодняшний день.

— Я видел Вэлфар и Бэкуорд тоже, — должен был сказать он Джерину. — Пойми, пожалуйста, меня правильно, я симпатизирую им и согласен, что они заслуживают лучшей доли. И когда мне было пятнадцать лет, я был так же горд, когда Гуннар привел нас к победе над Алерионом.

Однако, работая инженером, я встречался с наксанцами, и убедился, что они подобны нам. Затем последние пятнадцать лет я работаю на Иштаре, он стал моим домом, здесь лежит мой долг…

Он покачал головой: поздно рассуждать. Время ушло.

Сумрак опускался на землю. Все больше звезд появлялось на небе. Он поднялся по Гумбольд-стрит и открыл своим уличным ключом ворота. Свет из окон падал на кусты и на траву. Земные растения здесь требовали постоянного ухода. Годы прошли в борьбе с природой, которая старалась уничтожить земные бактерии, червей, сохранить существующий баланс почвы: содержание азота, кислот и других веществ.

Он прошел к передней двери. Жена отложила книгу. Он узнал роман, которым зачитывались на Земле, когда он был там. Странно, что прочтя роман на Земле, он совершил огромный виток и снова вернулся в то время, когда этот роман стал гвоздем сезона на другой планете. Читал он мало. Он сбыл слишком занят и настолько уставал, что предпочитал просто поваляться. И если ему хотелось почитать, то он брал иштарианские книги.

— Хэлло! — сказала жена. — Что случилось?

В ее речи угадывался бразильский акцент. Когда-то она жила в Португалии, и с тех пор это чувствовалось в ее речи.

— Боюсь, что ничего не смогу рассказать, — буркнул он.

Однако его кольнуло чувство вины. Она была не болтушка, а Ольга Ханшоу слышала всю дискуссию. Он успокоил свою совесть тем, что он устал, и у него не было сил обсуждать все с Родой, так как она, занятая домашним хозяйством, была слишком далека от мировых проблем, и ей долго бы пришлось все объяснять.

— Плохо? — спросила она, изучив его лицо.

— Плохо, — согласился он, опускаясь в кресло. — Завтра я уезжаю в Сехалу на Ассамблею. Буду отсутствовать несколько дней.

— Понимаю, — она встала. — Ты не хочешь выпить перед обедом?

— Ром и лимон. На два пальца, — и он показал, сколько налить рома.

Когда она улыбалась, то напоминала ему ту веселую девушку, с какой он однажды познакомился. Она никогда не отличалась особой красотой. Спарлинг оценивал ее в одну миллилелену — это количество красоты, которой можно загрузить один корабль. Но он всегда был неловок в общении с женщинами, а Рода Ваграс — это он видел готова была стать его женой, как только он этого пожелает.

Она была моложе его, но сейчас в ее волосах было гораздо больше седины, чем у него. Сейчас она

потеряла всякую стройность и легкость походки, но все же, когда она, проходя мимо, потрепала его волосы, он вспомнил их первые годы.

Оставшись один и раскурив трубку, он подумал, что, может быть, трудное рождение Бекки изменило ее так. Несмотря ни на что, она оставалась мягкой, доброй, и ее любили в их сообществе все, и к тому же она прекрасно готовила.

Но все реже они были с ней близки, как духовно, так и физически.

А может, думал он, может, это во мне происходят изменения?

Ведь его работа заставила его объехать пол-планеты, в то время как она была вынуждена сидеть с ребенком дома. Он часто летал на Землю, а она никогда не жаловалась и летала туда лишь на несколько недель раз в четыре года. А с другой стороны, она сохранила свои человеческие интересы, общаясь только с людьми в Примавере. А он в это время был занят чисто иштарианскими проблемами.

Но какова бы ни была причина, он неуклонно отдалялся от нее. Его проекты требовали от него и внимания, и нервов, и сердца. Все остальное казалось ему скучным и ненужным.

Пока он не повстречался с Джиль Конвей.

Он яростно затянулся трубкой.

Рода принесла выпивку.

— Я рада, что ты так рано вернулся, дорогой. Ты так вымотался. Я все думала, неужели ты не придешь к обеду, который я специально для тебя приготовила.

Глава 7

Юрий Джерин с радостью принял приглашение на экскурсию с человеком, который мог бы объяснить ему все, что он увидит. Кроме возможности подружиться с членами общества, в которых он нуждался и которые относились к нему весьма враждебно, Джерин радовался и тому, что он сможет отдохнуть от трудного путешествия. А когда Годдард Ханшоу сообщил, что его будет сопровождать Джиль Конвей, он обрадовался еще больше.

Она позвонила ему перед восходом Бела, когда планету еще не обливал зловещий свет Ану. Он и несколько его помощников разместились в гостинице, а большинство его людей находились на орбите, так как для такого количества людей еще не были выстроены жилища. Джерину был предоставлен флайер.

— Пока ты не реквизировал его, — мрачно пошутил Ханшоу. — А так мы сможем оказывать тебе знаки внимания.

Флайер Джиль был мощнее и больше.

Они перелетели через реку и очутились на

иштарианской стороне.

Взошел Бел и тени предметов сразу удлинились и стали розовыми. Джиль остановилась возле реки.

— Как насчет завтрака? — осведомилась она.

— Манифик, — Джерин открыл багажник своей машины. — Я сожалею, что не могу сделать настоящий вклад, но у меня есть итальянское салями, если ты примешь…

— Приму?! — она в восторге всплеснула руками. — Такое я ела только однажды в жизни. Поверь, что первая любовь не может сравниться с твердокопченой салями.

« Лгунья, — подумала она, вспоминая Сандзо. Но эта боль уже залечилась в ней. — И в тебе тоже, мой дорогой, я уверена в этом…»

Джерин помог ей расстелить на траве скатерть и распаковать пищу: хлеб, масло, сыр, джем…

«Он очень мил, — подумала Джиль. — И чертовский симпатичен».

Когда она подключила кофеварку к аккумулятору своей машины, Джерин сказал:

— Я не мог сказать тебе этого раньше, мисс Конвей, так как был потрясен вашим искусством водить машину. Но я знаком с твоим братом Дональдом. Он просил передать тебе привет.

— Что? — она вскочила. — Ты знаешь его! Как он? Где он? почему не пишет?

— Когда мы встретились с ним, он был в прекрасной форме. Мы с ним проговорили несколько часов. Понимаешь, когда я получил назначение сюда, я стал размышлять, кто может информировать меня об обстановке на Иштаре, и отыскал Дона. Он много говорил мне о тебе, — сказал он и замолчал, заметив, как напряжена Джиль.

Помолчав, он продолжил:

— Где он находится? Скорее всего на фронте. Ты не беспокойся о нем. Мы все же превосходим противника во всем: в вооружении, в организации, степени обученности солдат. А что касается писем, то он слишком занят, а, кроме того, он не любит писать. Но я взял с него слово, что он непременно вскоре напишет.

Джиль вздохнула.

— Большое спасибо. Это так похоже на Дона. — Она повернулась к кофеварке. — Оставим подробности на потом. Сегодня вечером, если ты не против, мы побываем у меня дома. Мои родители, сестра и ее муж захотят послушать о Доне.

— Как хочешь, — сказал он с поклоном. Он чувствовал, что нельзя предлагать ей помощь. Он просто наслаждался видом отсюда.

Роща находилась на покрытой низкими холмами равнине. Она состояла в основном из высоких деревьев с мечеобразными красными листьями. Кое-где мелькали ярко-желтые пятна — листья других деревьев. Почва была покрыта коротким мхом. Ветер был сухой и теплый, наполненный незнакомыми ароматами. Он рябил гладь реки.

Вдаль, на многие километры, простиралась равнина, поросшая кустарником в половину человеческого роста.

— Ты знаешь название всех этих растений?

— Да нет, я не ботаник. В основном это сорт мха. Он играет здесь такую же роль, как и трава на Земле. А кусты… Вот это «горькое сердце». Иштарианцы используют его корни как тонизирующее средство. Отвар корней полезен и для нас, людей. А это — «ночной вор». Для людей он ядовит, хотя случается, что и иштарианцы болеют от него.

— Вы используете для названий перевод местных наименований?

— Редко, — ответила Джиль. Она почувствовала, что привлекательна для Джерина.

«Ну что ж, — подумала она. — Если между нами и возникнут какие-то отношения, то я предпочту сама проявить инициативу. Я ведь не собираюсь завоевывать сердце просто из тщеславия и быть

роковой женщиной».

— Многие из названий непереводимы. Как, например, перевести на иштарианский «роза»? А местные название не перевести нам.

Поэтому мы и изобретаем новые. Первая научная работа была издана Ли Чанг Ши.

— Хм-м, насколько я понимаю, молекулы фотосинтеза не идентичны хлорофиллу, только похожи. Но почему здесь у растительности преобладают красный и желтый цвета?

— По теории основной цвет — желтый. Но красный пигмент преобладает в Хаэлене, как поглотитель энергии. О, боже, только через столетие мы начали понимать, как мало мы знаем об этом мире. Давай есть: время идет.

Пока они завтракали, в небе появилась стая пилигримов. Все небо потемнело, наполнилось звуками мощных крыльев. Откуда то вырвалась стая перепуганных азаров. Они бежали, тревожно крича и грациозно перебирая шестью ногами. Люди через бинокль смотрели на происходящее и Джиль объясняла Джерину, что у высших животных передние ноги превратились в руки.

Когда этот парад животных окончился, воцарилась тишина.

Джерин посмотрел на Джиль и спросил:

— Ты родилась на этой планете и очень любишь ее?

— Это планета наши, — ответила Джиль, — Но наша раса никогда не будет владеть ею, она принадлежит иштарианцам. Мы здесь только гости.

Джерин опустил взгляд.

— Пойми меня, я знаю, как вам всем больно, что ваши гуманные планы приходится откладывать на завтра. Но время войн часто рушатся чьи-то интересы и надежды. Впрочем, для тебя мы сможем кое-что придумать. «Сможем, — подумала Джиль. — Вот оно. Только не нужно слишком давить».

Она улыбнулась и погладила его руку.

— Благодарю, капитан. Вы хорошо сказали. Мы поговорим об этом позже. Я буду твоим руководителем, но не просителем.

— Хорошо. Скажи мне, я читал об обитателях планеты, подобных нашим обезьянам.

— Да, — кивнула Джиль. — Например, тартар, напоминающий бабуина. А самый ближайший родственник — гоблин.

— Полуразумное существо? Ты много знаешь о нем?

— Очень мало. Их почти нет в Веронене. Их много на другом полушарии, но цивилизация

еще не проникла туда. Я только могу сказать, что гоблины делают примитивные орудия труда и уже имеют зачатки языка. Они находятся на стадии развития австралопитека.

Джерин погладил усы.

— Странно, что они выжили.

— Не забывай, что здесь между материками лежит океан, гораздо более бурный, чем у нас на Земле.

— Но высшие существа всегда подавляют низшие.

— Только не иштарианцы. Даже варвары не обладают кровожадностью людей. Например, здесь никто не знает, что такое пытка. Возможно, ты думаешь, что Газеринг — это нечто вроде империи? Это не так. Здешняя цивилизация не нуждается в государстве. Иштарианская форма жизни более современна.

Его удивление заставило Джиль замолчать. Она вдруг поняла, что это идея, с которой она сроднилась и жила, для Джерина что-то новое. Немного погодя он заговорил.

— Но не хочешь же ты сказать, что они в чем-то более разумны и превосходят нас, а кое в чем — мы их. Это обычное дело среди разумных существ различных видов. А в целом все развиты

одинаково. Я думаю, все заключается в том, что под давлением внешних обстоятельств мозг развивается только до определенных пределов, дальше которых развитие невозможно.

Джиль рассматривала его с некоторым почтением. Неужели он, военный человек, еще может размышлять над философскими проблемами?

О'кей, я сделаю ему комплимент, поговорим с ним серьезно, но я не буду говорить больше, чем это необходимо.

— Ты сможешь выдержать небольшую лекцию?

Он улыбнулся, откинулся так, чтобы усесться поудобнее возле дерева, предложил сигарету и, когда она отказалась, закурил сам.

— Если лектор так красив, — пробормотал он. — Мадмуазель, я постараюсь быть джентльменом. Но, поверь, это так трудно.

Джиль ухмыльнулась.

— В конце мы устроим двадцатиминутный отдых, — сказала она. - А сейчас начнем. Ты знаешь, что здешняя жизнь — орто-жизнь, не такая Т-жизнь, что развивалась на Земле, где внешние условия в целом схожи. В основном биохимия та же — два пола, позвонки постепенно уменьшаются к концу позвоночника и так далее. Мы можем

есть то же, что и иштарианцы, но не все, так как от некоторой пищи можем заболеть или даже умереть. То, что здешние обитатели шестиногие, а не четвероногие — это тривиальность. Не более, чем биологическая случайность. На Иштаре есть эквиваленты млекопитающих, птиц, рыб, рептилий и так далее.

Может быть, они были бы похожи на нас, если бы не вспышка Ану миллион лет назад. Это вызвало бурный скачок в развитии жизни. Возникли громадные холоднокровные животные, не имеющие ничего общего с нашими динозаврами. Однако развивающиеся млекопитающие все же вытеснили их. И на основании этого факта мы считаем, что млекопитающие имели здесь больше времени для развития, чем на Земле. И здесь они изобрели то, чего нет на нашей планете — симбиоз. Конечно, у нас тоже есть симбиоз с некоторыми организмами, например, с нашей кишечной флорой бактерии, микробы. Но иштарианский организм — это настоящий зоо и ботанический сад, сообщество помогающих друг другу существ.

Возьмем, к примеру, кентавра и его нескольких друзей. Его шерсть — вовсе не шерсть, а растительность типа мха. Корни у нее неглубоки, но

связаны с кровеносной системой. Грива — это тоже растительность. Она создает броню для тонких костей черепа.

Растения питаются двуокисью углерода, водой и другими выделениями иштарианца. И они отдают прямо в кровь кислород и целую гамму витаминосодержащих веществ. Мы только сейчас начали идентифицировать их. Разумеется, эти растения не подменяют систему дыхания и очистительную систему. Они просто дополняют и поддерживают ее, и потому кентавры могут существовать в большом диапазоне условий. На Иштаре мало воды и кентавры носят на себе ее запасы в виде этих растений. Они могут даже есть эту траву, если им не хватает пищи. Эти растения быстро отрастают вновь.

Джиль перевела дух.

— Да, заманчивая картина, — произнес Джерин.

— Ты об этом знал?

— Читал. Однако рад услышать все в развернутом контексте.

Захваченная возбуждением, Джиль продолжила:

— Симбиоз не просто помогает выжить, он высвобождает гены. - Заметив его возбуждение,

она заговорила еще более эмоционально. - Гены несут в себе информацию, но их способности не бесконечны.

Представь себе гены, которые хранят информацию о метаболизме. Но эту функцию выполняет некий симбиоз. Поэтому гены для этой функции уже не нужны и могут быть задействованы на что-то другое.

Поэтому здесь, на Иштаре, очень быстро происходит мутация и селекция. Может иштарианцы и не так быстро достигли уровня развития людей, но шли к нему равномерно и уверенно. Поэтому на планете еще существуют и гоблины. Человек создавался в спешке. В его организме много непродуманного. Например, нервная система.

Антропологи утверждают, что в человеке сосуществуют три мозга: мозг рептилии, млекопитающего и человека. Они плохо координируют между собой. Отсюда войны, убийства, социальные потрясения. У иштарианцев в голове больше единства, у них нет сумасшествия, неврозов. Они мало и редко болеют. И хотя мы здесь чужие, мы своим появлением никого не повергли в шок. Они относятся к нам с почтением, принимают от нас идеи или вещи, которые могут быть им полезны, но все это просто совмещается с той

жизнью, которую они вели и до нас.

Немного охрипшим от долгой речи голосом она излагала известные ей вещи и факты очень понятно, а потом замолчала, и, откусив бутерброд, и запила его кофе.

— И несомненно, это и обеспечивает иштарианцем долгую жизнь, от трехсот до пятисот лет, — сказала Джиль.

Джерин кивнул и Джиль продолжала:

— Но есть и другие причины. На Земле быстрая смена поколений обеспечивает генетический отбор. Я согласна с теми, кто считает, что человек запрограммирован на то, чтобы стариться после сорока лет. Это увязывается с быстрой сменой поколений. На Иштаре все по другому. Приближение Ану через каждые тысячу лет обеспечивает резкие изменения в организмах. А большой срок жизни предусмотрен для адаптации, закрепления их.

— Странная философия.

— Да. Ну и что же. Она мне нравится.

Джиль задумалась.

«Буду с ним честной. Нам нужна его помощь, а не интеллектуальное развитие».

Он долго молчал, а затем тихо заговорил:

— Все это должно сильно подействовать на

жителей Примавера.

Тот самый не меняющийся кентавр был другом твоего деда, является другом твоего отца и твоим и будет другом твоих детей. Ты росла, и он учил тебя, воспитывал, защищал от опасностей… Может быть, стал твоим идолом. Я не хочу быть навязчивым, но если мое предположение верно, вы все находитесь под сильным влиянием иштарианцев.

«Клянусь Дарвином, он настоящий нахал!»

Он посмотрел на Джиль и заметил, что эти слова на нее подействовали. К чему отрицать то, что он узнает и так, выслушав городского сплетника.

— Может быть, пример этому — я. Ларекка, командир легиона Зера Нитрикс. Мы с ним большие друзья. Могу сказать, что я многое почерпнула у него.

— Ты не хочешь говорить об этом?

Джиль покачала головой.

«Почему я должна доверять ему? Ведь это мой враг».

— Нет, по крайней мере, не сейчас.

— Конечно, — мягко ответил он. Ей вспомнилось…

Большие животные редки на Иштаре: каждую тысячу лет становится голодно… Только в

Центральном и Южном Веронене еще могут прокормиться крупные животные вроде травяного льва и слоноподобного вальваса. Но на севере континент превращается в сухую безводную пустыню. Мелкие животные выживают даже тогда, когда уже наступают самые суровые времена. Например азары. За ними охотятся хищники типа волков. Мощные челюсти хищников могут легко раздробить заднюю ногу азара. Кентавров в пустыне мало пастухи, которые почти не охотятся. И все же и тут и там можно увидеть развалины огромных городов, которые высятся среди красножелтого мха. По этому можно судить, что цивилизация появилась именно здесь.

В свой одиннадцатый год рождения Джиль поехала в сопровождении Ларекки и его отряда в Далаг — в пустыню. Помимо чисто развлекательной цели Ларекка хотел наметить место будущих укреплений для защиты Газеринга от неминуемого нападения варваров в дни Злой Звезды. С ними ехала также тетушка Джиль Эллен Эвальдсен, планетолог, которая хотела исследовать каменные формации в этом регионе.

Путешествие было спокойным. Джиль ехала либо на Ларекке, либо на одном из его друзей. Эллен была недовольна тем, что девочку балуют,

но не препятствовала этому.

А когда они останавливались на ночь, то при свете костра, звезд, двух лун, зловещем свете Ану они обменивались сказками, рожденными на каждой из планет, и Джиль не могла для себя решить, какие же из них для нее чудеснее. Когда они достигли Далага, то пустыня оказалась внушительнее, чем ее представляли.

Шепчущие равнины из песка, монотонность которых нарушалась лишь редкими хребтами да одинокими деревьями, от которых несло холодом, ярко-голубое небо над головой, безжалостная жара, а ночью пронизывающий холод и блеск звезд, встречи с пастухами: чашка чаю, настоянного на траве, стада азаров, которых эти гнусные обезьяны рвали на куски и пожирали на месте живую плоть.

— Им ничего не остается делать, — сказал Ларекка. — Мы запасаем мясо впрок. Животные не могут так поступать. Им приходится все время убивать, чтобы выжить.

И он рассказал Джиль о том, что в здешнем воздухе находится форма жизни, называемая людьми саркофаг. Она безвредна для живого организма, зато мертвая плоть в ее присутствии быстро распадается. Буквально через три часа от

мертвого животного, даже крупного, остаются одни кости. Саркофаг существует на Далаге да еще на нескольких островах. Вероятно, он требует определенного климата.

— Я слышал, — добавил Ларекка, что саркофаг губительно подействовал на здешние живые существа, существовавшие когда-то и способствовал гибели здешней цивилизации.

Джиль посмотрела на обжигаемую солнцем пустыню.

— Наши ученые и философы утверждают, что когда кентавры жили в здешних местах, они были вегетарианцами. Они не могли сохранять мясо, но затем они нашли таких животных, в желудке которых при кипячении выделяется сок, используемый при консервации. Для кипячения они использовали каменные или железные котлы, непригодные для кочевой жизни, которую они тогда вели. Так и развивалась эта цивилизация, затем распространившаяся в другие места.

После этого Джиль уже с меньшим страхом смотрела на развалины. Она поняла, что катастрофы нередки в истории цивилизаций.

Она была уже готова воспринять эту ужасную пустыню.

И так было до того дня, когда погибла Эллен.

Это произошло очень быстро. Женщина взобралась на высокий холм, желая исследовать очередную каменную формацию. Более того, она заявила, смеясь, что ему в этой пустыне делать нечего. Камни казались крепкими. Однако время и климат сыграли свою роль. Снизу Джиль увидела, как камень обломился и Эллен полетела вниз. Она лежала на земле и голова ее была повернута под неестественным углом. К тому времени, как Ларекка подбежал к ней, началось распадение плоти. Она превращалась в голубую жидкость и тут же испарялась. Иштарианцы из-за отсутствия инструментов не могут быстро делать могилы. И они похоронили лишь белые кости и золотистые волосы.

Ларекка отыскал Джиль. Он взял ее на руки и отнес в лагерь.

Бел уходил за горизонт, пылая пожаром, на небе зажигались звезды, выплыла Еа. Ларекка прижал ее к груди и долго гладил по голове.

— Прости меня, девочка — сказал он, — я не думал. Нельзя было разрешать тебе смотреть. Но ты же легионер! Солдат! Разве нет?

Джиль кивнула. Ей ничего не оставалось делать.

— Тогда слушай, — тихо произнес Ларекка. —

Может, ты слышала, что мы, четвероногие, страдаем гораздо сильнее, чем люди. Нелегко терять тех, кого знал сотни лет… Позволь мне рассказать, как мы поступаем, когда теряем близких.

И он рассказал ей о знаменах, на которых вытканы имена павших, рассказал еще о многом, и когда наступил рассвет, Джиль танцевала с ним на могиле танец прощания. Танцевала, стараясь изо всех сил, чтобы не огорчить тетушку Эллен своей неловкостью. Это был самый первый шаг, чтобы горе отступило.

Джиль поднялась.

— Идем. Сложим вещи. Я хочу показать тебе типичное ранчо.

Но если мы не поспешим, то самые интересные члены этого рода разойдутся по своим делам.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил Джерин. — Мисс Конвей, ты очень добра ко мне, знакомя меня с жизнью на планете. Я благодарен тебе. Но, может, ты делаешь это в надежде пробудить мой интерес к иштарианцам?

— Конечно. Зачем же еще?

— Тогда, может, ты выслушаешь меня? Я знаю, что ты видишь в нас пришельцев, которые стремятся уничтожить плоды ваших трудов.

Можешь ты поверить мне, что у нас есть и другие причины, кроме приказа, чтобы быть здесь?

Она помолчала, а затем сказала:

— Я слушаю. Говори.

Он улыбнулся.

— Вообще-то мне хотелось бы собрать всех жителей Примаверы и показать ленту, которая у меня есть. Это не официальная пропаганда. Более того, это даже критика администрации. Но эти материалы очень важны. — Джерин задумался. — Ты видишь, я хочу доказать тебе, что мы не фанатики.

Джиль разразилась хохотом, затем стала серьезной.

— Не обижайся. Мы будем только рады посмотреть ее.

Глава 8

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ТВ-РЕПОРТАЖА Оляйи.

Добрый вечер. Я, Луис Энрике Оляйя Гонсалес, приветствую зрителей программы «Вселенная в развитии». Наша сегодняшняя программа необычна по длительности и важности.

Шесть месяцев назад Парламент Мировой Федерации потребовал от Комитета Поддержания Мира принятия самых строгих мер, вплоть до применения силы, против кораблей, персонала и другой техники Лиги Наксана, чтобы предотвратить возможные чрезвычайные последствия и начать переговоры на справедливой основе. Другими словами, Земля объявила Наксе войну. Официальные лица редко прибегают к таким прямым выражениям в политике. Тем не менее решение парламента предотвратила серию случайных столкновений и переход их в систематические военные операции. Началась война, настоящая война.

Мы собираемся рассматривать эту войну с разных аспектов, рассмотреть прошлое, настоящее и будущее, обсудить то, к чему все это может

привести… Мы попытаемся быть честными…

Вид планеты из космоса. Это Земля, затянутая облаками. А может, и не Земля, а другая планета.

На расстоянии ста пятидесяти световых лет от Солнца находится тускло-оранжевое светило, вокруг которого вращается планета, на которой могут жить люди. Они могут там жить, хотя и не очень хорошо. Для людей на планете очень жарко и влажно.

Сильные ветры, густые сырые леса, болота, полуразвалившиеся горы.

Местный животный мир очень агрессивен, много ядовитых животных и рептилий.

Эта планета больше подходит для наксанцев. Еще на ранней стадии своих путешествий в космос они основали здесь несколько поселений, которые со временем разрослись и превратились в большие города. Наксанцы называют эту планету Чеякка, люди присвоили ей название Мундомар…

Люди поняли, что они смогли бы здесь жить, если бы приложили поистине геркулесовы усилия. В арктической зоне планеты более-менее приемлемые условия. Любящие влагу наксанцы не заселяли полярные области. И они не видели причин, по которым можно было бы отказать

колонистам с Земли. Разумеется, за соответствующую плату.

Глаз камеры проникает сквозь облачную дымку, шарит по джунглям, болотистым равнинам, по поверхности бурного океана.

Временами в поле зрения камеры попадают поселения наксанцев. Их большие тюленьи тела скачками перемещаются по улицам. Это их обычный способ передвижения, крайне неприятный для глаз человека.

Камера постепенно перемещается на север. И вот на экране посадка космического корабля. Модель десятилетней давности.

Кто прилетел сюда? Земля переполнена людьми. Да, планет, которые подходят людям для жизни, очень мало. Все это так. Но кто же из людей настолько отчаялся найти место в жизни, что решил поселиться на проклятом Мундомаре?

Да, перед этими людьми нет иного выбора, кроме безнадежного отчаяния.

Долгая жизнь человека проходит на экране в сопровождении пророческого голоса Чарлза Бертона…

Перенаселенные районы типичных мегаполисов, которые стали адом для людей, которым технологическая цивилизация не нашла приме-

нения. Безнадежность, безысходность, отчаяние, ощущение собственной ненужности, наркотики в бутылках, таблетках, ампулах.

ТВ-экраны для всех, дома радости для тех, кто имеет хоть немного денег, враждующие банды подростков, преступные империи взрослых.

Честные люди чувствуют себя как в джунглях, населенных хищниками.

И защиты нет. Ведь полицейские тоже враги.

Где отчаявшемуся человеку найти работу? «Простите, вы не имеете квалификации, чтобы работать у нас…». «Простите, вы специалист, но у нас нет вакансии. Заходите позже…». И по ночам, когда над городскими крышами зияет чернота неба, усыпанная звездами, люди устремляли туда взоры с надеждой…

Отсталые страны, где люди могут жить, только получая помощь. Но не больше, чем просто существовать. Технология не магия, она не может оперировать с природными ресурсами, которых больше нет. Крестьяне в засушливой Африке выбиваются из сил, чтобы собрать крохи урожая с истощенных земель, улицы индийских городов вымощены телами спящих. Сообщество пелагов на Гренландии заставляет мальчишек уже с двенадцати лет выходить в море ловить рыбу,

которой не осталось. Никто не голодает на Земле, но поступающая помощь — это струйка, которую измученные налогами налогоплательщики давно готовы перекрыть.

Все старые принципы спасения общества не действуют.

Образование? Нельзя выучить человека тому, чему он не может выучиться в силу своих средних способностей. А потребность в обычных людях непрерывно падает. Контроль за рождаемостью?

Невозможно заставить все человечество воздерживаться от воспроизводства рода. Перераспределение материальных благ?

Экономические законы столь же неумолимы, как и физические.

Возвращение к первобытному существованию? Но предварительным условием для этого является смерть 90% людей.

Но остаются звезды. И на Земле еще есть возможности, чтобы начать новую эру. А если у человека нет капитала, то у него есть две руки…

Архивные материалы о пионерах Мундомара. Трудности, лишения, гибель людей, горе друзей и близких, но не гибнущая надежда на лучшее будущее. Постепенно труд преобразил выброшенных из жизни людей. Они становились

настоящими представителями человечества. Их дети вырастали, не боясь ничего в космосе — ни бога, ни черта.

На экране проходят поколения колонистов. По мере того, как увеличивается население, колония расползается по всему северу.

Растут материальные богатства, увеличиваются поступления с Земли — как в виде машин и изделий, так и в виде новых эмигрантов. Ведь тут осуществляется мечта человека — возможность работать и быть полезным.

Растут современные города. Дикая природа приручается и преобразуется человеком.

Трения с наксанцами начались, когда люди перешли нечетко обозначенную границу. Территориальные споры всегда улаживались при помощи торговых сделок. Однако социальная структура наксанцев такова, что многие отдельные личности чувствовали себя обиженными. Они стали собираться в отряды, чтобы нападать на поселения людей, возмещая кажущиеся им убытки. Для культуры наксанцев это было обычное явление. Однако у людей — свои понятия о законности — или, может быть, инстинкты. Они считали подобные действия просто разбоем, бандитизмом…

Напряжение нарастало. Инциденты множились. Генералгубернатор запросил помощи Земли… Лига Наций ясно дала понять, что не оставит в беде своих соплеменников на Чеякке.

Тем временем индустриальные, климатические и экологические проекты землян воздействовали на климат на планете, ухудшив его с точки зрения наксанцев. И наксанцы медленно, но неумолимо продвигались к решению действовать совместно против землян…

Пакт о ненападении, заключенный между их родными планетами, не удовлетворял на Мундомаре никого. Обе группы колоний чувствовали себя в опасности. Но в то же время на Земля преобладал дух пацифизма.

Местные стычки постепенно переросли в открытые военные действия. Люди оказались сильными противниками. По сравнению с наксанцами их было мало, но военная техника землян не уступала наксанской, а что касается организованности, дисциплины, тактического мастерства, то люди намного превосходили противника.

Сцены битвы. Применение химического оружия, взрывы атомных бомб.

Флаг развевается на Доме Правительства в

Бартоне. На балконе стоит человек в военном мундире и громко читает документ рукоплещущей толпе на площади перед всей Вселенной.

— Все трагические события показали нам, что никто, кроме нас самих, не позаботится о соблюдении наших прав, нашей безопасности, нашей жизни… И мы торжественно объявляем, что с этого момента мы граждане суверенной республики — Элеутерии…

Сразу после прекращения огня Земля признала новую республику, но не пригласила ее вступить в Федерацию. Может, из страха получить отказ колонистов, а может, Земля в это время вела тайные переговоры с Наксой. Дипломаты Лиги могли потребовать, чтобы Земля признала факт автономности. В конце концов Накса никогда не объявляла Мундомар своей собственностью, хотя и вполне могла это сделать. Однако она не смогла бы стерпеть прямое присутствие администрации землян в районах планеты, которые они считали украденными у себя.

Мы не знали, чем закончились переговоры. Сообщений о них мы не видели. Единственное, что мы знаем, так это то, что в северном полушарии Мундомара образовалось суверенное государство Элеутерия, открытое для эмигрантов с Земли.

Хотя Земля признала это государство, Накса категорически отказалась это сделать.

Наксанцы, живущие в южном полушарии, испытывали теперь еще большую тревогу.

Затем внимание Земли было привлечено к новому кризису.

Общество Элериона оккупировало колонию Новая Европа. Элерион был более сильный и решительный оппонент, чем Накса. На Земле вспыхнуло новое движение, требующее проявления твердости и наказания нахалов. И это движение победило. Началась короткая, но жестокая космическая война и колония была освобождена.

Но с тех пор дух Земли изменился. Во время войны Новая Европа последовала примеру Элеутерии и объявила себя самостоятельной. У людей возникли сомнения в справедливости решения, которое они исповедовали столетия. Ведь раньше люди считали, что негуманоидная раса не может доминировать над ними.

Человеческая раса? Или наша Федерация? Теперь это разные вещи.

Сцены: Быстрое развитие Элеутерии, увеличение населения, территории, экономической мощи. Гибельное воздействие этого на террито-

рию наксанцев, снова необъявленная война, в результате которой люди захватывают новый континент, Гяуру, и закрепляются на нем.

Президент Гупта:

— Наши дети не должны жить в страхе. Континент Сигурсония жизненно важен для нашей безопасности и для мира на всей планете.

Мы заселим его своими гражданами…

Президентства в Шангае. На огромном телеэкране лицо политика, который призывает к солидарности с мужественными элеутерианцами. Сам он очень богат, но скоро выборы, и ему нужны голоса избирателей.

Оляйя:

— Вспомним мое прошлогоднее интервью с адмиралом Аллесидро Виттели, шефом Комитета Контроля Мира…

Виттели:

— В этом нет никаких сомнений. Щадить противника нечего.

Совершенно очевидно, что за последним происшествием стоят наксанцы. И дело не в том, что они поставляют оружие и обучают чеякканцев. Ни для кого ни секрет, что мы тоже помогаем элеутерианцам. Нет, я имею в виду, что Лига готовится к реваншу.

Не нужно слушать все те разговоры, что ведутся в Мундомаре.

Наксанцы, в отличие от нас, землян, не склонны к демагогии. Они хранят молчание до тех пор, пока не приходит время перейти к действиям. Не будем прятаться от фактов: чеякканцы и все наксанцы желают больше, чем возвратить Сигурдсонию. Они хотят полностью очистить планету от землян…

Оляйя:

— Вы думаете, что Земля может позволить это, адмирал?

Виттели:

— Я не делаю политику, я просто выполняю волю Парламента…

Но лично я считаю, что присутствие людей в этом секторе космоса совершенно необходимо для баланса сил…

Оляйя:

… — речь его Сиятельства Толлога-Экруша, Генерального посла Лиги Накса в Мировой Федерации…

Желеобразная масса, покрытая грязно-желтыми пятнами, влажно блестящая в свете юпитеров, короткие ластообразные ноги с перепонками, доходящие им до колен, голова, похожая на голо-

ву моржа… Голограмма не передавала запах, но звуковые каналы доносили до каждого слишком резкий голос, раздражающий ухо человека.

— … историческая дружба между нашими народами. Конечно, мы часто были торговыми соперниками. Но разве соперничество не является стимулятором развития? От торговли выигрывают все. И, что более важно, соперничество вызывает новые идеи в науке, философии, искусстве. Мне хотелось бы, чтобы люди знали, как мы на Наксе восхищаемся землянами, как много вы дали нам, как многому мы у вас научились. Но разве мы ничего не дали вам? Так что же, наши народы выигрывают от войны? Может, они больше теряют?..

— Да, мы поддерживаем наших соплеменников в Чеякке против открытых нападений. И я не могу поверить, что Земля, которую мы на Наксе любим и уважаем, поддерживает политику наглых завоеваний и агрессией. Да, мы отдаем себе отчет, что колония землян на Мундомаре должна расширяться и развиваться. Но почему только за наш счет?

Оляйя:

— Третий крупномасштабный взрыв враждебности на Мундомаре вызвал кризис, который

невозможно было разрешить просто так.

После первого успеха элеутерианцы последовательно развивали его, но чеякканцы не собирались признавать поражение. Мирные комиссии от обеих враждующих сторон полностью игнорировались и теми и другими. Возникла опасность того, что или та, или другая сторона использует в конфликте оружие массового уничтожения, что приведет к опустошению планеты…

Сцены: парады, демонстрации, поющие толпы людей на всей Земле, требующие спасения Элеутерии.

Корабли землян и наксанцев получили приказ двигаться в район конфликта. Сообщение о боях в космосе. На экране разбитые корабли, погибающие люди, раненые в госпиталях, пленные в лагерях, ожидающие обмена.

Усилия дипломатов и с той и с другой стороны не имеют и небольшого успеха.

Парламент призывает Землю помочь Элеутерии.

Снова бои. Посол Лиги вручает Земле ноту.

Сессия Парламента приказывает военному флоту начать боевые действия.

Председатель Аль-Гази:

— Нет, конечно, мы не собираемся нападать на

Наксу, если Земля не подвергнется нападению, что маловероятно. Это был акт агрессии, причем следует принять во внимание, довольно глупый, если учесть систему защиты планеты. Нет, пока мы сохраняем контроль за событиями, военные действия будут вестись только в космосе и на Мундомаре. И наша цель — это вынудить наших противников согласиться на честный мир.

Оляйя:

— Голосование не было единодушным. Представители некоторых стран высказывались против нашего вмешательства. Некоторые частные лица и отдельные организации поддержали их.

Дождь на пустых улицах. Несколько печальных пикетов возле здания адмиралтейства. У них в руках плакаты с надписями:

«Верните назад дружбу с Наксой» и «Разве наксанцы не правы?».

Изредка проезжающие автомобили даже не притормаживают возле них.

Оляйя:

— Специальный гость Гунар Гейм, бывший министр космоса и Военных дел Новой Европы. Как вы помните, тридцать лет назад он был единственным, кто призывал к сопротивлению агрессии Алериона, и в конце концов добился

того, что Земля начала действовать.

Позже он был одним из тех, кто объявил Новую Европу самостоятельной территорией и до своей отставки был важнейшей фигурой в правительстве. Но даже выйдя в отставку, он не ушел в тень. Сейчас капитан Гейм любезно согласился выступить…

Мужчина, седовласый и все еще подтянутый и величественный, одетый в старую военную форму с расстегнутым воротничком сидел в кресле и невозмутимо попыхивал трубкой.

Оляйя:

— Не кажется ли тебе, что нынешняя ситуация весьма похожа на ту, с которой тебе уже приходилось сталкиваться?

Гейм:

— Нет. Алерион хотел, чтобы человечество, как и все остальные расы, покорившие космос, были навсегда изгнаны из него.

Мы первыми подверглись нападению только потому, что занимаем первое место в гонке к звездам. Я уверен, что цель Алериона была в уничтожении нас, как жизнеспособной нации.

Оляйя:

— Почему?

Гейм:

— Назовем это идеологией. Кажется, Мы не единственная раса, которая заражена этим. Претензии Алериона на Вселенную и господство над ней были неограничены, и поэтому он представлял смертельную угрозу для всех. Нам просто было необходимо применить силу, чтобы привести алерианцев в чувство.

Оляйя:

— А как с этим обстоят дела в настоящее время?

— Алериан уже не представляет той угрозы, которая была лет двадцать назад.

Оляйя:

— А с Наксой дело обстоит иначе?

Гейм:

— Конечно. Когда они угрожали Земле? Если, конечно, не считать некоторых столкновений на почве торговых интересов.

Оляйя:

— А что ты скажешь о бомбардировке здания Миссии землян на Мундомаре два года назад? Может, фанатики…

Гейм:

— У наксанцев нет фанатиков. Бомбардировку провели агенты элеутерианцев, чтобы спровоцировать ярость землян. И это им удалось.

Федерация прервала переговоры с Лигой, а, кроме того, этот инцидент оказал известное воздействие на выборы.

Оляйя:

— Прошу прощения, ты можешь доказать это заявление?

Гейм:

— У меня сведения от моих друзей из службы разведки Новой Европы. Естественно, ваше правительство ничего не подтвердит.

Оляйя:

— Вернемся к теме разговора. Ты считаешь, что элеутерианцев следует предоставить самим себе?

Гейм:

— Мне странно слышать такой вопрос от тебя.

Оляйя:

— Это не мой вопрос. Это вопрос, который звучит во многих диспутах. Во многих выступлениях.

Гейм, улыбнувшись:

— Прошу понять, что я говорю, как частное лицо, гражданин иностранного государства. Благодаря богу, если он есть, мое государство с самого начала заявило о строгом нейтралитете. Хотя должен напомнить, что Новая Европа находится

в добрых отношениях с обеими сторонами.

Оляйя:

— Капитан, я просто удивлен, услышав твое мнение о конфликте. Особенно если провести аналогию с тем, что ты делал ты и что делают сейчас элеутерианцы.

Гейм:

— Я отрицаю подобную аналогию. Как я уже заметил, Алериан угрожал нашему существованию, что ни в коей мере нельзя сказать о Наксе. Новая Европа объявила себя независимой. Но никогда не посягала на чужую собственность.

Оляйя:

— Не…

Гейм.

— О'кей. Тогда послушайте старого инженера и старого политика, давно забытого всеми. Еще раз напоминаю, что я говорю как частное лицо и никто больше. Во-первых, я восхищаюсь элеутерианцами. То, что они сделали — грандиозно. Они провозгласили не новое государство, они создали свои души. Но, во-вторых, наксанцы Чеякки-Мундомара проявляют не меньше героизма. Разве нет? И это тоже разумно, как разумны они сами. И они первыми прибыли на планету.

Я не думаю, что им по силам изгнать землян

с Мундомара. И не думаю, что Лига хочет этого. Сама эта идея глупа. На этой планете существуют самые разнообразные условия жизни. Их мирное взаимодействие не может привести ни к чему, кроме взаимной пользы.

О деталях всегда можно договориться. Самое плохое, что элеутерианцы не стремятся к этому. Например, сейчас они вкладывают значительные средства в развитие Гаярру — Сигурдсонию — и чем дальше, тем труднее им будет отказаться от нее. И сейчас они говорят о ней как о чем-то, что обеспечивает им безопасность.

Чепуха. Даже если они и верят в это, все равно это чепуха.

Единственное, что гарантирует безопасность между народами, так это взаимные интересы.

Оляйя:

— Значит, ты не одобряешь этот конфликт?

Гейм:

— Черт побери, да! Наксанцы действуют столь же неразумно и опрометчиво, как и люди. Однако скажи мне, Оляйя, какую выгоду получает средний землянин от того, что Комитет Контроля Мира, руководимый Парламентом Федерации подписывается под элеутерианским империализмом? Если элеутерианцы захватывают чужие

территории, пусть захватывают, но на свой страх и риск.

Высадка морских пехотинцев с огромного космического транспорта на шатлл-челнок, который доставит их на планету.

Грохочет военный оркестр, разносятся голоса, усиленные громкоговорителями.

Слава, слава, алилуйя!

Слава, слава, алилуйя!

Слава, слава, алилуйя!

Глава 9

Спарлинг поехал в Сехалу на машине. Полет на флайере занял бы гораздо меньше времени, но ему хотелось все тщательно обдумать. Дорога шла вдоль реки и на ней было очень слабое движение. Огромные кентавры-носильщики, курьеры легионов, запряженные в тележки мермеры, просто путешественники. Спарлинг встречал представителей многих рас — от хаэленцов до полудикарей с острова Эхур близ Валленена. Большинство из них было без одежды, но зато в изобилии украшено разнообразными украшениями, побрякушками, перьями. По реке непрерывным потоком двигались баржи, галеры, лодки. Газеринг испытывал трудности, он терял одну территорию за другой, но тем не менее служил магнитом для торговцев всех мастей.

И еще Спарлинг замечал патрули легиона. Раньше такого не было. Они в основном несли службу по поддержанию порядка, оказанию помощи, улаживанию мелких споров. Сейчас ситуация была весьма сложной. Спарлинг знал — почему. Все больше народа с севера направ-

лялось сюда. Они хотели закрепиться здесь до того, как бури и нападения уничтожат их дома. У Веронена не было правительства, и он не имел средств предотвратить это нашествие.

И у него не было возможности обеспечить всем необходимым вновь прибывающих. Лишь немногие могли найти здесь работу. А остальные…

Спарлинг видел огромные стада, богатые ранчо. Далее к югу в Сехале уже собирали урожай. Тут еще не было горячего дыхания Злого Солнца и ничего не говорило о том, что дальше к югу Ану уже сжег весь урожай.

Он оставил машину и остановился в гостинице, предназначенной для людей.

— Если ты не возражаешь, дорогой гость, — сказал ему хозяин, — я предпочел бы иметь монеты вместо бумаги. В последнее время я получил много фальшивых денег и потерпел убытки. — И он показал Спарлингу монеты — грубую имитацию монет землян. Однако настоящие монеты за границами Примаверы почти не появлялись и иштарианцы предпочитали пользоваться монетами своей чеканки, грубыми, но тем не менее имеющим хождение в качестве денег.

— Черт бы побрал этих бродяг, — ворчал хозяин, — воруют, грабят. А что толку хватать их?

Тащить в суд? Они ничего не могут возместить. Заставлять отработать — бессмысленно. Телесные наказания тоже не могут ничему научить их. А суд не может приговорить к смерти, пока обвиняемый не предстанет перед ним трижды. Нужно просто грубо гнать этих бродяг.

Спарлинг знал все формы наказания, существующие в Иштаре, и в душе соглашался с хозяином.

Он полез в карман и достал несколько монет… Вполне достаточно, чтобы оплатить гостиницу. Хозяин сунул их в карман.

Он понимал, что человек не будет его обманывать.

— Я пойду в город, осмотрюсь, — сказал человек. — Здесь все так изменилось с тех пор, как я здесь был.

Ему требовалось пройти в город для переговоров с местными лидерами. Обычно в Сехале не было никого из них, за исключением того времени, когда собиралась Ассамблея. Это была не столица, и даже не город. Просто обширная территория, где были сосредоточены некоторые учреждения, и, значит, место, удобное для официальных встреч.

Оба солнца были уже за горизонтом, и с реки

дул прохладный ветер. Хотя ему и не улыбалась прогулка по пустынным улицам длиной в несколько километров, Спарлингу все же хотелось посмотреть, как здесь обстоят дела. Люди бывали здесь довольно часто, но они не обращали внимания на то, что их не интересовало в данный момент. То, чем занимались люди, приходившие сюда по делу, требовало всего их внимания, будь то разбор старых хроник или беседы со старыми шкиперами о дальних неизведанных странах.

Однако…

Гостиница находилась возле гавани. Это было типичное здание, где обычно останавливались люди. Она была окружена небольшим садом, а перед ним находился пруд. Первые четыре этажа были сделаны из камня, остальные восемь — из дерева феникс.

Каждая комната имела балкон.

Хорошая архитектура, подумал Спарлинг. Удобное здание.

Деревянные стены защищали от жары. Все балконы были снабжены козырьками для защиты от смертоносного излучения. Этому зданию было больше тысячи лет. Одну катастрофу оно уже пережило, переживет и следующую.

Дорога вела к реке, где густо теснились склады,

стояли лодки, пришедшие из Ливаса, большого морского порта. Шум, крики это был настоящий порт, хотя, конечно, и не сравнимый с Гаванной.

Но это был центр цивилизации, надежда расы, которая в будущем займет свое место в Галактике. Если бы только устранить это красное проклятье.

Он пошел к югу. Сначала дорога шла среди полей. Он знал, что здесь, в отличие от Земли, города кормили сами себя, развивая сельское хозяйство. Так что все эти поля являются собственностью Сехалы.

Спарлинг продолжал путь. Вокруг него уже были дома. Здесь не было городской стены, как в Порт Руа или в Тархане. Войны здесь не было уже много лет. И сейчас считали, что защиту вполне обеспечит легион. В случае поражения сехальцы предпочитали рассеяться по стране, чем оказаться запертыми внутри стен. Тем более, что основные богатства жителей были сосредоточены на их ранчо.

Город строили без плана. Каждый возводил свой дом, как хотел. Дома стояли на большом расстоянии друг от друга, разделенные полями, рощицами. Многие кварталы были просто затянуты тентами, владельцы которых просто

не хотели утруждать себя строительством. Все здания были большими, и не удивительно, если принять во внимание размеры их обитателей. Архитектура была самой разнообразной, от строго функциональной, до причудливо нарядной.

Система канализации в городе была небольшой проблемой для иштарианцев, так как их организмы не выделяли мочи, а твердых выделений было совсем мало. Поэтому в городе пахло только дымом, растениями, острым мужским и сладким женским потом.

Кентавры, встречавшиеся Спарлингу, почтительно приветствовали его, вне зависимости от того, были ли они знакомы.

Однако никто не останавливал его поболтать. Здесь считалось дурным тоном останавливать того, кто спешит по делу. Народа в городе было меньше, чем обычно.

Он узнал причину этого, когда проходил мимо башни Книг.

— Ян! — услышал он.

Окликнул его Ларекка. Он хлопали друг друга по плечам и каждый читал на лице другого тревогу.

— Что-нибудь случилось? — спросил Спарлинг.

Хвост Ларекки хлопнул по коленям.

— Много всего, — ответил он. — И здесь и в Валленене. Я не знаю, где хуже. Пришло сообщение из Порт Руа. Отряд, отправившийся освободить Тархану, уничтожен по дороге. Сам Волуа — ты помнишь, Волуа, мой помощник, он убит. Варвары требуют выкупа за пленников, но не золотом. Они хотят оружие. Это означает, что они будут продолжать войну.

Спарлинг присвистнул.

— Поэтому Сваззи снова собирает Ассамблею сегодня утром, - продолжал Ларекка. — Скоро я откажусь выслушивать пустые речи и уеду.

Так вот почему так мало народу на улицах, подумал Спарлинг.

Все на аудиенции. Ассамблеи собираются крайне редко. И почему я попал сюда именно в этот момент? Ведь я же сначала хотел подготовить почву, осторожно сообщить им наше решение…

Он услышал свой голос:

— Ты пришел сюда, чтобы потребовать подкрепление из Валленена?

— Да, — ответил Ларекка. — Большинство членов Ассамблеи требуют немедленной эвакуации. Они хотят отдать весь континент без боя. А что у тебя, Ян?

Спарлинг рассказал ему все. Ларекка долго стоял молча. Его шрам над бровью побагровел.

— Ну что же, нанеси им этот жестокий удар. Прямо сейчас.

Может, хоть это приведет их в чувство.

— Или лишит чувств, — пробормотал Ян. Однако выхода или выбора у него не было и он пошел с Ларекком.

Ассамблея собиралась в мраморном здании, своими колоннами напоминавшем Парфенон. И это несмотря на бесконечные различия, начиная от круговой архитектуры и кончая абстрактными фризами.

Окна, в которых виднелись головы зрителей, проливали свет на мраморный пол, где стояли члены Ассамблеи. Посередине были возвышения для спикера и ораторов.

Здесь собирались представители самых различных общин.

Каждое сообщество, входящее в Газеринг, прислало своего представителя. А иштарианцы в этом отношении были изобретательнее землян. Племена, кланы, монархии, теократия, аристократия, республики, коммуны — здесь было представлено все.

Последний раз Ассамблея собиралась десять

лет назад. И уже тогда на ней обсуждался вопрос: какие территории можно надеяться удержать с учетом помощи землян, форму которой еще нужно было определить. С тех произошли многие события: с многих территорий легион был вытеснен, усилились бури, возросло сопротивление варваров… Но потеря всего Валленена — это уже чересчур.

Когда Спарлинг вместе с Лареккой вошел в зал, он увидел, что спикером был избран Джерасса. Он хорошо его знал: местный житель, избранный спикером за свою разумность, выдержанность. Он провел много времени в Примавере, имел друзей среди людей, многому научился от них. В жизни он был ученым, смотрителем Башни Книг. Но от книжного червя в нем ничего не было. Более того, он был даже щеголем. В своей гриве он развел флуоресцирующие растения и теперь над его головой как будто светился нимб.

— …Я согласен с тем, что в продолжении прошлых циклов мы были обязаны сохранять территорию Валленена. Но согласно заявлению Ларекки, теперь среди варваров появился вождь, объединяющий их силы. И цели его идут гораздо дальше, чем просто грабежи. Поэтому я считаю, что нам нужны силы, чтобы наглухо закрыть

ворота для эмигрантов, этого требует цель, наша великая цель — спасение цивилизации.

К тому же сейчас ситуация иная. У нас есть союзники. Раньше мы надеялись только на легионы и на склады провизии. Теперь же с помощью людей мы сможем выжить на гораздо больших территориях.

К сожалению, помощь землян очень ограничена. Они объяснили нам, что не смогут получить поддержку с Земли. Кроме того, их очень мало. И все же даже один вооруженный самолет землян для нас более ценен, чем целый легион.

И я считаю, что нет смысла пытаться сохранить Валленен. Мы всегда сможем вернуть его. И что мы теряем? Различные предметы роскоши, без которых мы и так сможем прожить. А, кроме того, я уверен, что валененцы откажутся торговать с нами в свете последних событий.

Я уверен, что у нас много работы дома. Роль легионов теперь должна быть более гражданской, чем военной, больше инженерной и строительной. Я считаю, что нет смысла посылать второй легион на помощь Зера Ватрикс, но необходимо отозвать Зера. Он больше нужен здесь, чем там.

Джерасса увидел в дверях Ларекку и Спарлинга и закончил свою речь:

— Вы слышали мое мнение, а вот представитель людей. Если вы пожелаете, он выступит перед вами.

— Желаем, — послышались голоса. Джерасса спустился в возвышения, а Сваззи обратился к Спарлингу:

— Привет тебе, Ян Спарлинг. Ты хочешь выступить перед нами?

«Ужасно не хочу, — подумал Спарлинг. — Ты один из десятка существ во Вселенной, которому мне не хотелось бы причинять боль».

— Да, — сказал он и выступил вперед.

Он и Сваззи похлопали друг друга по плечам. Сваззи был стар, стар даже для иштарианца, а теперь, когда он услышит слова землянина, он еще больше постареет. Он смотрел на Спарлинга ясными глазами на морщинистом старом лице. Кожа его оставалась бархатисто-зеленой, грива — красной с золотыми прожилками.

— Ты в курсе того, что обсуждается теперь?

— Немного, — ответил Спарлинг, чтобы хоть немного выиграть время. — Будет лучше, если ты посвятишь меня в ваши проблемы.

И Сваззи стал излагать все события, которые вызвали собрание Ассамблеи. Хотя первоначальные функции спикера — быть в курсе всех событий

в Газеринге — уже не могла быть выполнена, так как территория его расширилась по сравнению с первоначальной во много раз, блестящая память Сваззи помогала ему видеть полную картину событий, благодаря чему, несмотря на свой преклонный возраст, он все еще оставался в должности спикера. Ему было уже триста лет, но никто до сих пор и не думал о его отставке.

Спарлинг слушал вполуха, составляя в уме свою речь. Его основной проблемой было не просто облечь жесткую правду в обтекаемые слова. Нет, он должен вынудить слушателей самим прийти к такому же решению, к какому пришли земляне. Но что это за решение? Что за действия? Это же не парламент. Единственная власть, которой обладала Ассамблея — это сила морального воздействия.

Я уже провел двадцать лет на Иштаре и сделался ксенологом, чтобы наиболее полно использовать знания инженера. Однако большую часть исследований я провел вдали отсюда. Я не играл никакой роли политика. Вся моя политика сконцентрировалась на Земле, где я старался выбивать фонды для проведения исследований. И я прекрасно понимаю, что Газеринг не империя, не федерация и даже не сообщество союзников.

О, разумеется, все члены Газеринга имеют общие цели. Но это и все, что связывает их. Что привело сюда людей, что привело сюда делегатов? Впрочем, люди даже не делегаты.

Цивилизация Южного Валленена во время последнего прихода Ану не погибла окончательно. Были построены склады, укрытия, хранилища книг и приборов, сформированы легионы. Выживанию способствовала и продолжительность жизни. Иштарианец в своей юности встречал цикл активности Ану, вопросительно воспринимал уроки тех, кто уже имел опыт встречи со Зловещим Солнцем, а когда наступал следующий цикл, он был стариком, способным передать свой опыт молодым.

Слаборазвитые области с удовольствием нанимали легион, который обеспечивал им не только защиту, но и выполнял гражданские функции. Легионеры обеспечивали торговлю и обмен информацией и новейшей техникой с другими областями. Центр этого обмена находился в Сехале.

Поэтому тут через определенные промежутки времени проводились встречи, переговоры, контакты, диспуты. Сехала была всеми признанным местом, где осуществлялись контакты между

разными кланами, сообществами группировками. Любое сообщение притягивало сюда лидеров сообществ и группировок. Причем количество делегатов вовсе не влияло на результаты голосования, так как каждый член или группа имели право на определенное количество голосов. И все же Ассамблея не была законодательным органом. Она могла только давать рекомендации, линию поведения.

Однако обычно этим рекомендациям следовали все. Ведь любая группировка предпочитала подчиняться требованию большинства, чем оказаться в изоляции. Воины легиона считали себя слугами цивилизации, однако не брали на себя функции политиков.

Таким образом, для разных его членов Газеринг был разным.

Даже название его в разных группировках звучало по-разному. Для одних это было вопросом политики, для других — хранителем чего-то важного, для третьих — и символом чужой культуры, обязательно высшей, но достаточно полезной, чтобы поддерживать с ней связь.

Для валененцев, архаичных, отсталых, Газеринг был чужой страной, которая посылала торговцев… но под сильной охраной, и кото-

рая благодаря своим крепостям, гарнизонам, кораблям, не допускала разбойничьих набегов на чужие земли, и которая, пока она сильна, не допустит захвата своих земель, удаленных от воздействия Жестокой Звезды…

— Теперь ты понимаешь обстановку, — продолжал Сваззи, - разумеется, никто не может заставить легион Зера вернуться домой.

Более того, те, кто имеют владения в Валленене, предпочли бы оставить его там. Решение остается за нами. Однако большая часть делегатов чувствует необходимость возвращения легиона. Правда, прежде чем принять решение по этому поводу, мы должны узнать, какую военную помощь могут оказать нам люди. Не мог бы представитель Примаверы проинформировать нас по этому поводу?

— Я должен, — хрипло сказал Спарлинг Он предпочел бы сейчас стоять в земном зале, где мог бы спрятаться от этих глаз. Сейчас же он повернулся — как принято к спикеру и заговорил:

— Я уверен, что большинство из вас поймет то горе, которое испытываю я, сообщая вам неприятные вести. Совсем недавно мы узнали, что на грядущие годы наши руки будут связаны, и мы не сможем оказать вам никакой помощи. Никакой.

Я даже не знаю, когда мы сможем продолжить работы по сооружению дамб для защиты от торнадо, по созданию синтетической пищи, убежищ для тех, кто прибудет из пораженных Злым Солнцем мест. Мы даже не сможем предоставить вам самолеты для эвакуации пострадавших. И не дадим вам никакого оружия. Самое большое, что мы можем сделать, это помогать советами. Однако мы не покинем вас. Примавера останется.

Для сотен из нас Примавера — наш дом, а вы — наш народ. Вы, несомненно, знаете причину. Вы знаете, что происходит в космосе, вы знаете о конфликте между Землей и другой планетой. Поэтому Земля должна сосредоточить в единый кулак все свои силы и ресурсы.

Но у меня есть новость более худшая. Земля решила создать свою базу на вашей планете. Однако вам об этом беспокоиться нечего. Мы достаточно далеки от театра военных действий и мы попытаемся убедить Землю, что база тут не нужна.

Если это удастся сделать, то некоторые работы для вас будут продолжены. Например дамбы будут сооружены в срок. Однако, если война продлиться долго, в обозримом будущем мы не получим с Земли никаких материалов. А если

нам не удастся предотвратить строительство базы, то помощи вам мы оказать не сможем. О, разумеется, наше личное оружие и машины останутся в нашем распоряжении и мы сможем предоставить их вам. Но конечно же, этого недостаточно, чтобы вы смогли сдержать варваров.

Я не знаю, сколько времени это продлиться. Возможно, все окончится довольно быстро, и мы продолжим наше сотрудничество. Но будет лучше, если мы будем ожидать худшего и готовиться к нему.

Спарлинг замолчал. Вся эта риторика годится для людей. Как подействовало мое сообщение на иштарианцев? Боюсь, что мне не удастся смягчить удар.

В ужасной тишине Сваззи снова взял слово.

— Мы должны снова вернуться к обсуждению наших проблем. Без сомнения, Ассамблея продлиться дольше, чем мы предполагали. В обсуждении примут участие и наши друзья — люди. — Он повернулся к Спарлингу. — Ты прибыл вместе с Ларекком. Каково твое мнение относительно нашего пребывания в Валленене?

Спарлинг был захвачен врасплох.

— Я… не… воин… Я не знаю… Вряд ли я компетентен.

Послышался голос Джерассы:

— Спикер прав. В свете новых сообщений мы должны обсудить все более тщательно. И разве не удвоилась необходимость вернуть все наши силы в Валленен?

Послышались крики протеста. В Этом гаме Спарлинг уловил, что большинство требует, чтобы цивилизация оставила все территории к северу от экватора и вывела оттуда свои войска.

Сваззи прекратил весь этот шум, пригласив на помост Ларекку.

Когда наступила тишина, командир легиона заговорил ровным, бесстрастным голосом:

— Я уже пытался объяснить вам то, что вы не хотели понимать. Сохранение Валленена — это не вопрос защиты коммерческих интересов. Это вопрос защиты всей цивилизации. Я знаю это как воин, который много лет охранял границы цивилизации, испытавший все опасности, которые подстерегали меня там.

Если мы оставим Валленен, враги могут собрать все свои силы и ударить по всему фронту. Вскоре мы потеряем все острова в Эхуре и Море Файери. Корабли противника достигнут берегов северного Валленена и на материк хлынут целые орды варваров. Может, нам удастся сдержать их

и сохранить половину континента, но все равно это будет концом Газеринга. Цивилизация погибнет везде, кроме Южного Веронена. Неужели вы не можете этого понять?

Но если мы останемся в Веронене и примем здесь бой, мы сможем сохранить здесь свои территории. Я как солдат считаю, что мы должны собрать все силы и послать их со мной в Валленен, чтобы нанести решительный удар по врагу. Голосуйте, если желаете, Зера останется в Валленене.

Глава 10

Джиль Конвей пела старую песню и пальцы ее бегали по грифу гитары. Затем она стала просто насвистывать мелодию. Трели глиссандо, аккорды плавали под звездами, касались нервов, пока все тело, казалось, не начинало трепетать в такт волшебным звукам, пришедшим сюда через бездну времени.

Ее взгляд бесцельно блуждал вокруг. Ночь была теплой, и Джиль откинулась на крышу своего коттеджа. Она сидела под открытым небом вместе с Юрием. Уличного освещения в Примавере не было, а от окон соседей их защищал забор. Единственным источником света в комнате был светящийся шар на столе, который соседствовал с бутылкой коньяка. Бутылку к обеду, который приготовила Джиль, принес Юрий. Над деревьями торжественно сияли звезды. Между ними быстро плыла Целестия. Но глаза Джиль смотрели дальше, в созвездие, где находилась Земля, где родились слова и мелодия той песни, которую она подарила гостю. На Земле родилась раса, к которой принадлежала и она сама, хотя вряд ли

и частица этой расы осталась в ней…

«Звезды, — думала она. — Мы можем исследовать объекты, находящиеся от нас в тысяче световых лет. Но что происходит с людьми, мы понять не можем… Какие они теперь… Световые годы… Свет…»

Свет блестел на траве, отражался от блестящих эмблем на одежде человека, и она знала это, от серебряного обруча, стягивающего ее волосы… Она закончила песню.

— Прекрасно! — воскликнул Джерин. — Никогда не слышал ничего подобного. Откуда эта песня?

— Думаю, из Америки. — Джиль опустила гитару и откинулась на спинку кресла, взяла стакан и сделала из него глоток. Этот бренди с Земли ударял ей в голову. Она предупредила себя, что не нужно слишком увлекаться. Однако не нужно и пренебрегать. Умеренность во всем, включая и саму умеренность.

Она вспомнила, как когда-то сказала эту фразу Яну Спарлингу, и тот ответил, что ее идея об умеренности понравилась бы Александру Великому.

Любит ли Ян меня? Мне бы очень хотелось знать, чтобы знать, как мне поступать…

Она продолжила, улыбнувшись:

— Странно, что ты прилетел в такую даль, чтобы услышать песню твоей планеты. Однако на Земле она давно забыта. А здесь мы сохраняем многое из старого. Может, мы поступаем не правильно?

Джерин покачал головой.

— Нет, Джиль, — поспешно сказал он.

Они уже во время обеда перешли на имена. Причем он с таким знанием дела похвалил ее искусство кулинарии, что она была уверена: он вполне искренен. И она была горда похвалой.

— Мелодия настолько оригинальна, что скорее всего местного происхождения, да?

— И да, и нет, — ответил она. — Я провела много времени на полевых работах в горах. На больших расстояниях местные жители общаются между собой с помощью пересвистывания. И на основе этого они создали целую музыкальную систему. Я попыталась приспособить ее к земной мелодии. И это было непросто, так как иштарианцы слышат мелодии в большем диапазоне, чем мы. Их музыка и танцы чересчур сложны с нашей точки зрения.

— Но ты превосходно исполнила песню!

— Да, это мое хобби. Тебе следовало бы послушать и другие мои песни. Некоторые даже

неприличные, — хихикнула она.

Джерин усмехнулся и наклонился к ней. Джиль надеялась, что он не воспринял ее слова, как намек. Чтобы сменить опасную тему, она пошутила и была вознаграждена смехом. Затем наступила тишина.

— Прекрасный вечер, — пробормотала она. — Нужно сполна насладиться им. Такие вечера бывают редко.

— Да, прекрасный, — ответил он. — В основном благодаря тебе.

Она бросила на него быстрый взгляд, но он сидел спокойно.

— Я действительно благодарен тебе за приглашение и за такое хорошее отношение ко мне. У нас здесь будет трудная работа, и почти все к тому же относятся к нам холодна и даже враждебно.

— По-моему, это не правда. На тебе та же форма, что и на брате. Эту войну развязал не ты, и тебе приходится просто выполнять свой долг, как и всем людям.

— Ты знаешь, я за войну. Не для завоевания, не для славы.

Просто это меньшее из зол. Если мы сохраним баланс сил на сегодня, нам придется воевать лет десять или двадцать.

— Ты уже говорил это… Я, Юрий… Ты нравишься мне как личность, но не хочешь понять, что я пытаюсь повлиять на тебя. Я хочу, чтобы ты помог Иштару. Ты говоришь о жертвах во имя высшего добра. А какова ценность миллионов живых мыслящих существ?

Существ, создавших свое общество, искусство, философию, существ, которые опередили нас в эволюционном развитии?

Его рука сжала ручку кресла.

— Я понимаю, что у вас здесь много друзей, которые пострадают, если вы не выполните свои программы. Но посмотрим на ситуацию беспристрастно, Джиль. Прости меня, но задай себе вопрос: каковы научные достижения в мире твоих друзей?

— Это не разговор! — воскликнула она. — Твоя дурацкая база…

Она замолчала, и Юрий поспешил вклиниться в ее речь:

— База — это мелочь. Она, конечно, нужна, но это мелочь.

Главное в том, что война без остатка поглотит все наши ресурсы.

Вы не сможете получать помощь с Земли. И эти жертвы приносятся во имя людей, которые могут

так же пострадать, как и иштарианцы.

— Не знаю, — она смотрела мимо него. — Неужели твоя высшая цель состоит в том, чтобы ограбить наксанцев? — Она поначалу говорила шепотом. — Не знаю. Единственное, что я знаю, это то, что мы теряем шанс продвинуться еще дальше в изучении молекулярной биологии.

Краешком глаза она увидела, что Юрий нахмурился.

— Хм. Я не уверен. Я уже слышал от тебя, что иштарианцы такие уникальные существа, но не знаю, насколько их достижения могут быть полезны для нас.

— К чему сейчас говорить об этом, если мы даже не пытались рассмотреть эти вопросы. Но я сейчас говорю только о биологии. Мы только начинаем понимать внеземную жизнь. Переворот, который свершается в биологии, сравним с эйнштейновским переворотом в физике. И Иштар, эта замечательная планета, может быть, единственная во Вселенной, где мы можем эффектно изучать внеземную жизнь.

— Но война ведь не повлияет на твои исследования, Джиль…

— Напротив. Для изучения Т-жизни мы должны иметь свободные доступ в Валленен. Мой дядюш-

ка Ларекка приезжал сюда просить у нас помощи, чтобы сохранить Валленен. — Она посмотрела на Юрия. - Как тебе это нравится, Джерин? Все наши будущие знания, может быть, даже тайна бессмертия человека находятся под защитой старых, измученных воинов-легионеров.

— Я не совсем понимаю тебя. Будь добра, объясни.

Ее охватило удивление. До сих пор он все понимал и не нуждался в ее пояснениях. Откуда же теперь такое невежество?

Он сидел, освещенный сиянием звезд, в правой руке стакан, в левой — сигарета. Добрый и сердечный, но с каким-то налетом таинственности. И... О, святой Дарвин! Как он красив! Сердце ее заколотилось.

«Нет, я не должна влюбляться! Хотя знаю, что это довольно просто. Но какая же из меня жена космолетчика? Или из него житель Примаверы?»

Она вспомнила тех мужчин, что были у нее раньше.

Разумеется, не мальчишек, друзей детства, с которыми она носилась на мотоциклах, выделывая головокружительные трюки. Теперь, оглядываясь назад, она понимала, что несмотря ни на что,

они боялись ее, так же, как и она их… Возможно, именно они подготовили ее именно к тому, что она совершенно неожиданно для самой себя отдалась Кимуре Сэндзо. Ей тогда было семнадцать. Два года она сопровождала его в экспедициях — и это было чудесно, божественно, греховно… Но это было бы не таким, если бы он с самого начала не предупредил ее, что будет вынужден вернуться к своей жене и маленькой дочурке, которая скучает без папы. И это тянулось два года… После него у нее было еще трое — но к каждому из них она не испытывала ничего, кроме дружеских чувств.

И эти связи были недолгими, потому что Примавера — небольшой городок, и она не хотела, чтобы люди, к которым она хорошо относилась, перессорились между собой…

Ян… Она вообще не была уверена, что любит его, и к тому же Рода…

"Джиллиан Ева Конвей, — сказала она в мыслях голосом Ларекки. — Опусти свой хвост. Ты помнишь, что этот человек — враг!

Возможно, он симпатичен тебе, но для тебя это не более, чем объект игры, которого ты должна подчинить себе".

Какие сексуальные видения мелькнули в ее мозгу? Она хихикнула.

— В чем дело? — спросил Джерин.

— Ничего. Просто задумалась, — быстро ответила она.

Он с любопытством посмотрел на нее.

— Мне хотелось бы знать, что же это такое — Т-связь?

— О, да, — она расслабилась и выпила глоток коньяка. — Это сокращение для выражения: «Жизнь, возникшая на Таммузе». Для того, чтобы отличить ее от орто-иштарианской жизни, которая возникла на Иштаре... Ты знаешь, что в системе Ану есть планеты, подобные Земле. И на одной из них возникла разумная жизнь. Это было миллионы лет назад. Когда Ану стал раздуваться, таммузианцы решили переселиться на Иштар и основать здесь колонию.

Разумеется, это только наши предположения.

Джерин поднял брови.

— Предположения? Я думал, это доказано.

Джиль покачала головой.

— Какие могут быть доказательства через миллион лет? Я могу показать тебе доклады археологов, работающих на Таммузе. Весьма интересно и несколько грустно. Во всяком случае есть основания предполагать, что таммузианцы создали средства для межпланетных перелетов

и пытались колонизировать Иштар. Разумеется, все они не смогли переселиться сюда. Вероятно, они хотели спасти лишь некоторых, чтобы жизнь могла возродиться снова.

— Насколько я знаю, — сказал Джерин, — они прибыли на Иштар, и обнаружили, что здешняя биохимия несовместима с их биохимией, стерилизовали один из островов и поселились там. Однако, по неизвестным причинам они все вымерли. И животные, и растения с Таммуза также погибли. Осталась только микроскопическая флора, приспособившаяся и со временем эволюционировавшая в многоклеточные формы жизни. Я правильно все понимаю?

— Да, эта терминология и теория весьма популярны, — ответила Джиль. — Она послужила основой для огромного количества плохих стихов, песен, фантастики, пьес для любительского театра. Но это только голая теория. Вполне возможно, что споры таммузианской жизни были занесены сюда метеоритами. А может, они присылали сюда экспедиции, от которых и сохранились формы жизни, известные сейчас.

А может, они действительно собирались здесь жить, но вскоре открыли принцип Маха и улетели куда-то в другую Галактику. Может, они все

еще сосуществуют где-то, и их цивилизации на миллиарды лет опережают нашу. — Вся шутливость покинула ее. Она подняла голову к звездам и прошептала:

— Понимаешь? И археологам можно было бы и не перекапывать древнюю почву.

Он ответил, и Джиль почувствовала в его голосе благоговейный трепет:

— Великая идея… Даже слишком великая для нас.

Она продолжала деловым тоном:

— Да, теорий было очень много. Гораздо больше, чем фактов.

Во-первых, на Иштаре, с его вполне земной биохимией, существует Т-жизнь. Даже базирующаяся на водных соединениях протеина, но во многом чуждая ортожизни. Во-вторых, планета Таммуза мертва, но все говорит о том, что там когда-то существовала Т-жизнь. Втретьих, Т-жизнь Иштара сконцентрирована на Валленене, в северной его части. Это дает возможность предположить, что там когда-то был остров, заселенный колонистами и очищенный от местной жизни.

Но затем этот остров слился с другими островами и в результате этого образовался материк, который затем стал нам известен под названием

Валленен. Однако прямых доказательств этому мы не имеем. Это — терра инкогнита для нас.

— Все еще неизвестная, хотя человек появился на Иштаре сотни лет назад? — удивился он. И тут же сказал:

— Впрочем, я понимаю. Обзор с орбиты, посадки в случайных местах. До планомерного исследования дело еще не дошло. Перед нами еще много работы.

Джиль кивнула.

— Да. У нас множество проектов. А пока мы в основном работаем в зоне Южного Валленена. Только если Газеринг будет спасен и удержится, мы сможем продвинуться дальше на север.

И тут же с жаром добавила:

— Неужели ты не видишь, какую ценность представляет Иштар для Земли? Да, я знаю о планетах, где найдены аналоги Т-жизни. Но того, что мы имеем здесь, нет нигде! А уникальные интерзоны, где совмещаются Т-жизнь и орто-жизнь Иштара!

Джерин улыбнулся.

— Ты выиграла.

Она улыбнулась в ответ.

— Две разные экологии, неспособные эксплуатировать одна другую. Только из-за этого одного

нужно помочь Газерингу остаться в Валленене.

Джиль допила свой стакан и Джерин взял бутылку, чтобы наполнить его вновь.

— Своей лекцией я заслужила эту выпивку, — заметила Джиль.

— Да, ты говорила весьма интересно, — согласился он.

— Теперь твоя очередь. Расскажи, где ты бывал.

— Если ты потом споешь мне еще.

— Мы найдем песню, которая знакома нам обоим. Давай начинай, — она снова подняла лицо к небу. Целестия уже скрылась, и остальные звезды высветились еще ярче. — О, сколько на свете удивительного! Даже умирать не хочется!

— Почему ты никогда не была на Земле?

— Я считаю, что здесь интереснее. О, я знаю, что на Земле есть много интересного, но у нас здесь большая фоно и видеотека, записи, фильмы, фотографии…

— Самая лучшая голограмма не сможет заменить действительность, Джиль. Чего стоит один собор в Шартре! И ты со своим живым воображением нашла бы на Земле много интересного.

Послышался звонок, и Джиль поднялась.

— Извини, звонят.

«Кто бы мог быть в такой поздний час? — подумала она. — Кто нибудь из команды Юрия?»

Она вошла в комнату и включила флюопанель. Резкий свет ударил по ее глазам и нервам. Комната как бы выпрыгнула из темноты. На алом бархате стен, расшитом спиралями, были развешаны инструменты, оружие иштарианцев, а, кроме того, тут же висели рисунки и фотографии, которые она делала сама. В шкафу стояли ее любимые книги, кассеты с записями.

Снова послышался звонок, и она со вздохом села и включила экран.

На экране появилось лицо Яна Спарлинга. Он был угрюм, глубокие морщины перерезали его длинное лицо, глаза запали и казались зелено-голубыми. Его черные волосы были в беспорядке, а бритва не касалась щетины по крайней мере дня два-три.

Сердце Джиль отчаянно забилось.

— Привет, — автоматически сказала она. — Ты похож на яблоко из компота. Конечно, случилось что-то плохое?

— Я решил, что ты должна об этом знать. — Голос его был хриплым. — Ведь ты дружила с Лареккой.

Она ухватилась за край стола.

— О, с ним ничего не случилось, — поспешно сказал Ян. — Но…

Я звоню из Сехалы. Целых восемь дней мы совещались. Бесполезно.

Ассамблея проголосовала за то, чтобы оставить Валленен. Мы не можем убедить их, что такое решение несет еще больше опасности. Я поддержал Ларекку, хотя у меня нет опыта в этом вопросе. Я просто верю Ларекке. Но больше нас никто не поддержал. Ларекка уверен, что ни один легион не присоединится к нему. Все потеряно.

Джиль охватила ярость.

— Идиоты! Неужели они не понимают?

— Им непросто. Ведь сейчас у них и дома много проблем. Я думаю, что смогу договориться, чтобы нам разрешили совершать полеты над Газерингом. Но будет ли у нас самолет? — в его голосе было сомнение. — А твоя задача — заняться Лареккой. Он все воспринял очень тяжело. Ты можешь успокоить его, вдохнуть в него жизнь… — он смотрел на нее так, что было ясно — не один Ларекка нуждается в ее помощи.

Слезы подступили к ее горлу, но она с трудом сдержала их.

— Что ты собираешься предпринять?

— Он направился в Валленен. Ты сможешь

перехватить его на Якулен Ранч. Он остановится там, чтобы подготовиться к пути и попрощаться с друзьями.

— Я могу доставить его на самолете.

— Если наш уважаемый губернатор предоставить самолет нужного размера. Попроси его. Он наверняка поможет. Ларекка надеется, что сможет убедить легион подчиниться ему.

Джиль кивнула. Она знала, что командир легиона выбирается общим собранием офицеров. И он может быть смещен таким же голосованием.

— Ян, — почти взмолилась она. — Но зачем ему это нужно? К чему рисковать жизнями воинов?

— Он сказал, что должен поступить так. Он надеется, если дело пойдет совсем плохо, то Ларекка сумеет все же эвакуировать тех, кто останется в живых. Он хочет не просто испугать варваров.

Он хочет втянуть их в битву, выяснить их реальную силу и намерения. А когда это будет ясно, он получит подкрепления. - Спарлинг вздохнул. — Ну вот, теперь ты знаешь все. Я буду звонить Году.

— Ты позвонил мне первой! — воскликнула она. — Благодарю.

И он улыбнулся ей той улыбкой, которая всегда нравилась Джиль.

— Ты заслуживаешь этого. Я вернусь через пару дней. Мне нужно связать еще несколько оборванных концов. Приходи к нам. — Он попрощался, замолчал, затем экран погас.

Некоторое время она сидела перед экраном. Милый Ян, если бы он знал, как она восхищается им, исколесившим всю планету, готовясь к битве с красным гигантом. Иногда она думала, как бы сложилась ее жизнь на Земле на двадцать лет раньше.

Затем она тряхнула головой, вытерла глаза — ни к чему думать о несбыточном. У меня тьма дел. Только я не знаю, как их делать.

Она поднялась и вышла в сад. Свет из комнаты упал на Джерина, который при виде ее сразу встал. Лицо его стало тревожным.

— Плохие новости, Джиль?

Она кивнула. Юрий подошел к ней и, взяв за руки, заглянул в глаза.

— Могу я чем-то помочь?

Надежда колыхнулась в ней.

— Конечно. — Затем она коротко обрисовала ситуацию.

Его подвижное лицо превратилось в маску. — Мне жаль, - сказал он. — Я понимаю твое состояние. А что касается того, что мне прика-

зано, то я не могу подвергнуть сомнению его правильность. Мне запрещено даже в малой степени вмешиваться в дела планеты.

— Ты можешь обратиться к командованию, объяснить…

— Это будет бесполезно. И, следовательно, я не буду отрывать командование от дел.

— Хорошо. Поговорим об этом позже. А что касается настоящего момента, так Ларекка ищет быстрый способ передвижения.

Я слышала, что в твоем распоряжении есть достаточно большие лайнеры.

— Да, — сказал он. — Несколько штук есть. Ведь нам придется строить большие наземные сооружения.

— Ты не мог бы предоставить один из них на пару дней? — она говорила и чувствовала, как у нее перехватывает дыхание. — Ведь основная работа еще не начата.

— Боюсь, что мне придется отказать. Поверь, я сожалею об этом, но я не могу рисковать флайером. Метеорологические условия на планете сейчас непредсказуемы. Флайер может попасть в бурю и погибнуть.

Она вспыхнула.

— Если ты не доверяешь мне, то пусть флайер

поведет ктонибудь из твоих пилотов.

Голос его звучал мягко, но возражений не допускал.

— Этот полет грозит не только потерей флайера, но и может сорвать выполнение моей миссии. Нет, это же и вмешательство в дела планеты. Пусть небольшое, но оно создаст прецедент. Как я потом буду отказывать в следующих просьбах? Нет, я не смогу оправдаться перед командованием.

Ее охватила ярость.

— Значит, ты просто боишься выговора? Галочка в твоем личном деле! Задержка в получении следующего звания? Вон! Пошел вон!

Он был поражен.

— Но… Я не имел… Я не имел в виду…

— Пошел прочь, болван! Или я вышвырну тебя прочь, как…

Как вот это! — она схватила бутылку коньяка и швырнула ее вон.

Бутылка не разбилась, но из ее горлышка, как струйка крови, вылилась темная жидкость.

Губы его сжались, ноздри расширились. Он коротко поклонился.

— Прошу прощения, мисс Конвей. Благодарю за гостеприимство.

Доброй ночи.

Он пошел мерной походкой и вскоре исчез в темноте.

«Что я наделала? Может, так нельзя? Но я не могла иначе».

Она присела возле бутылки коньяка, из которой все капала темная жидкость, и заплакала.

Глава 11

Пока Ларекка вместе со своими спутниками приближался к Якулен Ранч, на них с запада надвигалась зловещая буря. Холодный ветер как плетьми сек усталые тела. Вдалеке одинокий пастух, затерявшийся со своим стадом на пустынной равнине, торопливо спешил в убежище. Одинокие деревья гнулись и трещали, задевая облака своими ветками. Мимо, совсем близко над землей летели черные птицы. Их хриплые крики были почти не слышны в вое ветра.

На западе, где виднелись багрово-черные утесы, уже разразилась ужасная гроза, и яркие молнии, рассекая иссиня-черное небо, вонзались в землю. До Ларекки доносились раскаты грома.

Один из его воинов, с острова Фосс, сказал:

— Если бы я дома увидел, как надвигается такая буря, я вытащил бы свою лодку на берег и покрепче привязал бы ее.

Ларекка едва расслышал его слова.

— Да, конечно, это не смерч, но все же мне хотелось бы сейчас иметь крышу над головой, - согласился он. — Давайте побыстрее. — И он

пустился вперед рысью.

На севере вдали уже виднелись скопления домов. Видимо, придется останавливаться здесь, если они не хотят, чтобы ураган застиг их в пути.

Первые капли дождя уже начали барабанить по их шкурам, когда они вошли во двор, большой квадрат, по границам которого стояли все строения — жилые помещения, магазины, больницы, пекарни, столовая, школа, библиотека — здесь было все, в чем нуждалось цивилизованное общество, и вполне достаточно, чтобы жить здесь обособленно и торговать с другими городами. Ларекка заметил на площади небольшой флайер.

— Значит, прилетел кто-то из людей. Интересно, кто бы это мог быть? — подумал он.

Ветер метался среди стен, поднимал пыль, трепал одежду, сек кожу. Ларекка, защищая глаза рукой, согнулся и вошел в холл.

Это было огромное здание в центре двора, сделанное из дикого камня, кирпича и дерева феникс с большим количеством окон, балконов, галерей. Стены все еще играли яркой мозаикой, хотя им было уже сто шестьдесят четыре года. Это было самое старое здание, и к нему по мере роста численности рода и его благосостояния пристраивались все новые и новые постройки.

Они воплощали в себе самые последние стили архитектуры, и все вместе они выглядели как олицетворение чего-то вечного и непоколебимого.

Видимо, Ларекку и его спутников заметили, так как перед ними тот час же открылись двери. В дверях их ждали слуги, тот час подхватившие их поклажу и начавшие насухо вытирать их полотенцами. При Ларекка оставил лишь свою гордость — меч из Хаэлена.

В главе своих легионеров он пошел по коридору в главный холл. Стены коридора были кирпичные, обтянутые темно-голубым нейлоном из Примаверы. Они вошли в зал. В четырех очагах металось пламя. На стенах висели горящие факелы, а между ними разные трофеи: древние щиты, знамена. В дальнем конце зала, в изменчивых тенях находилось укрытое святилище Его и Ее. Хотя лишь немногие из рода исповедовали эту религию: большинство были триадистами.

Но традиции требовали, чтобы это святилище оставалось в доме. В комнате стояли длинные столы, пол был застлан матрасами. Только кое-где стояли стулья для гостей-людей. В теплом воздухе чувствовался запах дыма и разгоряченных тел. Окна по обеим сторонам зала были закрыты,

чтобы сюда не проникал шум бури.

Здесь находилось примерно шестьдесят кентавров. Одни читали, другие болтали, третьи о чем-то размышляли, кое-кто тихонько напевал. Остальные кентавры, которых здесь было несколько сотен, сейчас занимались хозяйственными делами. Жена Ларекки Мерса вышла им навстречу. Это была крупная самка с большими серыми глазами, заостренным подбородком и округленным крупом. Возраст уже сказывался на ее стати: грудь и бедра стали уже несколько дряблыми, хотя раньше один взгляд на них приводил самцов в возбуждение. Хотя прошло уже двести пятьдесят лет, Ларекка и теперь переживал все это как чудо, что Мерса приняла его предложение и стала его женой. Правда, она дважды до этого отвергала его предложения, полагая, что такие предложения делает каждый легионер маломальски привлекательной самке.

Он поклялся, что вовсе не ищет богатую невесту, и что он не искатель состояния, что он даже хотел бы, чтобы Мерса была бедной.

Она раскрыла свои прекрасные глаза и прильнула к нему так, что их гривы переплелись.

— О чем ты? Я совсем не богатая.

— Твой род Якулен владеет одним из самых

богатых ранчо…

— Чепуха! — она облегченно рассмеялась. Ты забыл, что находишься не в Хаэлене. Ранчо — это все, что находится во владении рода. Земля, вода. И все члены ранчо работают сами на себя.

— Я забыл. Ты заставила меня забыть обо всем, кроме тебя Ларекка обнял ее. — На следующий год мы будем нести службу за морем. И когда я вернусь, клянусь Громовержцем, мы будем богаты.

Она отстранилась от него.

— Что за чепуха? Ты думаешь, что я останусь сидеть здесь одна? Нет, я поеду с тобой.

Это произошло очень давно, когда красное солнце еще только появилось на небе.

Сегодня Мерса прошептала, как она соскучилась по нему, по его горячему телу и добавила:

— Пожалуй, тебе придется задержаться здесь несколько побольше, чем ты предполагаешь.

— Что? О чем ты?

Но она не ответила и Ларекка решил, что все узнает в свое время. Он обменялся приветствиями с остальными, а затем прилег на матрас рядом с Мерсой и с трубкой в руках. Остальные окружили воинов Ларекки. Всем хотелось узнать новости из Сехалы, хотя Ларекка и имел связь с

домом с помощью радио.

Он и Мерса уже договорились обо всем. Когда Ларекка отбудет в Валленен, Мерса останется здесь. Это было уже не в первый раз.

Иногда она не могла сопровождать его из-за отсутствия транспорта, в другой раз — из-за детей, хотя она каждый раз протестовала.

— Кто из людей у нас в гостях? — спросил он.

— Джиль Конвей. Сейчас она ушла с Рафиком. Вероятно, они скоро вернутся.

— Хм-м, — Ларекка приказал себе успокоиться. Его младший сын выдержит и не такую бурю. Но Джиль?..

Они погибнут, несчастные всемогущие звездные скитальцы.

Если начинаешь заботиться о них, то оказываешься связан не с одним поколением, как это было у него с Конвеями. Но все же он был очень привязан к Джиль, которая обожала его еще с тех пор, когда даже не умела говорить и смешно ковыляла по двору к нему, когда он приезжал. Почему она до сих пор не родила маленькую девочку, которой он тоже стал бы дядюшкой?

Мерса хихикнула и погладила его по руке.

— Перестань волноваться. Твоя любимица уже достаточно взрослая и прекрасно знает, что надо

делать в такую погоду. - Затем она добавила:

Именно из-за нее тебе и придется задержаться здесь на несколько дней.

Ларекка затянулся дымом и стал ждать продолжения.

— Она узнала, что голосование было не в твою пользу и позвонила мне, когда ты выехал из Сехалы. Она очень хочет тебе помочь, но их новый босс не разрешил подвозить тебя на самолете.

Когда-нибудь ты будешь должен объяснить мне, почему это все люди должны слушаться его. Во всяком случае она поможет тебе консервированными продуктами. Тебе ведь нужно двигаться быстро, а для этого требуется силы. Ты должен питаться мясом. Она даст тебе порошок, который можно растворить в воде и… Ты понимаешь?

— Прекрасно! — воскликнул Ларекка и шлепнул жену по крупу. Не понимаю, почему это я не догадался об этом сам.

— Ты бы догадался, просто у тебя раньше не возникало в этом необходимости. Кроме того, твоя голова занята сейчас более важными делами.

Ларекка молча смотрел на Мерсу.

«Черт побери, — думал он, — вот это настоящая жена воина!» До того, как она появилась, он познал уже шестьдесят четыре самки, но сейчас они

для него не существовали. Все это были не более чем случайные связи. Мерса всегда довольно урчала, когда он рассказывал ей о своих любовных приключениях, подчеркивая, насколько Мерса лучше всех их.

— Джиль сказала, что для того, чтобы доставить сюда продукты, потребуется несколько дней. Тебе придется подождать, но ты ничего не теряешь, так как это время можно будет потом сэкономить в пути, ведь его не придется тратить на поиски пищи.

«И это время ты проведешь со мной. — Сказал ее взгляд».

Да, таких отношений люди никогда не поймут. За несколько столетий совместной жизни они стали как бы частью друг друга.

Сейчас им предстоит длительная разлука, и хотя они непременно будут держать связь по радио, бог знает, когда они смогут коснуться друг друга.

— Пусть лучше Джиль расскажет тебе все сама, — сказала Мерса. Она окинула взглядом собравшихся. — Ты не делаешь сейчас ничего плохого. А Якулену как раз сейчас нужна помощь доброй воли. И к тому же мы сейчас должны обсудить вопрос о Рафике, - продолжала Мерса. — Он хочет вступить в легион Иссек, так как досто-

верно известно, что район моря Файери может подвергнуться нападению, а кроме того, он считает, что тропические острова это настоящий рай, где по мягкой земле бродят симпатичные самки.

— Нет, — ответил Ларекка, — если я не смогу отговорить его, он должен понять, что сейчас самая нужная служба — здесь. Если мы сможем удержать Валленен, будет прекрасно, а если не сможем — то следом падут и все острова, и следующим будет Веронен.

— Поговори с ним. Докажи ему, что сейчас военачальник для него — это я, мать.

— Он не знает, что сейчас творится на островах. После появления Ровера, когда началась засуха, обрушились тайфуны, острова совсем не похожи на рай. Легионеры Иссека сейчас больше сражаются с голодом и болезнями, чем с варварами. Да и самки теперь не такие ласковые и доступные, как раньше. Им теперь больше приходится заботиться о том, чтобы выжить.

— Я пыталась растолковать ему все это, но он не желает расставаться со своим идеализмом. Он утверждает, что служить надо там, где требует этого его совесть, не взирая на риск.

— Тогда я скажу ему, что солдат, напрасно рискующий жизнью, должен покинуть легион.

Думаю, он послушает.

Возле входа послышался шум и показался силуэт Рафика.

Ларекка услышал голос Джиль:

— Мы хотели укрыться, но в такую грозу опасно прятаться среди деревьев, и тогда Рафик посадил меня на спину и мы…

Рафик устало подошел к ним и буквально свалился на матрас.

Вероятно, проскакать ему пришлось много. Мерса ласково погладила его по голове. Ее вид говорил о том, что она гордится своим сыном.

Подошла Джиль. Кожа ее была уже сухая, но волосы — еще мокрыми, и в них мелькали искорки отражаемого света. Она ехала на Рафике и поэтому нисколько не устала. Увидев Ларекку, она устремилась к нему:

— Сахарный дядюшка! Привет!

Он смотрел на нее, думая, о ее странной красоте. Еще когда она была девочкой, и они ходили купаться, она донимала его вопросами:

— Скажи мне честно, я кажусь тебе ужасной? Я знаю, что ты любишь меня, но кем я выгляжу для тебя? Существо с четырьмя конечностями, с вытянутым торсом и без крупа, без хвоста, совершенно голое, если не считать жалких пучков волос на

голове, под мышками и внизу живота, груди болтаются где-то вверху, а половые органы находятся спереди, открытые взорам всего мира…

— А как для тебя выгляжу я?

— О, ты прекрасен, как может быть прекрасен кот.

— О'кей, ты напоминаешь мне сара в полете… А сейчас заткнись и доставай еду…

Все это пронеслось в его мозгу, когда она шла к нему. Он смотрел на нее и жалел, что не может стать человеком, чтобы быть ее любовником, смотреть в эти странно бездонные глаза, ощущать вкус розовых припухлых губ, провести ладонями по этому белому телу, по мягким упругим грудям с темно-розовыми сосками, по плоскому животу до того самого сокровенного места, которое прикрыто от нескромных взоров мягким пушком… Его бросило в дрожь. Интересно, рождаются ли у нее такие же мысли в отношении иштарианцев? Вряд ли. Она слишком хрупкая. Одна мысль, что могучий член иштарианца может войти в нее, должна привести ее в ужас. Когда же она заведет себе любовника и начнет рожать детей?

Она упала перед ним на колени и бросилась к нему в объятия.

Ее пальцы ласкали его гриву.

Ларекка потребовал еще сидра. Джиль тоже любила сидр.

— Я принесла тебе килограмм бархатного табака, — сообщила она.

— Я слышал, ты обещала не только табак. Консервированную пищу… Я благодарен тебе.

— Ты уже слышал, что на транспорт наложен запрет? Вместо того, чтобы биться головой о стену от отчаяния, я взяла себя в руки и начала собирать для тебя оружие. Я покупала, выпрашивала, занимала и даже кое-что украла. Удалось собрать двадцать винтовок и пистолетов. Плюс несколько тысяч патронов к ним.

— Ты молодчина.

— Самое малое, что я смогла сделать, но подумаем о практических вещах. Тебе нужно собрать носильщиков, которые смогут доставить груз на северное побережье.

— Не могла бы ты доставить все это в Порт Руа на маленьком автомобиле?

— Хм. Слишком явно. Джерин может поинтересоваться, зачем это мисс Конвей понадобился автомобиль. Он может проверить груз и все конфисковать. Понимаешь?

И еще одно. Несколько тысяч патронов — это не так уж и много, если учесть, что твои воины

недостаточно искусные стрелки.

Тебе нужен инструктор, который в минимальное время обучит твоих воинов и истратит на это минимум патронов. Этот инструктор должен оставаться в строю и на время военных действий.

Он понял ее раньше, чем она кончила говорить.

— Ты имеешь в виду, что сама поедешь со мной?

Она кивнула, подтянула ноги к подбородку и обхватила колени руками. Мокрые пряди ее волос свешивались вниз, лаская ее груди.

— Именно это я и имею в виду, дядюшка.

Глава 12

Джерин вдруг обнаружил, что очень трудно найти подходящее место для строительства больших сооружений. Ему хотелось, чтобы это было недалеко от Примаверы и он нашел подходящее место в двухстах километрах к северу. Это была совершенно безжизненная каменная пустыня, где росли только какие-то колючие кусты, место, которое было непригодно даже для жизни иштарианцев. На Иштаре было много таких мест. Однако воду там можно было добывать из глубоких скважин, а окружающие долину горы послужили бы источником строительного материала.

Он был уверен, что клан Тоссеа, которому принадлежала пустыня, без колебаний продаст эту никчемную землю. Конечно, они могут заломить большую цену, но ему было отпущено много как золота, так и валюты Федерации. И он был просто ошарашен, когда руководители клана отказали ему.

Он сказал предводителю клана:

— Насколько я понимаю, земля принадлежит

не отдельным личностям, а представителям всего клана. На каком основании вы лишаете будущие, еще не родившиеся поколения моего золота?

— Зачем оно нам? Скоро придет Красное Солнце. Разве можно питаться красным золотом или прятаться под ним?

— Я могу заплатить деньгами моего народа.

— Зачем они нам, если сюда больше не прилетят торговые корабли с Земли?

В конце концов они сошлись на том, что в определенное время военные корабли доставят с Земли товары. Его командиры будут очень недовольны. Однако выхода у него не было. Если он не сможет получить землю здесь, то придется строить на другом месте, где с незапамятных времен живут дикие гоблины. А там пришлось бы не только захватывать землю силой, но и постоянно быть настороже, защищать ее. Затем он подписал очередное сообщение о том, что контракт должен быть соблюден и все его условия выполнены, в противном случае ему придется отказаться от выполнения своей миссии. Он долго размышлял, как бы сделать так, чтобы Джиль Конвей узнала о его решении.

Как только земля перешла в его собственность, он, не мешкая, высадил там своих людей и устро-

ил поселок. Затем он связался с Примаверой и попросил Яна Спарлинга приехать к нему.

Советы инженера будут весьма и весьма полезны здесь, на Иштаре, где тот провел столько лет.

Флайер Спарлинга приземлился на следующий день. На безоблачном небе пылали два солнца, обдавая жаром землю.

Окружающие холмы были серыми и какими-то нереальными. На площадке громоздились бараки, имеющие форму уродливых полуцилиндров.

Огромные машины, урча, как допотопные динозавры, расчищали участок. Джерин провел Спарлинга в свой оффис, помещение, оборудованное кондиционером.

— Кофе, чай? — спросил он, усаживаясь за стол. — Или вы предпочитаете сигару?

— Ничего, благодарю... — голос Спарлинга был холоден, как дыхание полюса. — Я надеюсь, что мне не придется задержаться здесь надолго?

— А я надеюсь, что вы задержитесь.

— С какой это стати?

— Я уже говорил вам об оплате консультанта. А кроме того, все ваши проекты заморожены и вам просто нечего делать. — Джерин изучал ледяное лицо Спарлинга. — Я не буду говорить о патриотизме.

Будем честными, вам не по душе моя миссия. Но чем скорее я выполню ее, тем скорее вы сможете вернуться к начатым работам и проектам. Разве это не достаточное основание для помощи мне?

Далее, только не поймите меня не правильно, я был бы рад, если бы Земля снова начала регулярно снабжать вас, а мои рекомендации будут весомее, если я сделаю порученное мне здесь дело быстро и хорошо.

Спарлинг в свою очередь изучал его.

— Ол райт, — согласился он. — Думаю, что вы порядочный человек. Конечно, в том смысле, как мы понимаем это слово, мы, испорченные земляне.

Джерин закурил сигару. Что же, это небольшой шаг вперед.

Особенно, если учесть, что инженер — близкий друг Джиль. Нужно попытаться получше узнать этих людей.

— Вы позволите личный вопрос?

Спарлинг улыбнулся.

— Валяйте. Хотя может случиться, что я не смогу ответить.

— Почему вы, живущие здесь так долго, имеете комплекс неполноценности в отношении иштарианцев?

Спарлинг был ошарашен.

— Откуда вы сделали такие заключения?

— Может, я не правильно выразился. Но я уже столько слышал об интеллектуальном и физическом превосходстве иштарианцев… И тем не менее у них до сих пор существуют войны.

— Не все войны так же бессмысленны, как наши. — Спарлинг помолчал. — Простите меня. Я не должен был говорить этого. Что же касается кажущейся воинственности иштарианцев, то не более чем механизм выживания. Насколько я знаю, иштарианцы воюют только по строго ограниченным практическим вопросам. Впрочем, это не совсем верно. Поводами могут быть и гордость, и месть, особенно это касается молодых. Но это чисто индивидуальные причины. Иштарианцы никогда не стремятся навязать кому-то свою идеологию. И во всяком случае — убийство — это всегда чрезвычайное происшествие. Крайняя мера.

— И все же у них существуют разные идеологии. Разные религии, не так ли?

— Да, но при этом они ни в коем разе не фанатики. — Спарлинг заговорил более дружеским тоном. — Я не верю, что среди иштарианцев есть религиозные фанатики.

— А те, кто поклоняется триаде? — Джерин еле заметно улыбнулся. — Как видите, я тоже кое-что читал. Как эта церковь вербует себе сторонников?

— Она не вербует, а убеждает, что в ее догмах есть больше смысла, чем в верованиях язычников. Это трудная и кропотливая работа. Но вы знаете, если бы я имел склонность к религии, я бы присоединился к этой церкви.

— Что? Вы шутите! Персонифицировать разом три солнца!

— Это не больше, чем символ. Можно, конечно, считать их богами, но можно, если предпочитаете, считать все это аллегорией, слепком реальности. — Спарлинг задумчиво посмотрел на дым, поднимающийся к потолку. — В мифологии, ее поэзии, ритуалах заложено много такого, что помогает нам лучше понимать действительность. Бел — солнце, даритель жизни, но он может быть одновременно и жестоким. Еа — Тлеющая Звезда — олицетворяет злые силы природы, зиму, смерть, но и в ней иштарианцы нуждаются. Ану — Ровер, приносит в мир смерть, хаос, но и шанс обновления мира.

Да, религия иштарианцев гораздо ближе мне, чем наша христианская религия, в которой бог

един в трех лицах, и в которой его называют милосердным, хотя он и обрушивает на головы своих детей ужасные бедствия, болезни, голод, смерть…

Джерин, который причислял себя к христианам, не мог ничего большего, как спросить:

— Кто-нибудь из землян принял их религию?

— Нет, конечно. И я уверен, что этого не случится. Мне кажется, что мы, земляне, даже наполовину не можем понять глубины этой религии. Достаточно вспомнить о снах…

— Снах? — Джерин нахмурился. — Это что-то вроде целительных снов первобытных людей?

— Ничего подобного. Разве вы не слышали об этом? Впрочем, вряд ли. В отчетах о планете Иштар этого не пишут — настолько это деликатный предмет. Иштарианцы спят как мы и по той же причине мозг должен иметь отдых. Но мозг иштарианцев не отключается полностью, как и наш мозг. Иштарианцы в какой-то степени могут управлять своими снами.

— У меня и самого это бывает, когда я мало сплю.

— Да, но для землян это явление — редкое. А для иштарианцев — норма. Любой иштарианец может видеть во сне, что он пожелает сам. Сон

составляет существенную часть эмоциональной жизни иштарианцев. Разумеется, и в этой области есть свои таланты, достигшие в области видения снов высот искусства. Есть даже профессионалы, которые передают свои сны другим. — Спарлинг вздохнул. — Увы, мы никогда не испытаем ничего подобного. Я никогда не могу общаться с Триадой во сне, и потому для меня их религия останется не больше чем философской концепцией, а не частью жизни.

Джерин глубоко затянулся.

— Да, — медленно сказал он. — Я понимаю, что иштарианцы обладают свойствами, которые могут произвести впечатление. Но я все же не пойму, по каким причинам мы можем считать себя ниже их?

— Никто и не считает так, — заметил Спарлинг. — Более того, во многом мы превосходим их. Например, они совершенно неспособны понять трехмерную геометрию. Ужасно боятся летать, хотя и знают, что наши самолеты абсолютно надежны. Вот, вы ошибаетесь, что нам свойственен комплекс неполноценности. Просто мы считаем их своими большими друзьями, от которых можно научиться очень многому, если земная политика при этом не будет на нас давить.

— Можете ли вы поверить, что я тоже был достаточно близок к негуманоидам? — осторожно спросил Джерин.

Спарлинг кивнул.

Джерин подумал: "Кажется, он стал более лоялен ко мне.

Может, он отнесет оливковую ветвь мира к Джиль? Неужели я влюбился в нее? Или это просто ее шарм очаровал меня? Впрочем, не знаю. И никогда не узнаю, если не буду видеться с ней снова, и часто..."

— Не могли бы вы как-нибудь передать это мисс Джиль? Если будет возможность, конечно. Боюсь, что она рассердилась на меня за отказ в помощи ее друзьям-иштарианцам. Она даже не дала мне возможности объяснить ей причину моего отказа.

Спарлинг выпрямился.

— Я не могу этого сделать.

Железная рука сжала сердце Юрия.

— С ней что-то случилось?

— Дело не в этом. Она уехала с Ларекком на север. Они уже давно в пути.

— Как? К чему это безумие?

— Как ее остановить? Если она решила исследовать Валленен до того, как он будет окончательно

потерян для нас, кто может запретить ей это? Она собрала там немало материала. Теперь же она сообщила родителям, что у нее все нормально. Я попытался обратиться к ней, а потом обнаружить ее с Лареккой, но безрезультатно. Их отряд небольшой. Я пытался вызвать ее по радио, но она предусмотрительно выключила приемник, когда удалилась за пределы досягаемости наших радиостанций.

— Черт побери, почему она решилась на это?

— Потому что она — Джиль, и хочет помочь. Да, вы это называете вмешательством. Но она называет это исследованием, и вам придется потратить много времени, чтобы доказать обратное.

Она позвонит мне, когда доберется до Порт Руа. И будь я проклят, если я не найду повода поехать туда самому. А теперь начинайте свое дело. Разве вы мало причинили здесь вреда?

Глава 13

Джиль закончила древнюю шотландскую балладу, которую ей удалось переложить на язык Сехалы, так как многие иштарианцы не знали языка землян. Пальцы ее продолжали бегать по струнам и она насвистывала мотив, напоминающий свист моря при ветре. Она пела перед слушателями и параллельно размышляла, мог ли себе это представить сочинитель баллады, чьи кости давно превратились в пыль, а сама пыль находится в тысячах световых лет отсюда.

Отряд Ларекки стал лагерем на северном склоне Красных Холмов. Впереди их ждало судно легионеров. В этой тропической местности, где над головой все время сияли два солнца, можно было двигаться круглые сутки. Но по пути встречались леса, что резко замедляло их движение и заставляло останавливаться на отдых.

Слабый огонь костра освещал гривы, лица кентавров, которые внимательно слушали ее. Невдалеке среди теней виднелись часовые с копьями. Нужно было опасаться не только нападения варваров, но существовала и опасность

нападения диких зверей, которые вовсе были не прочь закусить кентаврами. Натянутые шкуры служили защитой от сильного ветра. Правда, сейчас было тихо, и по всему Джиль видела, что перемены погоды не предвидится. Темной стеной лес окружал поляну, воздух был напоен ароматом и теплом.

Джиль хотела расстелись свои вещи и ночевать на открытом воздухе.

Последние звуки музыки затихли. Некоторое время легионеры задумчиво лежали без звука, и только хвосты их покачивались, что означало на их языке «большое спасибо».

Наконец молодой воин спросил:

— А как поступают самки?

Вопрос отвлек Джиль от ее размышлений. Она поняла, что спрашивает воин. Его интересует вопрос жизни и смерти солнц и миров. Это тот самый вопрос, который интересует живых уже миллионы лет, и на который никогда невозможно дать исчерпывающий ответ.

— Самки человека в песне. Они страдают, да. А вообще?

— О, когда умирает любимый человек, женщины плачут, вода льется из их глаз, но потом все приходит в норму и они снова продолжают

жить.

— Кто же им помогает?

— У нас… Все происходит не так, как здесь. Но не думайте, что мы заботимся друг о друге меньше, чем вы. Просто у нас все это происходит несколько по-другому. А что касается этой баллады, то в ней влюбленные уверены, что найдут свое счастье и друг друга в потусторонней жизни.

— Совсем как варвары Валленена, — сказал воин. — Они так стремятся друг к другу, что даже съедают своих мертвых, если им предоставляется такая возможность.

Ларекка бросил быстрый взгляд на Джиль.

— Не презирай их за это, сынок, — сказал он. Голос иштарианцев имеет столько нюансов, что даже ласковым тоном можно выказывать презрение. — Отдав свое тело, ты служишь последнюю службу изголодавшейся стране. А те, кто ест своего друга, освобождают его душу и делают это быстрее, чем простое разложение плоти. В мире много непонятного, и кто скажет, какая из религий единственно верная.

— Да, сэр, — ответил воин, — я видел много разных религий и некоторые из них действительно были очень странные. Например, в одной общине на Литл Риен кентавры подвергают себя перед

смертью мучениям. Я сам видел, как одна старая самка сама сунула руку в кипяток.

— Среди людей тоже есть такой обычай в момент горя, - сказала Джиль. — Но не следует забывать, что наша плоть восстанавливается не так просто. Я думаю, что боль просто позволяет человеку быстрее овладеть собой: физическая боль вытесняет душевную. Но сама я никогда бы не решилась на самоистязание.

Ларекка достал трубку и начал ее набивать.

— Правильно то, что помогает, — сказал он. — И в мире не существует ничего одинакового. Пожалуй, самое лучшее в Газеринге то, что внутри него существует множество сообществ с разным жизненным укладом, и каждый может сравнить и выбрать тот уклад жизни, который ему больше по душе.

Джиль подумала: "Я понимаю тебя, дядюшка. Ты хочешь укрепить в юных сердцах верность. У них нет твоего опыта и они не видят перспектив цивилизации так ясно. Ты хочешь сделать так, чтобы каждый сознательно встал на защиту Газеринга и был готов умереть за него.

Она почувствовала, что была права, так как он продолжал:

— Послушайте меня. Если бы не Газеринг, я стал

бы бандитом, или влачил жалкое существование. А Газеринг сделал мою жизнь полнокровной… Целеустремленнее.

Все уши насторожились. Джиль почувствовала, что если бы ее уши могли шевелиться, они бы тоже повернулись в сторону Ларекки.

Ларекка рассказывал ей много историй о своей жизни, но никогда не говорил о своей молодости.

— Хотите послушать? — спросил он. — Сегодня у меня настроение для воспоминаний.

«Старый хитрюга, — подумала Джиль. — Если тебе действительно захотелось поделиться воспоминаниями, то лучшее время, чем это, действительно, трудно выбрать».

— Все это произошло так давно, что даже странно подумать, будто это происходило со мной.

Ларекка помолчал. Костер рассыпал искры. Звезды своими лучами, казалось, касались дыма, который длинными полосами поднимался им навстречу. Откуда-то из-за леса донесся звериный вой.

— Вы знаете, что родился я в Хаэлене, — начал Ларекка. — И свои первые пятьдесят лет провел там. Песня, которую пела Джиль, пробудила во мне воспоминания, потому что Хаэлен похож на

Шотландию, но только в Хаэлене холоднее. Там частые туманы, холодные ветры, морские волны бьются о скалистые берега…

Неудивительно, что в этой стране много мужественных людей, из которых рождаются прекрасные моряки, воины, рыбаки…

Клан Керази, к которому принадлежал и я, был очень богат.

Вы знаете, что хаэленцы живут кланами. Керази владели обширными охотничьими и рыболовными промыслами, большими участками земли на материке. Отцу принадлежал большой участок побережья, и у него была еще доля в трех других участках. Мы жили в большом доме на берегу, куда течением приносило много плавучего леса, так что в угле мы даже не нуждались. И мы могли тратить деньги на другие нужды. Да, мы жили хорошо.

Хаэленцы женятся рано, года в двадцать четыре, едва выйдя из юношеского возраста. Это обусловлено тем, что в таком суровом климате велика детская смертность, и хаэленцы должны использовать период деторождения насколько это возможно. Свадьбы устраиваются родителями, но при этом учитывается и мнение детей: ведь если приходится жить с кем-то всю жизнь,

партнер не должен быть тебе противен.

Ларекка долго молча курил. Когда он заговорил снова, взгляд его был устремлен в ночь, в далекое прошлое.

Саррон и я были счастливы. Мы могли бы попросить, чтобы нам построили дом поблизости от нашего, и тогда я мог бы работать вместе с отцом. Но мы хотели независимости. Поэтому Керази выделили нам участок в Нортвайд Вэй. Это был дикий участок, но в нем таились большие потенциальные возможности. Там была неплохая рыбная ловля, хотя и сопряженная с некоторой опасностью. В скором времени мы открыли на берегу для моряков, приходящих в гавань, небольшую таверну. Саррон прекрасно готовила, а я добывал пищу. И к этому времени у нас было уже четверо детей. Я относился к нашим богам довольно спокойно. Не приносил им жертв и не считал, что они единовластно правят Вселенной. Более того, я считал их выдумкой. Однако они не очень досаждали моей семье за это. Хотя почтение к богам, как я теперь считаю, вещь обязательная. Почему бы не выполнять освященные веками ритуалы?

Время шло своим чередом, и через двадцать три года мы переехали в Дэйстед.

Ларекка замолчал и Джиль ласково погладила его по спине. Он улыбнулся ей.

— Дэйстед, сэр? — переспросил один из воинов.

— Да. Это полуостров на северной оконечности Хаэлена. Там гораздо теплее и чаще бывает солнце. Мы поехали туда на лодке. Но по пути разразился ужасающий шторм. Сломало мачты, нас захлестнуло и бросило в бушующий прибой. Живым на берег удалось выбраться лишь мне одному. Я собрал то, что выбросило море, и отправился в Дэйстед, я основном затем, чтобы обо всем рассказать родным.

Он снова затянулся, глядя на костер. Тьма подступала все ближе, и хитрая Урания медленно поднималась над верхушками деревьев, окрашивая их в серебристый цвет — и этот цвет был единственным в этой ночи, что напоминало ему холод зим родного Хаэлена.

— Я рассказываю вам это, — продолжил он, — не для того, чтобы вы видели меня, а для того, чтобы показать ситуацию. Вспомните, у разных наций разные ситуации для того, чтобы утешить в горе товарища. У нас считалось, что потерявший близких не должен оставаться один. С ним днем и ночью должны находиться родные. И

так продолжается до тех пор, пока рана не залечивается. Для большинства это действительно трудно. Во всяком случае, это лучше, чем грустить одному в холодной пустынной стране. Но что касается меня… Последние двадцать четыре года я с семьей жил отдельно. Конечно, у меня бывали гости: рыбаки, моряки, охотники, шахтеры… Но это были просто знакомые, а не близкие друзья. Мы жили сами по себе. Так что я незаметно привык к тому, что живу наедине со своими мыслями и желаниями. А после того, что случилось, я вдруг понял, что с этого момента мне не позволят оставаться одному. И Джиль поймет меня: мне не по душе было навязчивое участие. Со мной вели себя так, как будто я потерял тех, кто жил со мной двести триста лет… И еще они ждали, что я начну возносит богам хвалу за мое личное спасение. Я отказался, и все мои родные были шокированы этим поступком. Ведь шла зима, и жизнь каждого висела на ниточке. А я бросил вызов богам, будто имел дело с простыми смертными. Нет смысла рассказывать дальше.

Вы уже понимаете, что конфликт между мной и кланом день ото дня углублялся.

«Они совершенно не считали, что Ларекка сошел с ума, - подумала Джиль. — Ведь иштари-

анцы не знают, что такое безумие».

— В конце концов я ушел, — продолжал Ларекка. — Зима уже шла к концу и я мог жить на природе. Питался я водорослями, которые собирал на берегу, и случайными мелкими животными. И все же судьба была благосклонна ко мне. Вскоре после моего ухода на Дэйстед обрушился свирепый ураган, и многие жители погибли.

Остальным тоже пришлось плохо, так как ветер унес все запасы топлива. После этого гнев сородичей уже напрямую обратился ко мне. Конечно, не все думали, будто это мое отношение к богам послужило причиной урагана, но все же... Я не порицаю их за суеверие, но вы, уроженцы земель с более теплым климатом, не знаете, как холод и мрак действуют на душу. В общем вы понимаете, как теперь все стали относиться ко мне. Мне не предложили другой жены. И мне не оставалось другого способа существования, как стать грабителем. И я уже всерьез рассматривал эту возможность.

Но оставался еще Газеринг. Весной оттуда приходили торговые корабли, привозившие товары в обмен на меха, минералы и прочее. К тому времени я был уже в весьма плохой форме, но меня

все же взяли в палубную команду.

И за следующие сорок восемь лет я исколесил полсвета. Я даже не представлял, как велик и прекрасен мир. Со временем я вступил в легион Зера и приобрел себе жену, которая до сих пор со мной. Газеринг дал мне все. Ребята, посмотрите вокруг себя. Кем бы вы были без цивилизации, без Газеринга? И какие бы шансы на приличную жизнь имели бы ваши дети?

Ларекка сложил передние ноги и устроился поудобнее.

Слушатели поняли это как знак, что он собирается больше рассказывать, и начали понемногу расходиться. Джиль опустилась возле него на колени, запустила пальцы в гриву. Его тепло, острый запах самца и табачного дыма, ощущение железа его мышц под гладкой кожей захватило ее.

— Дядюшка, ты никогда раньше не рассказывал об этом.

— Просто не представлялся случай, — ответил он и подумал:

«Что можно рассказать тебе о жизни, которая теперь уже в четыре раза превышает ту, что отпущена тебе?»

— Что ты скажешь на то, если мы немного по-

спим? Скоро взойдет Ану, копье ему в разбухший живот, а перед нами трудная дорога. Воин никогда не должен упускать возможности поспать.

— Да, сэр. Спокойной ночи. — Она тронула его шелковистую кожу. Кошачьи усы пощекотали ее.

Растянувшись на мешке, она закрыла глаза рукой. Интересно, какой сон он хочет увидеть сегодня ночью? И что приснится ей? Или кто? Если бы она могла выбирать сон, кого бы

Глава 14

Наступила середина лета. Истинное солнце шло по пятам за Красным, а Жестокая Звезда становилась все больше. Она уже приблизилась в своих размерах к своему сопернику. Валленен сжигала засуха, а Море Файери все сотрясалось от ужасающих штормов.

А Тассуи занимались грабежами. За последнюю октаву вожди кланов построили флот, чтобы безбоязненно грабить острова, с которых ушли легионы. Арнанак был слишком занят на берегу, чтобы сейчас заниматься еще и пиратством. Однако он тоже послал несколько кораблей, чтобы грабить города побережья и архипелага Эхур. Они отвлекали внимание и силы противника в том направлении, а он в это время готовил планы главной кампании на материке. В резерве его было достаточно сил, и близился момент, когда он полностью замкнет кольцо.

Ведь легион Зера занимал только Порт Руа. Легионы были повсеместно вытеснены с тех территорий, которые еще год назад казались вечными форпостами цивилизации. Объединенные

войска варваров уничтожали небольшие отряды легионеров, но сразу же скрывались, если против них выступали значительные силы.

Арнанак был недоволен, что Порт Руа еще держится. Пока Газеринг имеет свою базу на Валленене, он никогда не может быть спокоен за свои фланги и тылы. Нужно было решать эту проблему.

Хотя все пока говорило за то, что в Порт Руа не дадут подкреплений, но это могло измениться в любой момент. Пока этого не случилось, нужно блокировать Порт Руа с моря и начать непрерывный штурм с суши. И не один воин не должен уйти домой, чтобы потом выступить против его орд.

И он встал во главе флотилии, которую повел к Касти Айленду. Преодолев незначительное сопротивление, они захватили остров, разграбив и предав разрушению его каменные строения, которые были воздвигнуты здесь агентами Газеринга. Арнанак хотел, чтобы жители острова признали его законным правителем и предоставили в его распоряжение воинов. Кроме того, он лишний раз хотел проверить боеготовность своей армии и дать опыт молодым самцам.

Но по пути назад тайфун разметал его корабли.

И все же он был уверен, что корабли не погибнут, так как большинство воинов имели опыт плавания в плохую погоду. Но все же у него было только два судна, когда он заметил парус корабля, плывущего из Веронена.

— Поднять паруса!

Арнанак взглянул вокруг и взлетел на мостик. Могучие волны накатывались на корабль. Над головой неслись облака. Двойные лучи солнц прорывались через их завесу, чтобы еще больше усилить ощущение чего-то жуткого. Завывал холодный ветер. Волны окатывали уходящую из-под ног палубу.

Чужой корабль вдали казался не более чем точкой. За ним в небо вонзалась черная игла вулкана на Блэк Айленд. Из нее валил дым. Арнанак прямо туда навел подзорную трубу. Теперь сомнений не было: это был вражеский корабль.

— Транспорт из Газеринга в Порт Руа, — сказал он и предложил посмотреть в трубу Усаюку…

— Видимо, один. Идем наперерез.

Просигналь Лазуреру, чтобы шел вдогонку за нами.

— Я бы вам сказал, что это все же военный, а не торговый корабль, — осторожно сказал Усаюк. — На борту, вероятно, солдаты и баллиста, готовая

к стрельбе.

— Тем более стоит подойти поближе. НЕ бойся. Мы сумеем уйти в случае опасности.

Усаюк застыл.

— Я не говорил, что боюсь.

Арнанак улыбнулся.

— Я тоже. И все же должен признаться, что немного обеспокоен целью их плавания. Ведь если Газеринг решил закрепиться так далеко на севере от экватора… Нет, что пользы в одном корабле? Правда, возможно, конвой тоже расшвыряло штормом, как и нас… или на корабле везут то, что люди дали легиону для войны…

Арнанак прогнал эти мысли прочь. Что пользы беспокоиться понапрасну, если он не знает планов врагов. В священном танце Троих родилась его судьба. Могучие ритмы Истинного Солнца и Угольной звезды, хаос, который несет с собой разрушитель Ровер все это означает новый цикл возрождения.

Громкие команды разнеслись по палубе Лицера. Чтобы догнать корабль Газеринга, нужно было идти с максимальной скоростью. С треском развернулся парус главной мачты. Матросы разбежались по местам. Арнанак с одобрением наблюдал за их действиями. Оба корабля устре-

мились вперед.

Воины готовились к бою. Палубная команда приготовила абордажные крюки. На верхней палубе выстроились лучники. Все приготовились к штурму. Арнанак был в передовом отряде. На нем были только шлем и наплечники. Все доспехи он скинул, так как если бы он упал за борт, тяжесть металла моментально утащила бы его на дно.

Он стоял на краю палубы и смотрел вперед. Ветер трепал его гриву. Море пахло солью и дикой свободой. К нему подошел его сын Игани.

— Можно я буду первым? — попросил он.

— Нет, — ответил Арнанак, — эта привилегия — моя. Но ты можешь идти за мной.

Старые мысли промелькнули у него в голове: глупый обычай, что предводитель всегда должен быть в гуще схватки. Ведь так можно и не увидеть, как Тассуи станут могущественной цивилизованной расой.

— Впрочем, может мы и не будем нападать на них.

— Как? Значит, они присоединятся к тем, кто воюет с нашими братьями на суше?

— Вернее, они полезут в западню, которую мы для них приготовили. Мне нужно взглянуть на палубу, чтобы понять, насколько серьезны на-

мерения Сехалы сохранить Порт Руа. — Арнанак снова поднял подзорную трубу.

На вражеском корабле тоже готовились к бою. Правда, среди моряков он увидел всего лишь нескольких легионеров. Видимо, основные силы внизу и готовят ему какой-то неприятный сюрприз. Но вряд ли. Не могли же они заранее знать о встрече. Правда, сейчас, когда близится Время Огня, даже экипажи торговых судов уверенно учатся военному делу. И все же это не военный корабль. Скорее почтовый, либо доставляющие кого-то из правительства.

Может, стоит подплыть поближе? Корабль будет отчаянно сопротивляться. Несколько метких выстрелов из кормовой и бортовой баллисты — и оба его корабля уйдут на дно. Или же он сам будет убит, и тогда конец всего его дела, конец объединению всех варваров под одним знаменем. Но, с другой стороны, захватив корабль, он может узнать нечто, что может оказаться для него весьма важным…

А кто это идет по палубе? Две ноги, прямое туловище, завернутое в ткань, длинные пряди шелковистых волос, волнуемые ветром?

— Мы будем драться! — крикнул Арнанак.

Вокруг него раздались радостные крики и за-

звенело оружие.

Арнанак перегнулся через поручни к Усаюку, который принял на себя командование кораблем.

— Харк, среди них есть человек. Если мы возьмем его в плен, кто знает, что удастся выведать важного, какой получить выкуп, какую заключить с людьми сделку. Быстро нападаем и мгновенно уходим. Я сам поведу воинов. Но все, что нам нужно — это человек.

Как только он будет у нас — уходи. Просигналь Деверуру, чтобы он поддержал нас.

— Че-ло-век! — Усаюк беспокойно шевельнулся. Как и большинство Тассуи, он слышал о людях, но эти слухи граничили у него со слухами о колдовстве.

— Конечно, он может внести в наши ряды беспокойство, - признал Арнанак. — Но что может напугать воина? А Газеринг никогда не даст нам возможности прямого общения с этими инопланетянами. - Он поднял голову и заявил:

— А кроме того мои союзники — Даури!

Усаюк успокоился, но не совсем. Хотя и о Даури ходили зловещие слухи, они все же были гораздо ближе Тассуи, чем люди.

Солнце ярко осветило корабль Веронена. В

воздухе засвистели стрелы. Снаряд, выпущенный из баллисты, поднял фонтан воды неподалеку от корабля Арнанака. На обоих кораблях варваров гребцы изо всех сил налегали на весла. Они маневрировали, чтобы зажать корабль южан в тиски.

Арнанак видел, как человек торопливо раздавал своим воинам оружие — длинные металлические трубки. Солдаты тут же открыли огонь. Правда, стрелки они были неважные. Однако рядом с Арнанаком кто-то со стоном опустился на палубу. Смерть нашла его.

Но времени для страха уже не оставалось.

Весла били по воде. Корабли стремительно неслись вперед.

Арнанак стоял на абордажной платформе, которая уже нависала над палубой корабля противника. Он прыгнул вниз, парируя своим мечом удары врага.

Вероненцы кинулись на него. Арнанак, отбивая удары мечом и щитом, сам разил направо и налево. Раздавались крики, стоны, хрипы. На борт корабля южан прыгали все новые и новые Тассуи. Они врубались в гущу врагов, очищая пространство.

Арнанак поверх голов и шлемов видел челове-

ка. Он стоял позади сражавшихся, и в руках его было колдовское оружие, но он не пускал его в ход, так как в такой свалке можно было ненароком убить и своего.

— Вперед! — крикнул Арнанак и с победным криком Улу двинулся к человеку.

Воины бросились за ним. Их противник не ожидал концентрированной атаки в одном месте. Это было не в обычае варваров. Они обычно старались нападать со всех сторон. Отряд Арнанака продвигался вперед, сея вокруг себя смерть.

Игани обогнал отца и побежал впереди всех. Человек спокойно поднял палку и нажал на что-то. Из палки вылетело пламя и голова Игани развалилась на куски. Он упал на палубу и замер там в луже крови. Арнанак швырнул свой топор вперед. Но не для того, чтобы убить, а чтобы оглушить. Топор попал в грудную клетку человека, и тот согнулся пополам и медленно опустился на палубу. Его оружие покатилось по доскам. Арнанак одним прыжком подскочил к человеку, схватил его, и тут же легионеры накинулись на него.

Они окружили этот небольшой отряд варваров, прорвавшихся так далеко вперед. Однако варвары, отчаянно отбиваясь, отступали к борту, где

стоял их корабль. Человек пытался вырваться из объятий Арнанака, но тщетно. Вот вождь уже схватился за поручни.

Его правая рука махнула Усаюку. Тот отдал короткий приказ, и Дипер приблизился к кораблю южан, насколько это было возможно, так что его нижняя палуба оказалась под Арнанаком. Он моментально прыгнул. Гребцы Усаюка удерживали корабль на месте, пока остальные воины перебирались обратно на свой корабль.

Но перебрались далеко не все. Некоторые были окружены легионерами и теперь им оставалось либо погибнуть, либо отдаться на милость врагам. Многие были убиты, и среди них Игани, который еще так недавно был полон сил и энергии. Но Арнанак решительно пожертвовал сыном, лишь бы заполучить человека.

— Отходи! — крикнул он Усаюку.

Девурер тоже начал отходить от корабля южан. Он выполнил свою роль, отвлекая их, насколько можно, чем значительно помог осуществлению плана Арнанака. Оба корабля Тассуи быстро начали отходить. Ветер наполнил их паруса. У Вероненцев не было никакой возможности догнать их.

Человек вскочил и начал что-то кричать. Леги-

онеры, которые не смогли его защитить, теперь стояли у борта своего корабля.

Один из них бросился в каюту и вынес какой-то ящик. Корабли уже находились довольно далеко друг от друга, но легионер размахнулся, и с силой бросил ящик. Тот шлепнулся на палубу корабля Арнанака.

— Выбросите его за борт! — крикнул Усаюк.

Человек, видимо, плохо понимал язык Тассуи, но все же до него дошел смысл того, что сейчас произойдет.

— Нет! — крикнул он по-сехальски. — Иначе я умру!

— Стойте! — остановил своих воинов Арнанак, а затем посехальски обратился к человеку:

— Мы оставим твой ящик. Я хочу, чтобы ты жил. По крайней мере, пока…

Глава 15

Энсинь Дональд Конвей летел в Мундомар в составе большой группы военных. Корабль был старый, и он был забит до отказа. Все приходилось делать по очереди: и спать, и есть, и отправлять естественные надобности. Лежа на узкой койке, которую ему только что освободили, Дональд прислушивался к голосам товарищей. Он слышал, как те ссорились. И совсем не похоже было на то, что они летят выполнять благородную миссию. Помогать своим братьям, которым будто бы угрожают внеземные чудовища. Они летят, чтобы обеспечить безопасность человечества на этом участке космоса.

Разумеется, он не был чудаком: уроки дядюшки Ларекки не прошли для него даром. Но все же поначалу он ощущал себя кем-то вроде крестоносца. Но может, он все же ошибается, и Дональд не более чем пешка в чьей-то грязной игре?

Для быстрейшего времяпровождения они много играли в покер.

И здесь Дон всегда выигрывал. Покеру его научила Джиль. И он часто вспоминал ее, дом,

родителей, Алису, ее мужа, их детей. Ему очень не хватало их.

Чем ближе корабли подлетали к цели, тем сильнее нарастало напряжение. Наксанцы уже наверняка обнаружили их. И если решат напасть…

И они напали. Солдатам ничего не оставалось делать, как сидеть, скорчившись, в своих норах. Если им суждено погибнуть, они умрут, даже не поняв этого.

Долгие часы протекали в сложных маневрах, расчетах… Затем произошла яростная схватка… И враги ушли, очевидно решив, что цена за победу слишком высока. Люди начали оценивать свои потери.

Пострадал один рейнджер, которому взрывом порвало корпус скафандра. Вся команда была в скафандрах, но осколки повредили скафандры, и к тому же люди пострадали от излучения. Все раненые были распределены между оставшимися кораблями.

Солдаты на транспорте уступили свои спальные места и помогали раненым во время длительного путешествия, которое, к счастью, близилось к концу. Дон Конвей впервые увидел раненых людей и муки людей, подвергшихся радиаци-

онному излечению, у которых облезала кожа, выпадали волосы, и все это сопровождалось жуткими болями. Он уже неоднократно встречался со смертью, но то было нечто совершенно другое. Теперь он понял, почему целый год после гибели тети Элен Джиль мучили кошмары. Он даже считал, что именно поэтому Джиль так привязалась к Ларекке.

Но тетя Элен пала жертвой слепого случая. А эти люди, которые уже умерли, еще умрут, или останутся жалкими калеками? Во имя какой великой цели пострадали они?

Сначала его подразделение сосредоточилось вблизи Бартона, столицы Элеутерии, самого большого поселения людей на Элеутерии.

На планете велись незначительные военные действия. Фронт стабилизировался, столкновения были крайне редкими.

— Подождите немного, — предупредил солдат Элмо Салминен, - затишье обусловлено тем, что у обеих сторон кончились боеприпасы.

Но вскоре Земля и Накса доставят все необходимое, и все начнется сначала.

— А почему мы не можем блокировать планету? — спросил Конвей.

— Они тогда сделают то же самое, и начнется

война в космосе с применением самого мощного оружия. При этом может пострадать и планета. Но самое худшее состоит в том, что в открытую войну при этом будут втянуты и Накса, и Земля.

Конвею показалось, что он понял, что же здесь происходит. О чеякканцах ходили самые страшные слухи, которые, если разузнать поподробнее, оказывались либо преувеличением, либо вымыслом.

Официальная пропаганда не давала возможности узнать правду, так как постоянно подогревала шовинистические взгляды.

Конвей был рад, что добрался до места целым и теперь наконец может насладиться свободой. Однако проводить здесь свободное время было абсолютно негде. В Бартоне было несколько ночных клубов. Но для человека, прибывшего с Земли, они были слишком жалкими, скучными, либо переполненными. Гораздо интереснее было остаться на базе и смотреть телевизор. Власти попытались познакомить местных жителей и новоприбывших, устраивая танцы и званые вечера. Но Конвей чувствовал себя не в своей тарелке, бывая на таких мероприятиях. Да, конечно, это все хорошие, мужественные люди. Но насколько справедлива их война?

Одна девушка во время танцев спросила:

— Почему вас приехало так мало?

Другая девушка отклонила его предложение погулять, сказав, что она работает на военном производстве и у нее остается мало времени на отдых.

— Только не жалей меня, — сказала она. — Мы здесь на службе.

У нас другая жизнь. Вам нас не понять, так как вы всегда жили в богатстве и безопасности.

Когда он был в гостях, его хозяева крепко выпили, и хозяин горько сказал:

— Да, я уже потерял одного сына. Еще двое ждут своей очереди. Земля поставляет нам оружие, мы же поставляем на эту войну пушечное мясо. — Но он тут же возмутился, когда Конвей сказал, что это же справедливо в отношении Наксы и наксанцев.

Планета совершенно не понравилась Конвею. Хотя условия жизни на ней максимально приспособили для людей Земли, тем не менее здесь было невыносимо жарко, влажно, атмосфера была переполнена влагой. Ему не хватало здесь его родной планеты. Не хватало вида солнца, звезд. Естественно, элеутерианцы любили свою родину, но у него она подобных чувств не вызывала.

Наконец его подразделению было приказано отправиться на фронт. Военные действия возобновились.

Слово «фронт» не имело смысла на этой войне, которая заключалась в налетах землян на территорию чеякканцев и наоборот.

Эскадрон Конвея выступил на первое патрулирование. Когда он услышал в наушниках, что враги обнаружены, ему показалось, что все это нереально, что он видит сон, что такого не может быть, чтобы его, которого любили столько людей, могли убить. Тем временем он автоматически готовился к тому, чему его учили — к бою. Когда прибыли чеякканцы и разыгралось настоящее сражение, Конвей забыл все страхи.

Ему показалось, что все это похоже на игру в покер со ставками много выше тех, что он мог позволить себе проиграть…

Вражеские флайеры казались продолговатыми слезинками на фоне свинцового неба и тусклого моря. Однако его Шарк был лучше, а враги не имели даже той поспешной подготовки, которую получил он. Один из вражеских флайеров бросился на него в лобовую атаку.

Конвей смог увернуться от трассирующей очереди, вышел на бандита с хвоста, а автомати-

ка доделала остальное. На вражеском флайере вспыхнул огонь и он, описав широкую спираль, рухнул в море. Из-за сильных перегрузок Конвей почувствовал себя пьяным. Он наслаждался своей победой, пока ему не пришлось вступить в бой с другим флайером.

Этому флайеру удалось уйти от него, и он улетел на базу. С минимальными потерями эскадрон Конвея смог разгромить целую эскадрилью противника.

Минимальные потери… Самое неприятно, что в их число входил и Эйно Салминен, лучший друг Конвея, который перед самым отлетом женился… Конвей дважды хотел написать в Финляндию о гибели Эйно. Но так и не смог закончить письмо. Каждый раз, садясь за стол, он начинал думать, был ли тот пилот, которого он убил, женат?

«Конечно, я чувствую себя убийцей, — думал он. — Но убитым мог быть и я. Это же война. Я просто много думаю об этом».

Дождь барабанил по крыше барака, где разместились солдаты.

Внутри было жарко, душно и влажно. Люди столпились вокруг экрана телевизора.

В Бартон только что доставили свежие ленты с записями. Они смотрели последние новости.

Рождественские праздники на Земле, особенно пышные в этом году, когда заметно укрепилось влияние общества Универсальной Любви. Открытие почти целого скелета неандертальца в Северной Африке, открытие атомной станции в Лиме, острая выборная кампания в России, скандальный развод в королевской семье на Филиппинах, волнения в Нью-Йорке, показ королем мод из Гонконга новых моделей мод… В конце было объявлено о столкновениях землян и Накканцев в секторе Веги. Про Мундомар ни слова…

Майор Самуэль Мак Доуэлл, офицер связи, шевельнулся.

— Видели, за какое число новости? — спросил он. — Именно в этот день убили моего брата.

— Да? — сказал кто-то. — Очень жаль.

— И не его одного. Враги напали на селение из джунглей. Они перебили всех солдат. Пострадали и гражданские. Грязные террористы!

— То же самое можно сказать и о наших партизанских отрядах на Хатсаре, — не смог удержаться Конвей.

Мак Доуэлл бросил на него резкий взгляд.

— Ты за кого, Энсинь?

Несмотря на жару, у Дона вспыхнули уши.

— Я солдат, майор, — рявкнул он.

Он чуть не сказал майору старую пословицу о том, что дареному коню в зубы не смотрят, но сдержался. Если майор пожалуется капитану Якубовичу, то Конвея неминуемо вызовут на ковер. К тому же этот бедняга потерял брата, и он рассматривает эту войны только с точки зрения о том, как бы выжить.

— Я не хотел обидеть вас, сэр.

Мак Доул расслабился.

— О, я не фанатик, — примирительно сказал он. — Но подумай, вам, землянам, все это видится как бы со стороны. Неужели вы не замечаете, что мы истекаем кровью?

После нескольких коротких стычек и блестящих побед земляне начали властвовать в воздухе. Чеякканцы ничего не могли им противопоставить.

После этого было уже элементарно блокировать вражеское войско и перекрыть пути подвоза к нему боеприпасов. Дон собственноручно отправил на дно один корабль и одну подводную лодку. Но однажды случилось так, что ракета поразила и его флайер. Конвею удалось катапультироваться и он болтался в море до тех пор, пока его не подобрали спасатели.

Это позволило ему получить неделю отпуска

в Бартон.

Вежливый человек с Земли позвонил ему в отель, назначил встречу и угостил его обедом, которого здесь, на Мундомаре, Дон увидеть не ожидал. После долгих разговоров вокруг да около джентльмен приступил к делу.

— Я знаю, что бывал на побережье Юка. Об этом районе дьявольски трудно получить какую-либо информацию. Все чиновникиэлеутерианцы уклоняются от ответов. А ты — англичанин. Ты находишься под юрисдикцией Мировой Федерации. Подумай, кому ты служишь на самом деле. Вся Федерация очень хочет знать: оправданны ли слухи о наличии нефти на побережье Юка.

— Нефть? — Конвей удивился.

— Да. Я не ученый, мне трудно все объяснить. Мундомар имеет необычную эволюцию, которая началась уже тогда, когда вся система представляла собой не более чем пылевое облако. Нефть Мундомара содержит уникальные элементы, ценные для производства органических веществ, медицинских препаратов. Конечно, можно было бы производить их на Земле, но гораздо дешевле добывать их прямо из земли Мундомара. Кстати, не хочешь ли еще выпить? Вопрос в том, что когда на планету придет мир, в чьих руках окажутся

источники нефти. В дружеских руках или в руках этих монстров, которые сдерут с нас огромную цену. Если Земля точно будет знать мощность источников, она сможет более правильно формировать планы кампании и свою политику в отношении Мундомара. Я понимаю, ты не можешь иметь исчерпывающей информации, но каждый клочок знаний об этом для нас весьма и весьма ценен.

Конвей едва не ляпнул, что он рискует жизнью не для того, чтобы кто-то набивал себе карманы, но сдержался, притворился пьяным и ушел от конкретного разговора. Вскоре он действительно напился и провел ночь с очаровательнейшей девушкой, что стоило ему немалых денег.

О землянине он больше не думал. К тому же отпуск скоро закончился, и он вернулся в отряд.

Теперь он занимался тем, что летал над джунглями, поливал их напалмом и сжигал их. С земли его встречали только пули.

Опасности практически не было, но самое неприятное было в том, что этой работе, казалось, не будет конца.

— Они не уходят, эти проклятые ублюдки, — сказал пехотный капитан, когда Конвей приземлился в одной из деревень. Деревня представляла

собой руины. Люди давно не закапывали трупы наксанцев, так как они не угрожали инфекцией. Капитан плюнул на один из трупов.

— Они получают все больше и больше подкреплений с Наксы.

За забором находились пленники. Они не остались без медицинской помощи, но врачи землян не знали языка наксанцев, и к тому же у них было мало лекарств. Наксанцы сами оказывали помощь друг другу как могли.

— Вскоре пленников у нас будет еще больше, — сказал капитан. — Так что тебе предстоит большая работа, Энсинь.

Конвей поднялся высоко за облака, в стратосферу. Под ним сияла белая пелена облаков. Вокруг сверкала голубизна неба, и покачивали крыльями флайеры товарищей. Над ним были солнце и несколько ярких звезд. Но он видел только Иштар.

Он ощущал его запах, вкус, слышал его, впитывал всем своим существом. Когда он был маленьким, каким большим казался ему отец, какой прекрасной была его мать… А Джиль… А Алиса… Он не мог жить без них. Когда появился Ларекка, Конвей исходил ревностью, видя отношение Джиль к старому воину. А эти ночные

путешествия на лодке с отцом, когда они были в мире только вдвоем… Он вспоминал леса и моря, рассвет, который можно видеть с вершины Тендерзет Рейндж…

Щелчок в наушниках насторожил его. Что? Разве у противника есть флайеры?

Вот они! Скорость вражеских кораблей была пугающей. Таких он еще не встречал. Длинные, узкие, с дельтовидными крыльями и эмблемой в виде колеса. Эмблема самой Наксы! Самой Лиги! Опытные пилоты вместо необученных колонистов на сверхновых машинах!

Значит, Накса последовала примеру Земли и прислала сюда регулярные части.

— Берегите скальпы, мальчики, — сказал Командор, и обе эскадрильи начали сближаться.

Когда он пришел в себя, шел дождь. Со всех сторон обломки его флайера окружали джунгли. Он никак не мог вспомнить, что же конкретно произошло.

В основном он ощущал только боль. Кровь была везде. Левая нога его представляла кровавое месиво, из которого торчали ослепительно белые кости. Превозмогая боль он подумал, что, вероятно, сломал ребра, потому что вдыхать воздух было невыносимо трудно.

Дон включил радио. Ничего. Только шорох дождя, который поливал его. Где же пакет первой помощи?

Наконец он все же нащупал его и попытался приготовить распылитель с обезболивающим, чтобы снять боль, которая никак не давала сосредоточиться. Его трясущиеся пальцы несколько раз роняли препарат. Но в конце концов ему все же удалось сделать себе инъекцию, и он сразу же почувствовал тепловатое тупое безразличие ко всему. Он даже стал видеть окружающую обстановку.

— Смерть, уходи прочь, — лениво подумал он. — Ты здесь не нужна.

— Почему это? — спросила ласковая темнота.

— Потому что я занят, вот почему. Как ты этого не понимаешь?

— Хорошо, тогда я подожду, пока ты освободишься.

Глава 16

Теоретически Джерин уже мог прервать с Примаверой все связи. Но практически он и его люди нуждались в месте, где могли бы отдохнуть и расслабиться. Кроме того, электронные изображения на экране не могут на все время заменить нормальную жизнь.

Поэтому Джерин был вынужден часто наезжать в город как по делам, так и для отдыха. Здесь довольно часто он подвергался обработке людей, убеждающих его воздействовать на правительство, чтобы оно изменило свою политику в отношении Иштара.

После двухчасового обсуждения технических вопросов в кабинете Спарлинга последний откинулся в кресле и сказал:

— Сегодня Эниф, выдающийся создатель сновидений дает представление в Стеб Парке. Почему бы нам вместе не пообедать, а затем посмотреть представление?

— Вы очень добры, — удивленно ответил Джерин.

— Вы тоже оказались неплохим парнем. А

кроме того, чем ближе вы познакомитесь с культурой аборигенов, тем больше вам захочется ей помочь.

— Я уже попытался познакомиться с образчиками их культуры в вашем банке данных. Но для меня это слишком сложно.

— Хм-м. Просто вы еще не привыкли. Их музыка, танцы, драматические представления сложнее тех, что сумели создать люди.

Но для вас я могу комментировать выступление Энифа.

— Разве это не будет мешать остальным?

— Я возьму микропередатчик, а вы вставите в ухо микроприемник. Шепот не помешает никому. Шум ветра будет значительно громче. Я уверен, что сегодня Эниф использует даже ветер, чтобы полнее передавать свои ощущения.

Зазвонил телефон.

— Простите, — Спарлинг нажал кнопку. На экране появилось лицо Ханшоу.

— Плохие новости, Ян. Я решил, что ты, как ее друг, должен узнать обо всем сразу.

Трубка выпала изо рта Спарлинга. Он автоматически подхватил ее и положил в пепельницу.

— Из Порт Руа звонил Ларекка. Джиль Конвей захвачена варварами.

Джерин вскочил с кресла.

— Что вы сказали? — спросил он.

Спарлинг жестом приказал ему сесть.

— Подробности, пожалуйста, — сказал он.

— Ларекка нанял корабль в Калене на побережье Далаг.

Комендант для сопровождения смог дать им только горстку солдат, заявив, что ему нужен каждый меч для обороны северного Веронена.

Но случилось так, что две пиратские галеры, возвращающиеся с набега на острова, напали на корабль. Однако нападающие сразу отступили, как только захватили в плен Джиль. Ларекка уверен, что нападение было совершено с единственной целью — захватить в плен человека. Это дает нам надежду. Если они захватили ее как заложницу, чтобы заключить выгодную сделку или получить выкуп, они не повредят ей. Ларекка не мог преследовать галеры, так как его корабль значительно уступал в скорости пиратским. Это случилось три дня назад.

К горлу Спарлинга подступила тошнота.

— Что значит: не повредят ей? — рявкнул он. Иштарианская пища…

— Ларекка стар и умен. Как только он понял, что случилось, он успел перебросить ей ее сундучок.

Спарлинг опустился в кресло.

— О, боже, если бы ты существовал, я бы поблагодарил тебя.

И тут же он подумал о том, что она среди дикарей одна. Она не сможет вынести такую жизнь. И кто знает, что может взбрести в их дикие головы?

Силы вернулись к нему.

— Я поеду туда, — сказал он. — Постараюсь взять самый быстрый флайер. Я позвоню оттуда.

— Хорошо. — Лицо Ханшоу исчезло с экрана. Спарлинг повернулся к Джерину. Загорелое лицо офицера превратилось в маску, на которой были только огромные глаза.

— Ты слышал? — спросил Спарлинг. — Что ты предлагаешь?

Джерин с трудом пошевелил губами:

— Что предлагаешь ты?

— Не беспокойся, ничего особенного. Попытаюсь ее выторговать. Но если они не поспешат вступить с нами в контакт или потребуют невозможного, мы покажем им, что для их же блага будет разумнее вернуть ее нам целой и невредимой.

— Ты будешь угрожать?

— А что остается делать? Они уважают только

один аргумент силу. Когда мы начнем топить их корабли, уничтожать банды, опустошать жилища, они поймут, что для них выгоднее. А если Джиль погибнет…

— Наказание с неба, — Джерин медленно кивнул. — И я должен обеспечить это…

— У вас это есть, у нас — нет. У нас нет ни одного боевого устройства. Мы не ожидали, что может понадобиться такое, — он разозлился. — Между тем, сколько времени вы собираетесь сидеть здесь? До этого времени вам не понадобилось пускать в дело большие боевые флайеры, чтобы оправдать свое присутствие на Иштаре.

Джерин собрал всю свою решимость.

— С моей стороны это будет неподчинение. Ни при каких обстоятельствах, кроме прямого нападения, я не могу использовать свое оружие против местных жителей. И это не просто идеализм. Я не имею права вмешиваться в местные конфликты.

Левая рука Спарлинга стиснула подлокотник кресла. Он медленно заговорил, но все же сумел не выдавать голосом свою ярость, что разгоралась в нем все сильнее:

— Неужели вы думаете, что сумеете хорошо выполнить свою миссию, если вызовете всеобщий

бойкот? А именно это и случится, если вы оставите Джиль без помощи. Я лично займусь этим.

Джерин потянулся к нему через стол.

— Поймите, я сам сейчас запрошу разрешение. Ведь я очень хорошо отношусь к ней.

— Сколько времени у курьера займет путешествие на Землю? А сколько времени эти тупоголовые бюрократы будут рассматривать ваше донесение, чтобы найти повод отказать?

Тон Джерина ужесточился:

— Если я не подчинюсь, меня снимут с поста. А мой преемник, учитывая, что послужило причиной моего снятия, будет менее обходителен и любезен с вами. Я смогу работать в условиях бойкота вами моей миссии, хотя это потребует арестов и конфискаций, уголовных наказаний за отказ сотрудничать. — Он встал. Спарлинг тоже. — Сэр, я покидаю вас. Прошу заметить, что я никому не запрещаю оказать помощь мисс Конвей. Однако не предпринимайте ничего, что вынудило бы меня вмешаться в события. И… полагаю, что вы будете достаточно разумными, чтобы держать меня в курсе событий. Я буду благодарен вам за это более, чем вы можете себе представить. — Он поклонился. — До свидания.

После того, как дверь за Джерином закрылась,

Спарлинг смотрел на нее еще целую минуту.

— Он, конечно, прав, — пробормотал он. — А мне пора идти собираться.

Когда он вышел на улицу, на него обрушился обжигающий ветер. Он свистел вдоль улицы, раскачивая верхушки деревьев. В небе полыхали Бел и Ану. В воздухе пахло пылью, и народу на улице было совсем мало. Но он даже не замечал, здоровались ли с ним.

Пока он шел домой, в голове его роились разные планы. Он пытался предусмотреть все.

Кроме смерти Джиль. Если ее смех навсегда исчезнет, все потеряет смысл.

Жена была в гостиной.

— Хэлло, что привело тебя так рано? — он повернулся к ней и через мгновение выражение счастья растаяло на ее лице. — Что-то ужасное? — прошептала она.

Он кивнул, затем ввел ее в курс дела.

— О, нет! Господь не может этого позволить. — Рада закрыла глаза, затем бросилась к нему и схватила его за руки. — Что ты собираешься делать?

— Поеду туда.

— Один?

— Приходится. Так как военные не заинтересо-

ваны в защите простых налогоплательщиков.

И тут он вдруг вспомнил, что люди вне солнечной системы не платят налогов.

— Если дело дойдет до боя, то воины Ларекки полезнее нас, гражданских лиц. А если понадобится помощь людей, то она может прибыть в течение нескольких часов, даже если нам позволят воспользоваться только маленькими флайерами. К тому же, пока мы не имеем достаточно информации, к чему держать в Порт Руа много людей?

— Ты должен ехать сам, один?

— Да, там нужен человек. — Не в силах выдержать ее взгляд, он посмотрел на фото Беки. — Здесь мне нечего делать. Джерину мои советы больше не нужны. Я знаю об Иштаре не больше, чем кто-либо другой… И к тому же Джиль…

Рода выпрямилась.

— Вот это и есть главная причина. Ты любишь ее?

— Что? — воскликнул он. — Это же смешно! И мы просто друзья.

Но…

Она покачала головой.

— Нет, милый. — Давно она уже не называла его так. Слезы стояли у нее в глазах. — Я знаю это с самого начала. И я знаю, что вы оба не ви-

новаты. Ты всегда был добр ко мне. И сейчас, в минуту опасности, прими мое благословение и возвращайся, возвращайся с ней.

Он притянул ее к себе.

— Ты ошибаешься. Как такое могло придти в твою голову?

Большего, чем сказать это, он не мог придумать ничего.

— Может, я и ошибаюсь, — солгала она. — Не будем больше говорить об этом. Давай, я помогу тебе собраться. И позвоню Конвеям, не нужно ли им чем-нибудь помочь.

«Неужели в чем-то есть и моя вина? — подумал он. — Раз я так смутился. Почему я чувствую необходимость рисковать жизнью?»

Эта мысль пронзила его как током. Даже Рода почувствовала это.

— В чем дело? — спросила она.

— Ничего, ничего, — сказал он автоматически. Разум его в этот момент был где-то далеко.

— У меня здесь есть еще кое-какие дела. Они могут задержать меня на два-три денька.

Глава 17

Порт Руа представлял собой скопление казарм легионеров, хозяйственных построек, лавок, складов товаров, таверн, домов.

Улицы были прямыми и узкими, сторожевые башни защищали порт.

Возле города были раскинуты шатры. Здесь жили те, кто искал защиты от набегов варваров. Дальше виднелись фермы и пастбища, которые снабжали город пищей. Сейчас они были пустынны, частично из-за набегов, частично из-за засухи. Отряды легионеров регулярно выходили из города в поисках пищи, а так же чтобы отогнать врагов.

С вершины горы, на которой он стоял во главе своих воинов, Арнанак едва видел поселение. Гораздо лучше были видны изгибы реки Эали, которая текла по долине и впадала в Эсхур. Арнанак через бинокль даже смог рассмотреть рыбачьи лодки. Они уходили в море, оставаясь, тем не менее, под защитой боевых кораблей, которые стояли тут же у причалов.

Небо с двумя солнцами казалось раскаленным

добела. Хотя воздух был неподвижен и его сухость заставляя скрипеть гривы, Арнанак и его воины чувствовали себя нормально. На них не было ничего, кроме щитов и шлемов. Интересно, как бы они себя чувствовали, будь они из холодного Хаэлена или мягкого Веронена?

Он повел отряд экономным шагом. Копыта глухо стучали по земле, раскидывая лишайник. Навстречу его отряду шел отряд легионеров. Они шли в боевом порядке: три тяжеловооруженных воина с помощником, который нес доспехи, четыре тройки сопровождал лучник и воин со стрелами, который так же нес щит для обоих, восемь легко вооруженных воинов-разведчиков, три воина, обслуживающие катапульту, носильщик, стрелок и заряжающий. И кроме того, с ними был еще один. И этот один — человек!

Одетый во все белое, подняв голову к небу, он шел медленно, но старался приноровиться к шагу воинов.

— Тихо! — прикрикнул Арнанак. — Это наша надежда. Помните, человек смертен. Ведь у нас в плену уже есть один человек.

Вновь прибывший был выше и мощнее, чем Джиль Конвей.

Несомненно, это был самец. Арнанак подумал:

может, смерть таится под белыми одеждами, может, там спрятана бомба, которая сотрет с лица планеты и его, и весь его отряд. Нет, он прибыл сюда совсем недавно на летающей лодке. А еще раньше комендант Зера освободил двух пленников Тассуи и отправил с ними сообщение о переговорах.

Как только Арнанак получил это письмо, он сразу выехал из Улу, послав впереди себя курьера, чтобы определить место и условия встречи. А вот теперь он прибыл и разбил лагерь.

Легионеры остановились на расстоянии двух полетов копья.

Развевающиеся знамена говорили о мирных намерениях легионеров.

Арнанак вонзил свой меч в землю, затем еще с несколькими воинами вышел вперед, навстречу к такой же группе легионеров.

Удивленный Арнанак узнал Ларекку. Все знали старого Одноухого. Арнанак мельком видел его во время своих визитов в Порт Руа, еще до того, как началась война. Значит, он вернулся с Южных морей и решил поставить на кон собственную жизнь в битве с варварами?

«А почему бы нет? — подумал Тассуи. — И все же по своему положению я могущественен и

ничуть не ниже его».

— Приветствую тебя, вождь, — сказал Ларекка. Но ничего не добавил относительно удачи и доброго здоровья.

Арнанак ответил по обычаям Сехалы.

— Честь и счастье с тобой, комендант! И пусть между нами всегда будет честное сотрудничество!

Ларекка стоял спокойно. Его бледно-голубые глаза не отрываясь смотрели в зеленые глаза противника. Даже не сознавая, что он делает, Арнанак принял стойку воина: выпрямил торс и руки, расставил ноги, опустил хвост. Они обменялись рукопожатием.

— Где ты служил? — сразу спросил Ларекка.

— Тамбуру Стайдер, — ответил Арнанак. — В основном на островах Ирэны. Но это было очень давно…

— Понятно. Значит, теперь ты правитель Улу. Бог знает, сколько я слышал о тебе, — Ларекка сделал паузу. — И мы встречались раньше, но может, ты не узнал меня. Но я тебя видел, когда ты украл человека с моего судна. Я бросил на палубу галеры ее пищу.

Оба сердца Арнанака сжались. Может, это судьба? Только чей каприз? Истинного Солнца,

Угольной Звезды, или Ровера? А может, это ничего и не значит.

Ларекка стоял спокойно, и Арнанак предложил заключить на этот день мир, чтобы воины обеих сторон могли расслабиться.

Воины поклялись в соблюдении перемирия, разрушили боевые порядки, разоружились и перемешались друг с другом, причем южане были более осторожны, чем северяне. Ларекка представил Арнанаку Яна Спарлинга, и варвар повел их в свой шатер, стоящий в зарослях голубых кустов, которые лучше других растений переносят Время Огня.

В тени шатра были постелены ковры, стояли бурдюки с водой, сосуды с элем, стаканы. Иштарианцы удобно устроились на коврах.

Человек сел на корточки, обхватив колени руками. Лицо его было суровым и мрачным. Арнанак сказал ему:

— Та, которую называют Джиль Конвей, чувствует себя нормально. Она не пострадала, и мы не причинили ей вреда.

— Это приятно слышать, — ответил ему Спарлинг.

— Я захватил ее в плен, как только представилась возможность, и именно для того, чтобы

состоялась эта встреча. Мы всегда за то, чтобы был мир. Мы…

— Вы не сказали нам ничего нового, — прервал его Ларекка сухим тоном. — Кроме того, вы хотите, чтобы мы убирались отсюда и не возвращались сюда обратно.

— Это наша страна, — сказал Арнанак так, чтобы его мог слышать человек.

— Не вся, — возразил Ларекка. — Здесь, на этой земле, честно купленной у тех, кто захотел стать торговцами, уже много октад стоят наши города. И нам часто приходится отражать нападения бандитов. Скажи, кто из твоих воинов предъявляет претензии на наши города?

Арнанак обратился к Яну:

— Я рад, что мы, Тассуи, наконец имеем возможность встретиться с людьми и вести переговоры.

— Здесь уже были наши исследователи, — сказал человек. Он понял, что Арнанак согласен вести переговоры о Джиль Конвей, и его напряжение немного спало. — Но это было еще до того, как здешние племена Объединились под властью одного вождя. А потом у нас появились и свои проблемы… — он наклонился вперед. — Я пришел поговорить об освобождении пленницы. Если ты искренне желаешь дружбы с людьми, ты

сейчас приведешь сюда Джиль Конвей.

— А затем мы продолжим переговоры?

— Что ты хочешь от нас?

— Помощи. Мы слышали, будто вы будете оказывать помощь Газерингу в следующие шестьдесят четыре года. Неужели жизнь наших собратьев менее ценна?

— Я… я не знаю, что мы можем сделать для вас.

— О, — небрежно бросил Арнанак, — до нас доходят слухи о чудесах, которые вы творите в Веронене.

Ян Спарлинг задумался, потом заговорил:

— Я мог бы пообещать тебе любую плату, но зачем? Ты умен, так что будем обсуждать только то, что может быть выполнено.

Потребуй невозможного, и ты не получишь ничего. Нет, даже хуже: мы объявим тебе войну, разрушим все твои планы — потребуй нечто разумное, и я постараюсь, чтобы твои требования были удовлетворены.

Арнанак не смутился.

— Если вы способны опустошить Южный Веронен, почему же вы не нанесли удар сразу? Мы напали на Газеринг, которому вы обязаны помочь. Почему же вы не оказываете ему военной помощи? Может, у вас и нет такой возможности?

— Мы… мы пришли сюда не для войн и ссор, — Ян старался держать себя в руках. — Пока еще рано говорить об угрозах и мести.

Назови свой выкуп.

— Что вы можете предложить?

— Наше доброе расположение сейчас и впоследствии. Затем инструменты, материалы, советы, как пережить трудные годы.

Например, вместо этой тяжелой ткани для шатра — более легкую, компактную, водонепроницаемую, невоспламеняющуюся. Это позволит вам легко и быстро передвигаться в поисках пищи.

— Я предпочел бы, чтобы вы снабдили нас таким же оружием, как и этих воинов. Арнанак показал на Ларекку. — Кроме того, вы должны отказаться от помощи Газерингу.

Комендант кашлянул.

— Это плохо пахнет, — сказал он.

— Я знаю, что вы двое уже договорились между собой. - Арнанак говорил спокойно. — Но я не верю, что люди могут оставить своего товарища в беде.

— Тогда говори о том, что может быть сделано реально сегодня, — настаивал Спарлинг.

— Хорошо, — согласился Арнанак. — Ларекка

со своей армией должен покинуть Веронен сам, по доброй воле, или нам придется уничтожить его. Мертвые кости пользуются почтением тут, но они бесполезны в Веронене. Кроме того, мы можем договориться, какие острова в море Файери вы можете оставить за собой. — «Пока мы не вышвырнем вас и оттуда, — добавил он про себя». — Хотя для вас самих было бы лучше вернуться к себе домой и оставить все наше нам.

— Хватит терять время! — рявкнул легионер. — Ты прекрасно знаешь, что если бы вы оставили в покое наших рыбаков и охотников, здесь бы не стояли наши легионы.

— Мы можем поговорить и об этом, — сказал Арнанак. Для него это было неожиданностью.

— Ну, хватит, — воскликнул Ян Спарлинг. — Как насчет Джиль Конвей?

Арнанак вздохнул.

— Пока что ты не предложил мне ничего, что соответствовало бы ее ценности, как заложника. Если ты ничего не можешь предложить, мы оставим ее у себя до нашей победы. Время от времени мы будем возвращаться к переговорам о выкупе и о многом другом. Разве ты не понимаешь, Ян Спарлинг? Моя цель в том, чтобы все Тассуи пережили тяжелые времена. И чтобы это была

не кучка изголодавшихся, а народ, полный сил. Могущественная раса. Разве ты не понимаешь, что без вашей помощи, которую я хочу выторговать у вас, это нам не удастся. И первое, что я хочу получить — это знания, что гораздо ценнее для нас, чем целый флот, нагруженный пищей и припасами. Поэтому не бойся за нее. Лучше подумай, как снабдить ее всем необходимым для жизни среди нас.

Ян Спарлинг долго смотрел на него. Вокруг двигались воины, но все звуки приходили к нему как бы издалека. Воздух под тентом палатки раскалился и жег почти как уголь.

Ларекка нарушил молчание:

— Я знаю, что вождь Валленена так же хитер, как и силен. Но я пока не вижу, что он мудр и умен. Плохо, что нам придется убить тебя, Арнанак. Лучше бы тебе оставаться живым, и в наших легионах.

— Что ж, мне очень жаль, что вы не хотите принять мои условия. — Правитель вежливо поклонился.

Ян шевельнулся.

— Хорошо. Я предвидел такой исход. Тогда проводи меня к ней.

— Что? — удивился Арнанак.

— Она совсем одна среди чужих. Может, к ней относятся и хорошо, но ведь вы многое не знаете, так как впервые встречаете чужих. Вы по незнанию можете причинить ей вред. Позволь мне поехать к ней. Ведь у тебя тогда будет два человека.

Арнанак долго изучал лицо человека, которое для него было таким же чужим, как и лицо Даури. Комендант был угрюм. Они оба, вероятно, долго обсуждали этот вопрос.

И тут Арнанак решился. Что такое жизнь, как не постоянный риск?

— Я не могу ничего обещать, — предупредил он. — Предстоит трудное путешествие. Сами знаете, какое сейчас время.

— Тем больше оснований мне ехать, — спокойно ответил Ян Спарлинг.

— Но я осмотрю все, что вы возьмете с собой: одежду, пищу, и все остальное… И вы объясните мне назначение каждой вещи, чтобы я был уверен, что вы не готовите заговор или предательство.

— Конечно…

Глава 18

Как только Джиль Конвей привезли в Улу, Арнанак получил донесение и сразу же уехал.

— Они хотят вести со мной переговоры в Порт Руа, — сказал он Джиль. — Не сомневаюсь, что о тебе. Но не слишком надейся. Дела обстоят так, что тебе придется долго пробыть среди нас — может быть, до зимы.

Она подумала, что это был дружеский совет. И вообще этот огромный чернокожий варвар не казался ей олицетворением зла. С точки зрения валененцев это был герой, и на самом деле он мог стать спасителем целого народа.

Они много общались друг с другом еще на борту галеры и во время путешествия вглубь страны. Отношения их стали почти дружескими. Он делал все, чтобы облегчить ее путешествие. Нередко она ехала на нем или на одном из его воинов, как она раньше ездила на Ларекке. И это несмотря на то, что из-за нее убили его сына, причем домой не попадет ни одна его кость, чтобы успокоить его душу и направить ее в царство грез.

Когда Арнанак уехал, Джиль поняла, что плен

ее не очень тягостен, за исключением сознания того, что она в плену. Ей была выделена отдельная комната, куда никто не имел права войти в ее отсутствие. Она могла ходит, где хотела. Однако бежать не было никакой возможности, и главным образом потому, что ее запасы аминокислот и витаминов находились в запасниках у варваров и выдавались строго отмеренными порциями.

— Старайся не уходить далеко, — предупредила ее Иннукрат, — а то ты можешь заблудиться.

— Я хорошо ориентируюсь в лесах, — сказала Джиль. — И я не верю, что звери Веронена могут представлять для меня опасность.

Иннукрат сказала:

— Во всяком случае сначала не ходи одна, пока не убедишься, что сможешь находить дорогу правильно.

После нескольких путешествий в обществе варваров она уже не встречала возражений, когда уходила одна.

Иннукрат была женой Арнанака и после его отъезда единственной, кто знал язык Сехалы. До того, как началась война, она много путешествовала с мужем и бывала даже в долине реки Эзали. Вообще в иштарианском обществе превалирует равенство полов, хотя примитивные условия

жизни и диктуют некоторую специализацию. Как правило, самцы занимаются торговлей, ездят за границу в чужие страны. Самки же путешествуют только по своей стране. Причем они не боятся нападений, так как существуют священные дороги, на которых запрещено грабить.

Джиль спросила, нарушается ли когда-нибудь это правило?

— Я слышала о таких случаях, — ответила Иннукрат, — но крайне редко. Нарушителей ждет суровое наказание. Их преследуют до тех пор, пока не убьют.

Сначала Джиль даже забавлялась своим положением, но затем она почувствовала вину: ведь она стала выигрышной картой в руках врага Ларекки.

Дни, когда она оставалась одна, Джиль посвящала исследованию жизни незнакомого народа. В основном селение северян напоминало ранчо южных жителей, но с небольшими отличиями. Холл под навесом с одной стороны был вымощен грубыми камнями, одноэтажный дом из неотесанных бревен, где были комнаты для членов семьи и общие комнаты для приема пищи и для общения. Коегде на стенах встречались украшения, выполненные с большой экспрессией.

Остальная часть двора была занята хозяйственными постройками: амбарами, мастерскими, жилищами слуг, помещениями для домашнего скота. Здесь всегда бурлила жизнь: члены рода были заняты работой или же предавались развлечениям. Все они относились к Джиль вполне доброжелательно, но их разделял языковый барьер, и Джиль ничего не оставалось делать, как только смотреть. Вскоре валененцы привыкли к ней.

Улу был расположен на восточном склоне хребта «Стена Мира».

Густой лес защищал селение от губительного света солнц. Местами попадались Т-растения, которые гораздо лучше переносили изменившиеся условия жизни. Она много бродила по окрестностям и однажды тропа привела ее к хижине. Два вооруженных охранника жестами приказали ей удалиться. Она спросила Иннукрат — почему, и получила беспокойный ответ:

— Лучше поговори об этом с вождем, когда он вернется.

Джиль решила, что в хижине находится какая-то святыня. А в остальных путешествиях ее никто не ограничивал. Она могла бродить сколько угодно, пока голод или усталость не загоняли

ее обратно.

В десяти километрах к юго-востоку лес кончался и она, стоя на горной вершине, видела перед собой голые пространства пустыни, над которой колебался раскаленный воздух.

Джиль поняла, что нынешнее состояние местных иштарианцев хранит в себе остатки феодализма, причем добровольного.

Правитель области принимал клятву верности от более мелких родов. Они обязались по его приказу выполнять разные работы, а также участвовать в войнах и набегах под его предводительством. А он обязался защищать их в случае нападения.

Иннукрат рассказала, что среди молодых самцов существует дух соперничества, часто приводящий к кровавым дракам, а зачастую — даже к убийствам. И это не возбранялось, так как молодые воины изначально должны были быть готовы к войне, к смерти.

«Да, — подумала, удивившись, Джиль, — Иштарианцы — не люди».

Вскоре ее стало угнетать одиночество. Она старалась брать уроки языка у Иннукрат, хотя у старшей в роду было очень мало свободного времени: на ее плечах лежало огромное коли-

чество самых разнообразных дел. Джиль было предложила свою помощь, но вскоре поняла, что она мало что может. Все орудия труда были слишком тяжелы и грубы для нее, а кроме того требовались специфические навыки.

Поэтому она стала все больше и больше времени проводить вне дома, исследуя незнакомую местность.

И вот произошла встреча.

Она возвращалась домой после заката обоих солнц.

Тропические сумерки длятся недолго. Однако луны давали достаточно света, чтобы различать дорогу. Часть ее пути пролегала по местности, заросшей низкорослым кустарником. Его плотно переплетенные между собой ветви создавали сильное впечатление живой массы. Позади нее мрачно поблескивали утесы Стены Мира.

Звезд в небе было меньше, чем обычно. Урания и Целестия достигли своего полнолуния и сияли красноватым светом. Их свет падал на лишайники и создавал иллюзию, что воздух еще горячее, чем есть на самом деле. На Джиль навалилась тишина.

Она остановилась, заметив впереди что-то движущееся. Сердце ее застучало: напротив Джиль

стояло какое-то существо.

Должно быть, оно пробиралось в кустах, когда Джиль застала его врасплох.

— Нет… Не может быть!.. Это оптический обман… Я голодна… устала… у меня кружится голова…

Существо молча стало удаляться от нее.

— Подожди! — спохватившись, крикнула Джиль, но оно уже исчезло в кустах.

Через мгновение она в ужасе схватилась за кинжал, который дал ей Арнанак.

«Но ведь убежало оно, а не я, — подумала она, — но все же мне лучше уйти!»

Она шла все быстрее, а в памяти стояло незнакомое существо, освещенное красным светом. Несомненно, Т-животное. Та жизнь, которая существовала на Таммузе миллионы лет назад, и которая вновь возрождается здесь, но следует по тому же курсу, что и здешняя Орто-жизнь, или земная. У Т-животных было три пола. Они не обладали ни сложным симбиозом, не имели ни молока, ни волос.

Но это были геотермические существа, регулирующие, подобно растениям, температуру своего тела изменением окраски. Это было позвоночное животное, и у него вместо головы была пятая ко-

нечность, на которой находился рот и сенсорные органы. Среди них были и двуногие…

Но все они были маленькие. А это существо можно было назвать гигантом своего рода. Верхние лепестки конечности находились где-то на уровне ее груди. На животе она видела три глаза… Ноги у него были длинные и мощные. Это был скорее прыгун, чем бегун. И бескостные руки были довольно хорошо развиты. Каждая из них заканчивалась пятью пальцами, расположенными в виде звезды.

Руки?! Пальцы?

Да, если она не сошла с ума, она ясно видела поднятую правую руку с растопыренными пальцами, как будто существо тоже чрезвычайно удивилось, увидев ее. В левой руке существа было что-то вроде ножа.

Иллюзия? Нет, не может этого быть! Она ясно видела живое Тживотное, неизвестное ранее. Возможно, оно эмигрировало с севера в связи с изменением климатических условий. Только животное ли?

Впереди показалось освещенное окно. Она бросилась в холл и рассказала Иннукрат о встрече.

— Ты встретила Даури, — с беспокойством сказала та.

— Кого?

— Я думаю, тебе лучше дождаться Арнанака.

— Но… — Она вспомнила, что читала книги о Валленене, написанные учеными Газеринга. — Даур, Даури, да, я припоминаю.

Что-то вроде эльфов, мелких демонов. Значит, это они обладают магической силой и могуществом?

— Я же сказала — дождись Арнанака.

Он вернулся через несколько дней. Джиль не вела счет дням и не могла знать, сколько он отсутствовал.

Когда он прибыл, она была дома. Чтобы не трепать обычную одежду, она была закутана в грубую ткань, сплетенную из растительных волокон, и подпоясана веревкой. Она не была иштарианкою, чья жизнь зависела от солнечных лучей. Более того, она могла сжечь кожу под ними. Хотя к этому моменту ее лицо, ноги и руки загорели уже достаточно, и теперь при необходимости она могла не закрывать их от солнца. Но все же обуви у нее не было, так ее туфли развалились.

Молодая самка дала ей свою обувь, сплетенную из ремешков.

Может, она пожалела девушку, а может, просто

хотела посмеяться над ней.

Джиль стояла во дворе, держа в руке зонтик, который она сделала для защиты от солнца. Послышались крики, топот ног, звон металла. Во двор въехал Арнанак со своим отрядом. Джиль выронила зонтик. Минуту она стояла неподвижно, не веря своим глазам. Затем крикнула: «Ян!», и бросилась к нему в объятия. — Ян, дорогой!

И уже находясь в его объятиях, она приникла к нему, всем своим существом, ощущая его мужскую силу, запах его пота и его тепло. Она поцеловала его так, что зубы их столкнулись, а затем откинулась назад, чтобы посмотреть в его усталое лицо. Глаза ее наполнились слезами, и она поцеловала его еще раз, уже с дрожащей нежностью. Этот поцелуй встречи перешел в поцелуй любовников.

Наконец они оторвались друг от друга.

Так они стояли, держась за руки и смотря друг на друга. Они не замечали толпы иштарианцев, собравшихся вокруг.

— Ян, — снова прошептала она, — ты пришел! Ты пришел за мной!..

Радость будто смыла плоть с его лица и еще резче обозначила кости, обтянутые загрубевшей кожей.

— Прости, дорогая, я здесь не затем, чтобы освободить тебя, — ответил он глухим голосом.

Она была в замешательстве.

— Что? Тогда зачем?

— Не мог же я тебя оставить одну, — он взял себя в руки и заговорил:

— Не бойся, я здесь по взаимному согласию. Арнанак еще не готов отпустить тебя. Они не сумели договориться с Ларекком, однако он хочет наладить отношения с людьми. Он считает, и не без основания, что два заложника лучше, чем один. Он надеется, что благодаря нам сможет установить с людьми дипломатические отношения и поэтому обращение с нами будет терпимым. Мы немало говорили об этом в дороге. Вообще-то он неплохой парень, в своем роде. А пока я привез сюда пищу, одежду и все остальное, что может тебе понадобится. Даже твои любимые книги.

Она смотрела в его глаза и думала:

«Он любит меня. Как же я могла в этом сомневаться!»

— Ты не должен был являться сюда! — воскликнула она.

— Черт побери! Я же объясняю тебе ситуацию. Мне ничего не оставалось делать. Как ты тут?

— Олл райт…

— Ты выглядишь неплохо. Похудела, но это тебе даже идет. А эти выгоревшие волосы в сочетании с загорелым лицом… Теперь ты совсем платиновая блондинка. — И торопливо:

— Дома все о'кей. Тебе шлют приветы и добрые пожелания. И все желают твоего скорейшего возвращения.

— Ну, — вступил в разговор Арнанак. — Может, вы войдете в дом? Проходите в свои комнаты, дорогие. Сейчас вам принесут ваши вещи, позже мы отпразднуем это событие. А сейчас вам есть о чем поговорить между собой.

И они говорили о многом.

Спарлинг ее хорошо знал, потому и старался смягчить ситуацию.

— Реального компромисса не существует. Единственное, что возможно, это мелкие частные соглашения, чтобы несколько уменьшить потери с обеих сторон, но это не облегчит реального положения дел. Тассуи не остановятся, пока все легионеры не покинут Валленен, или же не будут перебиты. Зера будет решительно сопротивляться, насколько это возможно, в надежде на подкрепление. Вряд ли можно осуждать варваров. Арнанак сказал, что Время Огня убьет всех, если они останутся в своих домах. Мы, лю-

ди, должны были подумать об этом и о том, как облегчить положение этой страны. Но этот тип Джерин уже не позволит нам ничего предпринимать.

— Юрий вполне приличный человек, — возразила Джиль.

Услышав ее слова, Спарлинг поскучнел. Джиль ужасно захотелось обнять его. Они сидели на топчане, служившим постелью Джиль. Спины их опирались на бревна стены, ноги были вытянуты на глиняном полу. Через окно в комнату проникало мало света, так что в помещении царил полумрак… В комнате не было двери, и только портьера из грубой ткани отделяла их от холла, где слышались голоса.

— Арнанак тоже не негодяй, — сказал Спарлинг. — Они оба выполняют свои миссии. Арнанак хочет, чтобы его народ жил на земле, которая мало страдает от прихода солнца. Конечно, при этом ему нужно уничтожить Газеринг. А после этого Веронен будет открыт для вторжения. Снова цивилизация на Иштаре погибнет. Арнанак даже не стал умалчивать об этом.

— Он говорил об этом и мне, — заметила Джиль. — Правда, он считает, что его наследники восстановят цивилизацию.

— Со временем. А сколько времени это займет, если вспомнить продолжительность жизни иштарианцев, знает только бог. А пока на планете будут убийства, насилие и вандализм.

— Я знаю, Ян.

— У нас мало времени, если мы хотим как-то помочь Ларекке.

Арнанак сказал, что он послал гонцов, чтобы собрать все свои силы. Думаю, что через месяц Порт Руа будет отрезан штормами от Веронена и не сможет получать подкрепление.

Джиль долго сидела молча. Спарлинг говорил совсем не так, как человек, охваченный отчаянием. Наконец она спросила:

— Ты говоришь так, будто мы не совсем беспомощны?

Он кивнул.

— Мы можем попытаться кое-что предпринять, Джиль, — он приподнял рукав на левой руке, где оказался браслет. Это был микропередатчик. — Арнанак проверял все мое имущество, но он не понял, что это такое и подумал, что это просто талисман.

Она нахмурилась.

— Ну и что? Мы же находимся в трех тысячах километрах от Порт Руа. А даже при идеальных

условиях нас можно услышать лишь километров с десяти.

— Ах-ах, — он погрозил ей пальцем. — Ты недооцениваешь мое коварство.

С искрой надежды она спросила:

— Может, я его переоцениваю?

Он улыбнулся.

— Может быть. Но слушай. Ларекка помог мне разработать детали. Он договорился с Арнанаком, что легионеры смогут спокойно охотиться в лесах. Я привез с собой несколько портативных релейных установок, питающихся от солнечных батарей. Охотники тайно установят их в стратегических местах. На верхушках деревьев, вершинах гор и так далее.

— Но, Ян, они же не смогут установить их поблизости…

— Разумеется, так как никто и не знает, где находится Улу, штаб-квартира Арнанака. Но все же какая-либо установка окажется километрах в ста отсюда. — Спарлинг перевел дыхание. Она вдруг обнаружила, что ей нравится ее возбуждение.

— О'кей. Я привез несколько пластиковых пакетов с протеиновой мукой. Арнанак, конечно же, проверил их, но он никак не мог догадаться, что там содержится второе дно. И именно там на-

ходится второй передатчик, несравненно более мощный и работающий на коротких волнах. Мой микропередатчик будет включать его, и сигналы мощного передатчика можно будет принимать на расстоянии ста километров и даже больше.

— О-о-о! — она смотрела на него, и все ее нервы дрожали как струны.

— Нужно все делать без спешки, — предостерег ее Спарлинг. - Весь план зависит от надежности каждого звена. Сначала мы установим звенья передачи и вступим в контакт с Порт Руа. Я думаю, что нам это удастся. Далее, с помощью примитивных приборов я попробую определить по звездам приблизительный координаты Улу и отметить их на карте. А потом мы вызовем в условное место флайер. — Он улыбнулся. — Это единственное, что мне удалось придумать.

«Придумать! — подумала она. — А я вижу морщинки в углах его губ. Я не хочу быть плененной дамой, ради которой благородный рыцарь рискует своей жизнью!»

Она решила, что и сама все же должна внести лепту в свое освобождение.

Арнанак был в прекрасном настроении, когда, сидя во главе стола он ел, пил и хвастался. И он нравился Джиль. Это, впрочем, не означало, что

она перешла на его сторону. Арнанак хорошо знал это. Но она давала ему понять, что, благодаря ее присутствию тут, у нее сложилось хорошее представление о нем и его народе, и она была рада помочь им.

«И это не ложь, — подумала она. — Мы должны помочь им. И Газерингу тоже. Жаль только, что наша глупая война делает такое почти невозможным».

Но она почувствовала себя менее виноватой перед ним, когда услышала его слова:

— Мы поговорим позднее, когда я вышвырну их из Валленена. Я много раз предупреждал легионеров, что уничтожу их, если они добровольно не уберутся отсюда. Теперь мои воины собрались вместе. Пора доказать, что Арнанак держит свое слово.

Спарлинг говорил мало и ни кем не общался. Арнанак чувствовал, видимо, его настроение, и не втягивал его в беседу.

После ужина Джиль помрачнела и сказала Арнанаку:

— Мне нужно сказать тебе кое-что. Выйдем втроем на улицу.

Арнанак повиновался. Выйдя со двора, Джиль взяла его за локоть и указала:

— Вот сюда.

Он замер.

— Эта тропа ведет в заветное место.

— Я знаю. Идем. Недалеко.

Они остановились, когда не стало видно домов. Солнце уже скрылось за Стеной Мира. Густые тени лежали меду деревьями. Небо было темно-голубым и по нему плыли белые облака. Из лун только Эа казалась красной.

Глаза Арнанака под гривой казались зелеными фонарями. Его клыки сверкнули в полутьме, когда он сказал:

— Говори, что ты хотела. У меня здесь совершенно другие дела.

Джиль стиснула локоть Спарлинга, как бы ища его поддержки.

Пульс ее часто бился.

— Кто такие Даури и какие у тебя с ними дела?

Он схватился за рукоятку меча.

— Почему ты спрашиваешь это?

— Мне кажется, я встречала одного из них, — Джиль описала встреченное ею существо. — Иннукрат не сказала мне ничего и посоветовала дождаться тебя. Я помню что кое-что слышала о Даури…

Его напряжение спало.

— Это живые существа, не смертные. Говорят, они обладают таинственным могуществом и им приносят жертвы, когда видят Даури, но это бывает чрезвычайно редко.

— Пища не нужна им?

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, ты понимаешь меня. Не забывай, что я многое знаю о животных. В Даури, которого я видела, нет ничего волшебного. Он такой же смертный, как ты или я. И это представитель давно исчезнувшей жизни. И я видела в его руке нож. Арнанак, если бы эти Даури так далеко продвинулись бы в своем развитии, что стали обрабатывать металл, люди давно бы обнаружили их. Я думаю, это ты дал им ножи… как цену сделки между тобой и ими.

«Прыжок в темноту, — думала она. — Но кажется, мое предположение справедливо».

Заговорил Спарлинг.

— Я тебе говорил, что мы пришли сюда для исследований. И мы были бы очень благодарны тому, кто даст нам хоть крупицу нового знания.

Арнанак стоял спокойно, но как бы колебался. Но вот он принял решение.

— Хорошо, — сказал он. — В конце концов большой тайны здесь нет. Многим Тассуи я говорил

об этом. А вы двое будете у меня до тех пор, пока я не завладею Валлененом полностью. Идите за мной.

Когда они шли, Спарлинг прошептал:

— Ты права, это целая разумная раса.

— Тихо. Не говори по-английски. Он может подумать, что мы что-то замышляем.

Они подошли к хижине. В знак салюта часовые подняли копья и отошли в сторону. Арнанак открыл дверь и пропустил людей вовнутрь. Затем он закрыл дверь, чтобы часовые не слышали, о чем они будут говорить, и не заглянули бы внутрь.

Хотя внутри горели две глиняные лампы, но стоял полумрак, потому что дневной свет почти не проникал в окна над потолком.

Единственная комнатка была обставлена миниатюрной примитивной мебелью. В буфете лежали растения с голубыми листьями, разделанные туши странных животных — это была пища для Т-жизни.

За занавеской виднелись спальные принадлежности: видимо, здесь жили втроем.

Спарлинг в изумлении ахнул. Джиль схватила его за руку. Все ее внимание было приковано к животным, которые находились в этой комнате.

Животные подались назад, тревожно посвистывая.

Иштарианцы говорили об этих животных со слов Тассуи, и вот теперь они, люди, видят их воочию.

— Выслушайте историю о моей поездке, — начал Арнанак.

Пока он говорил, Джиль внимательно рассматривала Даури. Их тела, казалось, совсем не были приспособлены к жизни на планете.

Однако она различала отдельные черты, которые классифицировались в учебнике по Т-биологии. Верхняя конечность туловища оканчивалась пятью лепестками, которые служили сенсорными органами, а также переправляли пищу в рот с пятью челюстями. Под каждым лепестком находилось щупальце, орган слуха Даури. Рука заканчивалась пятью пальцами, которые были расположены в виде пяти лучей звезды.

Конечно, им еще трудно было держать рабочий инструмент, но все же в эволюции это был шаг вперед. Тем более, что Арнанак изобрел им ручку ножа, которую им было удобно держать. Глаза их были хорошо развиты, но непривычны для человека, так как их цвет менялся в зависимости от интенсивности освещения. Под двумя глазами

находился и третий глаз, служащий, видимо, для ориентировки. Ноги разной формы и цвета говорили о том, что перед ними находятся особи трех полов. В данный момент кожа их была пурпурной, а в жаркий тропический день она становилась ослепительно белой.

«Да, любопытно. Т-жизнь. Однако Т-жизнь, наделенная разумом».

И когда Арнанак закончил свой рассказ, он достал то, что принес из пустыни…

И Джиль, и Спарлинг вскрикнули одновременно.

Кристаллический куб с длиной грани в тридцать сантиметров. В его черной глубине таинственно и завлекающе сверкали цветные точки.

Арнанак вертел его в руках и освещение куба менялось.

— Смотрите хорошенько, — сказал вождь. — Вы не скоро увидите его снова, если вообще увидите. Это и Даури помогут мне вдохнуть новые силы в моих воинов и вдохновить их на битву.

В их комнате горела лампа. Под ногами лежала постель Джиль.

В комнате стоял запах горящего масла. Было тепло.

— О боже, Ян, это же настоящее чудо! — Джиль

никак не могла избавиться от возбуждения. Лицо ее казалось еще более изможденным.

— Да. Но какая цель у этого куба? Нам нужно добыть дополнительную информацию.

— Нам… — Она схватила его за руку. — Я так рада, что ты здесь!

— Я тоже.

— Ян, я рада возможности отблагодарить тебя. Я стольким тебе обязана, что не могу не отблагодарить тебя.

Спарлинг заговорил, и губы его подергивались:

— Я должен был потребовать отдельную комнату. Если это невозможно, я сейчас найду свой спальный мешок и… Спокойной ночи, Джиль.

— Что? Спокойной ночи? Не смеши меня, Ян.

Он сделал движение к двери. Она обхватила руками его шею и поцеловала его. Он ответил на ее поцелуй.

— Перестань быть высокоморальным, — пробормотала она. — О, я сама люблю Роду и я знаю, ты ждешь от меня только слов благодарности. Но я сама хочу этого.

«Я хочу, — думала она. — Я так долго ждала этого. И я не знаю, грех ли это. Что плохого, что два человека будут ласковы друг с другом. Ведь существует такая возможность, что они больше

никогда не вернутся к родным…»

На фоне оглушительных ударов сердца она услышала рассудительный внутренний голос, напоминающий ей о том, что действие последнего противозачаточного укола уже кончилось.

«Пошел к черту», — сказала она этому противному голосу. Она внезапно вспомнила, что Ян всегда хотел иметь много детей, но в Примавере не было сирот, и усыновлять было некого.

— Мне кажется, что я уже люблю тебя, Ян, — медленно сказала она.

Глава 19

В то время, как Улу отпраздновал середину лета, с песнями, танцами и жертвоприношениями, желтое солнце обогнало красное.

Жара нависла над Валлененом. Свирепствовали засушливые ветра.

Вельд горел целыми неделями. Над горами клубился горький дым.

Белые облака висели над Стеной Мира, но ни разу дождь не пролился на измученную землю.

Спарлинг пренебрегал всеми неудобствами. Джиль сказала, что ей тоже на это наплевать, и он поверил, так как по опыту знал, что она никогда не врет. Тем более, что почти при нулевой влажности высокую температуру было довольно легко переносить. Их пища была грубой, но в достаточном количестве. Иштарианцы относились к пленникам вполне лояльно, не досаждая им излишними вопросами. Поэтому Джиль и Спарлинг могли без помех заниматься своими делами. А ночью наслаждаться друг другом.

Спарлинг, конечно, никогда не был счастлив так, как теперь.

Он, конечно, чувствовал свою вину перед Родой, но в основном корил себя за то, что не может сразу организовать побег. Хотя в глубине души он даже был рад этому.

Они редко разговаривали о своем будущем. Такие разговоры быстро кончались объятиями. Теперь он, как и она, перестал считать дни. Время текло как бы мимо него. Однако потом он как то подсчитал, что прошло сорок три дня и пожалел, что они не равны земным дням.

Однако кроме любви у них было еще и очень много других дел.

Они сидели среди камней в глухом ущелье. Небо казалось почти белым. На одном из деревьев, уцепившись за ветку сразу всеми четырьмя лапами, висел птеноид. Видимо, жара связала и его.

— О'кей, попробуем еще раз, — сказал Спарлинг и повернул ручку передатчика. Джиль склонилась к нему. Свежий запах ее волос волной окутал его.

— Вызываю Порт Руа, — медленно заговорил он, — пожалуйста, ответьте.

— Милитари Интеледженс отдел икс 13 вызывает Порт Руа, - добавила она. — Срочно и тайно. Нам нужны фальшивые бороды. Эти совсем износились. — Она явно дурачилась.

«Хотел бы я иметь такую способность во всем находить смешное, — подумал Спарлинг. — Может быть поэтому она так хороша в постели? Правда, у меня маловато опыта для таких сравнений».

— Честно говоря, я беспокоюсь, — сказал он. — Ларекка должен был оставить у приемника круглосуточное наблюдение. Либо наша идея не сработала, либо…

Тихий, страшно далекий голос иштарианца ответил:

— Отвечает Порт Руа. Вы пленные люди?

Джиль вскочила на ноги и исполнила военный танец.

— Да, — ответил Спарлинг, когда возбуждение прошло и он смог говорить. — Мы слышим вас прекрасно. Как ваши дела?

— Спокойно. Даже слишком спокойно.

— Ясно. Это продлится недолго. Вызови ко мне коменданта.

— Не могу. Он уехал на инспекцию. Вернется только завтра. Я могу подключить вас к Примавере.

— Нет. Не надо. Нам надо экономить батареи. Вы не знаете, какого большого труда нам стоило связаться с вами.

«К тому же сейчас я не смогу говорить с Родой, — подумал он». — Свяжитесь с ними и передайте им, что с нами обращаются хорошо. Я свяжусь с вами послезавтра около полудня. А пока до свидания.

— Пусть вам сопутствует удача!

Спарлинг отключился.

— Ну вот, — сказал он. — Первый шаг сделан.

— И это сделал ты! — девушка порывисто бросилась к нему на шею.

Они шли под звездами и лунами, пурпурный свет обливал горные пики, где земля сливалась с небом. Воздух был мягок и полон разнообразных ароматов. Спарлингу все напоминало Веронен.

— Разве можно думать, что такая ночь возможна во Время Огня? — сказал он. — Это совсем как у нас: когда все вокруг рушится и сгорает в огне, мы наслаждаемся любовью и не желаем ничего другого.

Она сжала его пальцы.

— Люди всегда таковы. Иначе они не смогли бы многого пережить.

Он посмотрел на небо.

— Интересно, что же это было?

— Ты имеешь в виду кристалл?

— Да. Жаль, что он не позволил более вни-

мательно рассмотреть его. Но полагаю, что это пришелец из космоса. Нечто вроде твердотельного компьютера. Он предназначен для передачи информации, может быть, для обучения... — он вздохнул. — Черт побери, кто может прочесть разум умершего человека, тайну исчезнувшей расы?

— Почему мертвая раса? Они могли куда-нибудь уйти. Если они смогли создать устройство, которое сопротивляется действию времени уже миллионы лет, почему они не могли выжить?

— Если, если, если! — воскликнул он, — взбешенный скудностью своих знаний.

— Я считаю, что «если» — это самое лучшее слово в языке, - сказала Джиль.

— Сейчас для нас самое главное — передать об этом информацию, чтобы она не умерла с нами, если таковое случится.

— Ну что же, мы передадим Ларекке, а он сообщит в Примаверу. Все должны узнать, что Арнанак собирается воспользоваться мифами и суевериями для достижения своих политических целей. Пусть Тассуи поймут, что Даури тоже смертны, что Арнанак вступил в сделку с представителями другой расы и использует их в своих целях. Он наверняка обещал им лучшие

земли, когда будет уничтожена цивилизация. Это — удар по морали.

Он покачал головой.

— Нет, дорогая. Я уже думал об этом. Когда тайна Арнанака станет известна всему миру, он сразу поймет, откуда дует ветер.

Он ведь сам показывал нам свою хижину, рассказывал о целях, хотя и не говорил о будущей политике, которой он будет придерживаться.

— Да, — сказала она. — Неужели ты думаешь, что он так мстителен?

— Может да, а может и нет. Он может убить нас просто из элементарной предосторожности. Я не хочу рисковать твоей жизнью, любимая.

— Я понимаю. — Она остановилась и заставила остановиться его. Он увидел, как ее нос сморщился. Он притянул ее к себе. Под ними был мох, прародиной которого был Таммуз. На нем было мягко, и он слегка пружинил от их движений, так что они оба испытывали необычайное наслаждение.

Потом он приподнялся и посмотрел на нее, как на живое чудо.

Она лежала перед ним, разметав по мху волосы, и влажные чувственные губы ее были приоткрыты.

— Я беру назад свои слова, — промурлыкала она.

— О чем?

— Относительно того, что лучшее слово в языке «если». Оно второе. А лучшее слово то, которое ты произносишь, когда берешь меня, пусть даже оно и неприличное.

Когда они сказали Иннукрат, что собираются отправиться в путешествие на всю ночь, та выделила им дополнительную пищу, сказав, что им предстоит трудный путь, и они должны поддерживать свои силы.

— Ты хорошая, — сказал Спарлинг. Он явно чувствовал угрызения совести.

— Если ты действительно так думаешь, то когда ты снова вернешься в свое селение и снова обретешь свое могущество, не забудь обо мне и моих детях.

Они собрались и покинули селение.

У Спарлинга был карманный компас, который Арнанак разрешил им иметь, так как он видел подобные приборы у легионеров. Джиль взяла с собой бумагу. Арнанак решил, что они пошли на исследования и будут записывать все, что видят.

— Ты сможешь точно выйти на место? — спросила она.

— О, я предпочел бы лазерный компас и электронный шагомер, но мне трудно было бы дать Арнанаку объяснение относительно их назначения.

Таким образом они намеревались определить на карте местонахождение Улу с точностью до нескольких метров.

Когда они возвращались, опускаясь по раскаленному солнцем склону горы, послышался зуммер приемника.

Спарлинг нажал на кнопку.

— В чем дело?

— Техник Аддис, Порт Руа, — ответил далекий голос. — Мы получили из Примаверы сообщение для вас.

Спарлинг выругался. Он моментально раскалился, как и воздух вокруг него.

— Что за идиотство? А может мы находимся среди тех, кто держит нас в плену?

— Кха-аа, — извиняющееся протянул техник.

— Полегче, милый, — сказала Джиль. — Ничего не произошло.

Это, видимо, кто-то из новеньких, поэтому он и торопится поскорее выполнить приказ. — Она наклонилась к браслету.

— Адисса, мы договорились, что на связь будем

выходить только мы. Нас вызывать нельзя.

— Прошу прощения, — тихо произнес иштарианец.

— Хорошо, ты получил его. И мы ничего не скажем об этом Ларекке, — пообещала Джиль. — Так что там у тебя за сообщение для нас?

— Сначала скажи, что с легионом? — Спарлинг отыскал рядом маленькую тень и направился туда.

— Оружие все еще в ножнах, но в лесах начались пожары. И Ларекка больше не направляет туда охотничьи отряды. На корабле, который привез и меня, прибыли припасы и несколько воинов. Нам сказали, что мы последние, больше помощи не будет.

Спарлинг и Джиль скорчились в тени. Адисса щелкнул тумблером, и они услышали запись голоса Ханшоу:

"Привет вам обоим. Мне кажется, что вы решили взять отпуск и отдохнуть. Спешу сообщить, что у нас все в порядке. Но ваш поступок всколыхнул Примаверу. Вы стали каким-то символом, не знаю, как это можно назвать еще.

Обычная ситуация. Люди мирно жили и выполняли свою работу.

Вдруг началась война, бессмысленная война.

И в довершение всего два популярных ценных члена нашего общества оказались в плену у варваров именно в результате этой войны.

Сейчас Примавера охвачена забастовкой, все жители отказались сотрудничать с Джерином. И даже те, кто не прочь был с ним работать, отказываются из-за боязни того, что их обвинят в предательстве.

Можете себе представить, какие у нас начались неприятности из-за этого. Капитан Джерин ежедневно осаждает меня. Он даже произвел несколько арестов, но ничего этим не добился и был вынужден снять обвинения и освободить всех, кого он арестовал. Вы знаете, он не глуп и не зол. Мне даже иногда жаль его. Он просит, чтобы мы сообщили информацию о вас ему. Однако мы ничего не сказали ему относительно возможной связи с вами.

Между тем я не уверен, что мы поступили правильно. И не знаю, к чему в конце концов может привести наше сопротивление.

Может быть, армия отменит свое решение о сооружении базы, а может нам вообще срежут все фонды помощи. Думаю, вы должны быть в курсе того, что у нас происходит, и буду информировать вас об этом.

Ситуация напряженная, но пока серьезных причин для опасений нет.

А теперь я даю слово Роде".

"Добрый день, милые, — сказал женский голос. Спарлинг стиснул зубы, сжал кулаки. — Джиль, — заговорила Рода по-английски. — Твои родители, сестра, посылают тебе свою любовь. - Неужели в ее голосе слезы? — Прими добрые пожелания и от меня.

Живи в мире. Благодарю тебя за то, что ты делаешь. Желаю счастливого возвращения. Гуд бай".

Стало тихо.

— Это все, — сказал Адисса.

— О'кей, — ответил Спарлинг. — Мы отключаемся.

Он долго сидел, глядя на утесы.

Джиль обняла его за талию.

— У тебя жена гораздо лучше меня, — сказала она.

— Нет, — проговорил он. — Ты чистая и смелая. И мы ничего не можем поделать. Верно?

«Может, это слова труса? — подумал он».

— Я разделяю сомнения Говарда, — сказал Спарлинг. — Эта забастовка против армии… черт побери, эти люди ведь служат для нас.

— Не нервничай. Хотя…

Когда эхо от ее голоса замерло, он повернулся и посмотрел на ее чистый профиль, вырисовывающийся на фоне скал и раскаленного воздуха.

— Интересно, почему на ленте нет голосов ни отца, ни матери, ни Алисы? Неужели я их так плохо знаю? — сказала она в пустоту.

Затем она выпрямилась.

— Ну, вот теперь и я превратилась в машину для беспокойства. Бог с ними. Идем домой, милый, но сначала поцелуй меня.

Глава 20

Ларекка стоял на восточной сторожевой башне и смотрел на причал Порт Руа, где в этот час стояло несколько кораблей легионеров и вдаль, где в море курсировал вражеский флот.

Он насчитал пятьдесят восемь кораблей, пятьдесят восемь узких галер, пятьдесят восемь парусов, окрашенных только что взошедшим Ровером в кроваво-красный цвет. Солнце, отражаясь от поверхности моря, слепило глаза. Он сомневался, что крепостная артиллерия сможет достать вражеские корабли камнями или огненными стрелами. Ветер раздувал паруса галер, трепал флаг над головой Ларекки.

— Да, — сказал Серода, его адъютант, — кто бы мог подумать, что он сможет собрать такой флот!

— Их вождь — умная бестия, — кивнул головой Ларекка. — Он держал корабли в небольших отрядах, курсирующих между островами на побережье. А затем по его приказу они собрались в этот флот в заранее назначенный день и в заранее назначенном месте. Поэтому мы так и не смогли

узнать точное число вражеского флота, — он покрутил усы. — Я думаю, что это еще не весь его флот. Большая часть, видимо, блокирует крепость с моря, чтобы мы не смогли получить помощь.

— А зачем тогда здесь эти?

— Чтобы не выпустить наши корабли. Они не хотят принимать бой в открытом море.

Взгляд Ларекки скользнул по городу, по низким зданиям, окрашенным в яркие цвета, по крепостной стене, доходящей до реки, теперь уже так обмелевшей, что из нее торчали камни, как спины гигантских животных. Затем он обозрел раскаленные развалины за городом, откуда приходили пыльные бури и смерчи.

— Да, — сказал он. — Война началась. Вскоре и его сухопутные силы будут здесь.

Через некоторое время он добавил:

— Но их вождь совершил одну большую глупость. Он забыл одну из основных военных мудростей, а именно: «Противнику всегда нужно оставлять путь для отступления».

— Вероятно, он думает, что мы сдадимся, — высказал предположение Серода.

— Это тоже вид отступления. Нет, вряд ли. Эти корабли говорят об обратном. Кроме того, честно говоря, сейчас не те дни, чтобы держать пленни-

ков. Либо они всех нас вырежут, либо сделают рабами и рассеют по всей стране, в шахты, на фермы, прикуют к тележкам, киркам… Я бы предпочел смерть…

Он подумал, что следует выступить перед своими воинами и разъяснить им все это. Хотя он терпеть не мог говорить речи.

Серода, долго прослуживший в легионе, не высказал ни страха, ни сомнения. Он сказал:

— Но им дорого обойдется взятие крепости. Им выгоднее было бы отпустить нас.

— В этом случае нам лучше отказаться и остаться здесь, - ответил Ларекка.

Варвары, которых легионеры убьют здесь в свои последние часы, никогда не придут туда, где осталась Мерса и его дети…

К полудню отряды Тассуи достигли Порт Руа. Многие тысячи их расположились лагерем всего в километре от городских стен, между рекой и бухтой. Их устрашающие штандарты, посаженные на шесты черепа животных или кентавров, хвосты убитых кровных врагов.

Вырезанные из кости или из дерева тотемы издали казались лесом, среди которого ослепительно сверкали острия пик. Их барабаны непрерывно гремели, трубы издавали пронзи-

тельные звуки, они кричали, пели боевые песни и в облаках пыли носились галопом туда-сюда. Городские стены представляли собой земляные насыпи, увенчанные частоколом из заостренных бревен. По углам стояли башни, в которых были установлены катапульты, стреляющие сразу несколькими снарядами. По стенами был выкопан ров, сейчас, правда, пересохший. Дно его было утыкано заостренными кольями.

Воины поднялись на городские стены. Их доспехи и щиты сверкали на солнце, перья на шлемах развевались по ветру подобно знаменам.

Среди них имелись и такие, что имели винтовки.

После возвращения Ларекки были эвакуированы все гражданские лица, за исключением тех, кто изъявил желание остаться и бороться. Оставшиеся так долго жили здесь, что стали уже как бы членами легиона. Среди них были и самки, чья помощь и уход за раненными будет неоценима.

«Пока что дела у нас не так уж и плохи, — подумал Ларекка».

Трижды прозвучала труба, и из походного шатра вышли двое.

Первый нес знамя, второй был огромен, и весь сверкал золотыми доспехами.

«Сам Арнанак, — подумал Ларекка. — Должен ли я говорить с ним? Ведь от всего этого можно ожидать предательства… Нет, я должен идти».

Несмотря на протесты офицеров, Ларекка приказал открыть северные ворота и опустить мост. Он пошел один. Доспехи он скинул. К чему носить лишние тяжести. Сейчас на нем были только красный плащ и хаэленский меч. Плащ слишком трепыхался на ветру и мешал Ларекке, но Серода настоял на том, чтобы комендант был в плаще. Нельзя же казаться нищим перед таким разодетым противником.

Арнанак что-то сказал знаменосцу и тот отсалютовал флагом.

Сам Арнанак воткнул меч в землю. Он обменялся с Лареккой похлопыванием по плечам и несколькими словами приветствия.

А затем состоялся разговор.

— Мне бы доставило большую радость, если бы мы могли положить на землю свои мечи и копья.

— Прекрасная идея, — согласился Ларекка. — И легко выполнимая. Вам осталось только разойтись по домам.

— А вы сделаете то же самое?

— Мы дома.

— Правда, вы теперь упустили свой шанс уйти свободно, - вздохнул Арнанак, — теперь мне придется уничтожить Зера.

— Давай попытайся. Но что толку понапрасну трепать языком?

Может, нам стоит сесть в тень и выпить пива?

— Я сделал тебе предложение, потому что ты храбрый воин.

Сдавайтесь. Мы отрубим вам правые руки и будем кормить, пока вы не поправитесь. А затем мы позволим вам уплыть. Вы никогда не сможете больше быть солдатами, но зато вернетесь домой живыми.

Ларекка ухмыльнулся, глядя в зеленые глаза.

— Я могу сделать другое предложение. Правда, оно будет касаться другой части ваших тел, чтобы вы не могли производить на свет таких хвастунов.

— Я рад, что ты можешь шутить, — ухмыльнулся Арнанак. - Обещаю, что те, кто присоединится к нам, останутся целыми и невредимыми. Для остальных же — смерть, за исключением тех нескольких несчастных, кто попадет в плен и станет рабом. - Арнанак широко раскинул свои огромные руки. На солнце сверкнули золотые браслеты. — У вас нет надежды. Если не удастся

прямой штурм, мы уморим вас голодом.

— У нас достаточно припасов, в том числе и прекрасной воды.

А вот ты окажешься на выжженной солнцем равнине, где не будет ничего. Посмотрим, кто первым умрет от голода и жажды.

Арнанак совсем не смутился, что его блеф не прошел.

— У вас прекрасное положение для обороны. Но это не оборона. Вы в ловушке. Нас раз в восемь больше. Вы думаете получить помощь из Вероне-на? Пусть ваши корабли попытаются прорваться через мои боевые порядки. Их уже ждут мои лучшие воины на самых быстроходных кораблях. Ты рассчитываешь на помощь людей?

Но они даже не пошевельнули пальцем, чтобы освободить даже тех двоих, что уже у меня в плену.

— Не нужно недооценивать их. Я знаю, на что они способны.

— Неужели ты думаешь, что если я столько лет создавал свое могущество, то не потратил для их изучения определенное время?

Чтобы знать, что можно ожидать от них? Мои пленники только подтвердили правильность моих умозаключений. Они здесь только для ис-

следований. Они будут помогать тому, кто создает лучшие условия для их работы. И они не вступят в войну, если не будет прямого повода. А я, будь уверен, такого повода им не дам.

Арнанак помолчал.

— Ты прав относительно того, что нельзя откладывать штурм, Одноухий. Мы сотрем вас с лица земли. Если, конечно, вы не примете мои условия.

— Нет.

— Значит, ты отвергаешь их от имени всех своих воинов?

— Да, — ответил Ларекка.

Арнанак печально улыбнулся.

— Ничего другого я и не ожидал. Но я должен был попытаться договориться. Ну что же, брат, желаю тебе приятного путешествия в темноту.

— И я желаю тебе того же, — ответил Ларекка по древнему обычаю. После этого они обнялись, крепко прижимаясь друг к другу, как предписывало правило, и отправились каждый своим путем.

К вечеру поднялся начался ветер и поднял облака пыли, сквозь которые не могли пробиться ни лучи звезд, ни свет лун. Под прикрытием темноты варвары двинулись на исходные позиции.

Они тащили с собой осадные машины, захваченные ранее у легионеров, которые пытались освободить Тархану. Утром, при первых лучах солнца они начали обстрел из метательных машин, луков и пращей. А когда солнце поднялось немного выше, оно стало единственным свидетелем разыгравшейся битвы.

В воздухе свистели стрелы, камни с гулким стуком обрушивались на насыпь, за которой прятались легионеры. Поминутно слышался скрип досок, бревен в стенах, вой труб, грохот барабанов. Орды варваров толпились на противоположном берегу рва.

Становилось нестерпимо жарко. Песок попадал в глаза, смешивался с потом, текущим по лицам, скрипел на зубах.

Ларекка обходил крепость, управляя боем. За ним постоянно шел знаменосец, неся на шесте личный штандарт коменданта.

Благодаря этому любой, кому это было необходимо, мог сразу найти коменданта. Разумеется, это привлекало и огонь врага, но Ларекка считал, что он не имеет права отказываться от древних обычаев.

Его девиз на штандарте удивлял многих: рука с коротким мечом указывала на небо.

Он шел, то и дело отдавая короткие приказания:

— Собери эти камни и отправь их обратно, пусть подавятся. Или:

— Неплохая работа, воин!

Он шел и подмечал все, что еще нужно ему сделать, относительно чего распорядиться.

Лучники, укрывшиеся в башнях, вели прицельный огонь по наступающим. Обнаженные варвары откатывались назад, многие падали и лежали, ожидая, пока жизнь не покинет их тела. Однако им удалось подтащить одну катапульту и она принялась обстреливать башню, пока та не превратилась в развалины. Теперь этот участок был ничем не защищен, кроме бастиона, и стрелы начали поражать и защитников крепости.

Ларекка наблюдал за этим через смотровую щель в соседней башне. Скоро рухнет и эта. С радостными криками варвары уже тащили ко рву длинные доски, чтобы сделать из них мост.

— О'кей, — пробормотал Ларекка и отдал соответствующий приказ. Отряд воинов тут же потащил на тот неукрепленный теперь участок огромную катапульту. Их прикрывали воины с большими щитами. Варвары не обращали на них внимания до тех пор, пока катапульта не

обрушила на них град камней. Толпа панически отхлынула назад. Затем Ларекка приказал открыть огонь сосудами с горящей смолой. Только что наведенный с таким трудом мост тут же загорелся.

— Тебе лучше спрятаться за стеной, — предупредил Ларекку один из легионеров. И действительно, отряды варваров обрушили в сторону коменданта град стрел.

— Еще рано, — ответил Ларекка. «Совсем как в старые дни, - подумал он». — Я думаю, что нам нужно уничтожить еще и катапульту варваров.

Для этого понадобилось всего три залпа, и орудие, принесшее столько вреда бастионам крепости, заполыхало ярким огнем. Однако у них не было времени повосхищаться своей работой. Они поспешили убраться под защиту стен и только тут Ларекка перевел дыхание и по достоинству похвалил воинов, но тут прибежал гонец и сообщил, что в гавань направилось шесть галер.

Видимо Арнанак предпринял нападение не только с суши, но и с моря.

Ларекка осмотрел своих офицеров, которые его окружали, а затем задал вопрос:

— Кто из вас готов выполнить опаснейшее поручение?

Корректное молчание, а затем вперед выступил командир одной из когорт, который уже давно обратил на себя внимание Ларекки как мыслящий командир.

— Я выполню, — решительно сказал он.

— Хорошо. — Ларекка хлопнул его по плечу. — Возьмешь нескольких добровольцев, чтобы было можно поднять парус на судне. Ветер как раз тот, что нужно. Ты поплывешь за кораблями этих ублюдков. Они наверняка пристанут в рыбачьей гавани. Как хорошо, что я приказал не уничтожать там причалы. Теперь это облегчит твою задачу. Ты подожжешь свой корабль и направишь его на вражеские корабли. Вы сбежите на лодке или вплавь. Мы откроем ворота и пропустим вас.

— Пожертвовать целым кораблем? — изумлено воскликнул Серода.

— Мы не собираемся никуда уплывать, — напомнил ему Ларекка. - Остальные тоже придется сжечь, чтобы они не попали в руки варваров. Я не сделал этого раньше, так как чувствовал, что они могут нам понадобиться именно для такого вот случая.

Сейчас Ларекка смотрел на молодого офицера. Сквозь густую пыль, поднятую горячим ветром,

глаза их встретились. Ларекка крепко сжал плечо молодого офицера.

— Иди на подвиг, легионер, — напутствовал он его.

Битва сама собой как-то стала стихать. Массы варваров откатывались назад, чтобы отдохнуть и освежиться. Ларекка предположил, что галеры начнут штурм до темноты. Вернее, до восхода лун.

«Пожалуй, не помешает и мне немного отдохнуть». Слабость охватила его. В сопровождении Сероды он пошел к дому, где находился штаб. Антенны большого передатчика казались странным скелетом на фоне зловещего неба. Солнце уже опускалось, а Ровер висел низко над горизонтом. Он окрашивал планету в цвет крови землян. Ну что же, по крайней мере следующая битва будет происходить не при такой жаре.

У входа его встретил Иразен, который стал вице-комендантом после гибели Волуа. Это был ветеран легиона, разукрашенный многочисленными боевыми наградами, стойкий боец. Конечно, он страдал отсутствием воображения, но при выполнении заданий был упорен и ни на шаг не отступал от поставленной цели. Если он и проигрывал бой, то для врага это обходилось

слишком дорого.

— Ты прав, — сказал Иразен, — пленники-люди вышли на связь.

Когда они узнали все, то женщина потребовала разговора с тобой.

Да, Джиль захотела поговорить. Спарлинг тоже, но он более терпелив, чем она. «Приятный сюрприз, — подумал он».

Она выплыла в его памяти: узкое лицо в облаках темнокаштановых волос, глаза более голубые, чем небо над тропическими островами, ослепительная улыбка, гибкое тело…

Ларекка пошел в радиорубку.

— Он пришел, — сказал техник в микрофон и отсалютовал коменданту. Ларекка встал перед пустым экраном.

— Дядя, — в комнату ворвался голос Джиль. — Как там у тебя?

— Еще на палубе, — ответил Ларекка по обычаям Хаэлена. — А вы?

— О, у нас все нормально. Пошли на вечернюю прогулку и сейчас сидим на вершине холма, смотрим закат солнца. Но дядя, на вас напали?

— Пока они получили мало радости.

— Пока. А потом?

— Потом будет то же самое. Что ты еще хотела

сказать?

Наступила тишина. Может, она шепчется со Спарлингом, а может и нет. Но когда она заговорила, голос ее был жестким и решительным.

— Сколько времени вы продержитесь?

— Это зависит… — начал Ларекка.

Джиль выругалась, как последний легионер.

— Я говорила с техником, пока ждала тебя. Никакой помощи не будет. Даже мы ничем не сможем помочь, дядя. Я тебя знаю, и поэтому можешь считать меня полноправным воином твоего легиона.

— Я думаю, что нам нужно попрощаться, — сказал Ларекка, глядя на невозмутимую аппаратуру.

— Слушай меня, — сказала Джиль. — Я знаю, что Газеринг, считай, уже списал тебя со счетов. Даже если они захотят помочь тебе удержать Валленен, уже поздно. Арнанак перехитрил их. Мои соплеменники-люди ничего не смогут сделать, так как им это запрещено. Отступать вам нельзя, так как вы блокированы. А значит, все вы будете уничтожены. Арнанак не скрывал от нас своих намерений. Значит, вы должны будете продать свои жизни как можно дороже. Верно? Мы не можем допустить, чтобы так случилось.

— В конце концов все умирают, — мягко сказал

Ларекка. - Смотри на это так.

— Мы с Яном решили заставить этих ослов в Примавере оторвать свои задницы от стульев. Я, мы сделаем это… Не теряйте связи с нами и будьте подключенными к кабинету Ханшоу постоянно.

— Что ты задумала? — спросил Ларекка. Ему почему-то стало страшно.

— Еще пока не знаю.

— Вы не должны рисковать собой. Это мой приказ тебе, как легионеру.

— Даже ради спасения Порт Руа?

Ларекка вспомнил об офицере, которого он послал почти на верную смерть на горящем судне, и о том, что Джиль всегда считала себя легионером Зера Витрикс.

— Хорошо, — сказал он. — Но предварительно переговори со мной. О'кей?

— О'кей, старина, — прошептала она.

Послышался сухой голос Спарлинга.

— Так как у нас садятся батареи, мы должны действовать.

Сколько времени вы продержитесь без помощи?

— От завтрашнего утра до начала зимы. Все слишком непредсказуемо, — ответил Ларекка. Он подумал, какой великолепной парой были бы

Спарлинг и Джиль, не будь он на двадцать лет старше ее. Для людей это целая бездна лет. — Постепенно они уничтожат все укрепления и стены. Мы не можем стрелять с такой скоростью, чтобы предотвратить это. Их слишком много. Конечно, Арнанак не захочет терять большое количество воинов и не будет форсировать события.

Когда они войдут в город, мы превратим в крепость каждый дом, и им придется брать их один за другим. — Он подумал. — Так что самое разумное предположение — тридцать два дня.

— И не больше? — тихо спросил Спарлинг. — Ну что же. Нам нужно думать и действовать быстро. Могу сказать, что у меня зародилась идея. Счастья тебе, Ларекка.

И через сотни километров до Ларекки донеслись всхлипывания Джиль. Затем щелчок и тишина.

Ларекка повернулся к Иразену.

— Есть еще что-нибудь для меня?

— Ничего важного, сэр.

— Я хочу отдохнуть. Боевые действия возобновятся после восхода луны. Скажешь мне тогда.

Ларекка вошел в дом. Здесь некогда жила Мерса, и до сих пор в разных местах он находил ее безделушки. Здесь сохранилась память о ней. Он

скинул доспехи и встал перед фотографией, на которой был изображен он, Мерса и их последний ребенок. Эту фотографию сделал человек, когда Примавера еще только создавалась. Якоб Зопф, бакалавр. Он уже давно умер, и память о нем сохранилась лишь в архивах, но Мерса до сих пор, когда бывала здесь, носила цветы на могилу друга. Ларекка лег на матрац, вытянулся и закрыл глаза, думая, что бы ему посмотреть во сне.

Конечно, было бы неплохо, чтобы у него выросли крылья и он мог бы подняться и посмотреть на планету, узнать, что происходит. Но к чему думать о смерти? Вполне возможно, что он будет убит сейчас и уйдет из жизни так, как ему этого захочется.

— К черту, — сказал он сам себе и сконцентрировался на свадьбе Джиль и Спарлинга, погрузился в бурное веселье, к которому примешивалась легкая зависть к Спарлингу.

Серода разбудил его, как и было приказано, когда варвары только-только зашевелились. Их галеры, как Ларекка и предполагал, подняли якоря и направились к рыбачьим причалам. Они не сделали попытки напасть на большой корабль, стоящий на якоре недалеко от них. Они, несомненно, решили, что экипаж корабля ищет

возможности выскользнуть из гавани, но варвары знали, что выход в море надежно заперт кораблями их товарищей.

— О'кей, сейчас буду, — сказал Ларекка, подавив зевок. Он до сих пор был еще во власти того, что видел во сне. Серода подал ему чашку с питьем и помог облачиться в доспехи. Он почувствовал, что настроение его поднялось. Кто знает, может друзья действительно найдут выход из безнадежной ситуации.

Нападение с моря не было неожиданностью для его офицеров.

Все эти возможности уже рассматривались на военном совете. Менее предсказуемым было нападение со стороны реки, и Ларекка направился туда. Со стены он начал обозревать происходящее.

Целестия уже осветила дальние горы и теперь быстро передвигалась по небу. Она показалась ему похожей на красный щит.

Ее свет падал в море, становился холодным, серебрянно-серым, дрожащим. Галеры варваров медленно двигались по воде. Когда они достигли берега, тишина ночи была разбужена их воплями.

Теперь главное — задержать их там до тех пор,

пока не подоспеет брандер. Задача варваров была аналогичной — отвлекать силы легионеров до тех пор, пока с другой стороны не обрушатся сухопутные войска. Ларекка смотрел в ночь и слышал крики варваров.

Звенели тетивы луков, свистели стрелы. Варвары останавливались только тогда, когда были поражены стрелами или камнями. Остальные, не обращая внимания на свист стрел, рвались вперед. Среди движущихся теней они были трудноразличимы. У многих были факелы, которые дымили и разбрасывали вокруг себя искры.

За ними виднелись паруса галер, которые вдруг занялись жарким пламенем, когда корабль-брандер незаметно приблизился и врезался в корабли варваров. Пожар разгорался. И все же валененцы не дрогнули и еще не побежали. Они рвались вперед, к стенам крепости, выливали масло из кожаных бутылей на бревна и доски, поджигали их.

«Неужели Арнанак одурачил меня, и это главный удар, а не отвлекающий маневр? — думал Ларекка».

— Вперед! — крикнул он. — Отбросьте их назад, пока они не сожгли все укрепления.

Он сбежал по лестнице вниз, выхватил меч и

повел своих воинов на варваров.

Металл звенел, сталкиваясь с металлом. Варвары упорно рвались вперед, невзирая на ужасающие потери. Их было очень много, и легионеры, укрывшись за щитами, сосредоточенно работали мечами. Затем к ним прибыло подкрепление, и легионеры смогли предпринять контратаку. Шаг за шагом они оттесняли врагов назад к горящим кораблям, к пенному морю.

— Молодцы! — воодушевлял своих воинов Ларекка. — Великолепно!

Кончайте их всех!

Удар обрушился на него. Боль пронзила все его тело. Затем пришла темнота. Он выронил клинок и стоял, пошатываясь и держась за голову.

— Неужели это все? — громко спросил он. В голове его закрутилось, загремели боевые барабаны. Ноги его подкосились, и он опустился на землю. Воины склонились над ним, но Ларекка ничего не видел. В красном свете луны он лежал и пытался удержать ускользающие силы. Но вот все они ушли, и Ларекка увидел свой самый короткий предсмертный сон.

Глава 21

В комнате Башни Книг с толстыми стенами было почти холодно.

Солнечные лучи проникали сквозь стекла и разбивались в многоцветные пятна на полу.

Насекомые кружились возле гривы Джерассу. Ученый стоял возле стола, на котором был разложен свиток пергамента. Его английский язык был безукоризнен, даже педантичен.

— Это рисунки различных машин, приводимых в действие мускульной силой, которые использовались нами до прибытия людей.

Проблема в том, что иштарианцы хотя и сильнее людей, но намного тяжелее их. Вот на этом рисунке показан корабль, на котором система привода весел позволяет работать не столько руками, как ногами. Вот эта модель использует силу ветра для приведения во вращение гребных колес, а также винтов. Но такие корабли были недостаточно надежны, пока у нас не была достаточно развита хорошая металлургия для получения хорошей стали. Валененцы комбинируют весла и парус, что делает их корабли более

маневренными, хотя и во многом зависящими от силы и направления ветра. Мы, Вероненцы, разработали корабли с пропеллерами, использующие энергию ветра. Со временем мы надеялись создать и моторы, но пока у нас нет для этого промышленной базы. А исходя из создавшихся условий, видимо придется отложить эту проблему еще на столетия.

Он не добавил, что если бы Примавера оказала реальную помощь, они смогли бы и сейчас решить эту задачу.

Джерин, стоявший возле стола, помолчал. Затем он заговорил:

— Но все же некоторые теоретические разработки вы сделали, так что когда Ану уйдет... Но почему ты принял меня? — вдруг сменил он тему. — Почему твой народ дружественно относится ко мне, хотя мои соплеменники-люди не хотят даже разговаривать ни со мной, ни с моими людьми?

Золотые глаза Джерассы спокойно выдержали его взгляд.

— Чего мы добьемся, если отвернемся от вас, кроме того, что лишимся возможности узнать много интересного. Люди из Примаверы надеются, что смогут оказать давление на твоих

начальников через тебя. Ведь без сомнения, тебе не нужны их знания и умения.

Джерин проглотил комок в горле.

— Вы завоевали наши симпатии, — признал он. — Ведь мы многого лишимся, если ваша цивилизация погибнет. Но мы обязаны выполнить свой долг.

— Я тоже легионер, — напомнил ему Джерасса.

Иштарианец был готов возобновить беседу о промышленном и научном потенциале Сехалы, когда переговорное устройство Джерина зазуммерило. Он достал плоскую коробочку, нажал на кнопку и сказал в микрофон:

— Да, что случилось?

— Говорит лейтенант Маевский, сэр, — прозвучал голос, говорящий по-испански. Простите, что беспокою вас в ваш выходной день, но дело весьма срочное.

— А тебе было поручено присматривать за нашими добрыми согражданами. Говори… — Смутное беспокойство овладело Джерином.

— Вы помните, сэр, они для своих проектов собрали довольно много взрывчатки? Мы опечатали их склад с ней. После того, как наши отношения ухудшились, я решил установить на складе систему сигнализации. И вот сегодня

в полдень она сработала. К несчастью, в этот момент никого в городе не было, и злоумышленники все это прекрасно знали. К тому времени, когда я вызвал отряд с базы, дело было сделано. Я бы сказал, очень профессионально. Все печати на месте. Внутри, на первый взгляд, тоже все в порядке, но после проверки мы недосчитались десяти ящиков торденита и пятидесяти взрывателей.

Джерин присвистнул.

— Да, поработали знающие люди, — продолжал Маевский. — Наших людей, которые должны были быть в городе, майор Ханшоу попросил помочь в поисках исчезнувшего флайера, захваченного бурей в Скалистых горах. Сэр, вы приказали выполнять все разумные просьбы. Правда, в этом случае доказать что-либо будет невозможно.

— Не может быть! — воскликнул Джерин. — Я не верю, что Ханшоу связан с грабителями! А он знает о том, что нам уже известно о пропаже взрывчатки?

— Он спросил, чем мы занимаемся на складе, но я не решился сказать ему правду, не проконсультировавшись с вами. Я сказал, что мы проверяем безопасность условий хранения. Он удивился, но ничего не сказал.

— Молодец, Маевский, я отмечу все это в твоем личном деле.

А пока вы оставайтесь там со своей группой и не очень-то отвечайте на вопросы. Я скоро буду.

Джерин отключил передатчик, извинился перед Джерассой и поспешно вышел. На улице было душно, а на западе собирались грозовые тучи. Красноватый свет солнца казался еще более зловещим, чем обычно. Джерин был рад, когда забрался в машину и поднял ее в воздух. По пути в Примаверу он связался с Ханшоу. Тот был дома.

— Это Джерин. Я хочу встретиться с вами.

— Да, капитан. Я ждал вас. Лучше нам переговорить вдвоем, не так ли?

Джерин сел около дома. Двое прохожих посмотрели на него. Он вошел в дом. Ольга Ханшоу, спокойная и невозмутимая, провела его в гостиную и закрыла за ним дверь. Ханшоу, человек с громадным животом, сидел в кресле возле проигрывателя. Он не встал при появлении Джерина, но подал руку и улыбнулся, выпустив дым сигары.

— Хэлло, присаживайтесь.

Джерин поприветствовал его и уселся напротив.

— Я только что получил ужасные новости.

— Слушаю.

— Я, сэр, буду говорить прямо. Дело слишком серьезно, чтобы ходить вокруг да около. Украдена взрывчатка, и есть все основания полагать, что вы замешаны в этом деле.

— Я не могу классифицировать это как воровство. Взрывчатка принадлежит нам.

— Значит, вы все же признаете факт кражи?

— Это не кража.

— Взрывчатка была предназначена для нужд армии. Сэр, несмотря на все наши разногласия, я все же думал, что вы не способны на измену.

— А, бросьте, — Ханшоу выпустил столб дыма. — Мы не собираемся оказывать помощь врагам Земли.

— Где взрывчатка?

— Вне города. Вместе с несколькими техниками и их аппаратурой. Я сам не знаю, где она. И знать не хочу, чтобы вы не подвергали меня допросу. Вы не можете арестовать меня или арестовать их, пока они не выполнят свою миссию. И, Юрий, я полагаю, что нет смысла разыскивать их.

— Почему? — Джерин стиснул руки в кулаки.

— Я хочу прокрутить тебе один разговор, что состоялся несколько дней назад. Я всегда записываю такие разговоры. Вы помните ситуацию в

Валленене? Джиль Конвей и Ян Спарлинг находятся в плену. Порт Руа осажден.

Дрожь пробежала по телу Джерина.

Джиль…

— Да, — сказал он.

— Когда Ян собирался туда, он взял с собой микропередатчик и несколько трансляторов, а солдаты Ларекки установили их так, чтобы он имел возможность связываться с Порт Руа. И, следовательно, с нами, буде возникнет такая необходимость.

— Вы не говорили мне этого! — воскликнул Джерин. Он чувствовал себя обиженным.

— Вы же занятый человек! — хмыкнул Ханшоу.

Джерин вспомнил, как он, словно привидение бродил по улицам, о страшно замедлившихся темпах работы в пустыне, о часах, которые он проводил за составлением рапортов, стараясь сделать так, чтобы карающая рука Федерации не обрушилась на Примаверу.

Хотя бы пока.

— Значит, вы думаете, что меня это не интересует? Может, они тоже отвернулись от меня, но я все еще считаю их своими друзьями.

Он снова увидел Джиль, бегущую по аллее с

развевающимися по ветру волосами, увидел ее улыбку, жестикуляцию, снова вспомнил, как она кормила его, играла и пела под высокими звездами…

Гнев охватил его.

— Если вы хотите подвергнуть меня наказанию, — проговорил он, — не прокручивайте пленку!

— Тише! — воскликнул Ханшоу. Лицо его потеплело. — Так как у них нет запасных батарей, до этого дня они не связывались с нами.

Через Порт Руа мы знали, что они здоровы, что с ними хорошо обращаются, и что находятся они на ранчо где-то на севере континента. Я сообщил им о нашей забастовке, так что это, несомненно, внесло в их план коррективы. И позавчера они вышли на прямую связь со мной.

Палец Ханшоу был уже возле выключателя.

— Если вы хотите представить, где они находятся, то мы неплохо представляем себе тот континент по снимкам с воздуха и рассказам иштарианцев. Это — гористая местность, весьма красивая, правда, в своем роде. Леса низкие, подлесок почти отсутствует.

Красно-желтые листья, безоблачное небо. Кое-где встречаются Трастения с голубыми листьями.

Там очень жарко и сухо. Животной жизни почти нет. И поэтому там удивительно тихо. Джиль и Ян уходят из селения подальше от глаз и ушей варваров. Они только вдвоем в пустынном умирающем лесу.

— Благодарю, — кивнул Джерин. — Я представляю.

«Я вижу ее стройную гибкую фигурку среди скрюченных деревьев. Солнце играет в ее золотисто-рыжих волосах, блестящих глазах, белозубой улыбке… А рядом с ней человек, мужчина… И они только вдвоем… Хватит, перестань, животное… — пронеслось у него в голове».

Ее голос встревожил Юрия. Он был совсем не таким, как он помнил его, а срывающимся и нервным.

— Хэлло, это ты, Год? Здесь Ян Спарлинг и Джиль. Мы в Валленене.

— Да, да, — послышался голос Ханшоу. — Это я. Что-нибудь случилось, девочка?

Джиль:

— Все плохо.

Спарлинг:

— Личной опасности для нас нет.

Ханшоу:

— Где вы? Что происходит?

Спарлинг:

— Все там же. Условия не изменились. Мы рассчитали так, чтобы застать тебя дома. Но ты один?

Ханшоу:

— Да, один.

Джиль:

— Как насчет мониторов? Мы не хотим, чтобы нас подслушали.

Ханшоу:

— Думаю, все в порядке, нас никто не может подслушать. Джо Селиган совсем недавно проверял мой дом на предмет подключения подслушивающей аппаратуры. Все нормально. Капитан Джерин джентльмен. Он уверен, что я буду устраивать заговора.

Джиль:

— Будешь.

Ханшоу:

— Что?

Джиль:

— Мы кое-что слышал о ваших делах.

Ханшоу:

— О'кей. Давайте по делу. Что случилось?

Джиль:

— Ларекка… мертв… убит. Он…

Ханшоу:

— О… Когда? Где?

Спарлинг:

— Мы беспокоились за исход сражения и потому связались с Порт Руа сегодня утром. Ларекка был убит прошлой ночью. Он повел отряд на вылазку. Все прошло успешно, но случайная стрела попала в прорезь шлема. Гарнизон пока держится, но я не думаю, что он выстоит столько же времени, сколько продержался бы во главе с Лареккой.

Ханшоу:

— Бедная Мерса…

Джиль:

— Пусть она узнает об этом от поста Зера.

Ханшоу:

— Да, да.

Джиль:

— Все это поистине ужасно. Но мы дали клятву, что найдем способ помочь ему. А теперь… Теперь он погиб…

Ханшоу:

— Так что можно сделать?

Спарлинг:

— Мы много думали, но сначала опиши вашу ситуацию.

Ханшоу:

— Боюсь, нет ничего утешительного. Армия железно сидит на своем холме. А несколько гражданских флайеров вряд ли смогут напугать варваров. Они ведь уже знакомы с ними. И ружейный огонь их не разгонит.

Спарлинг:

— Вы не сможете убедить Джерина выдать вам настоящее оружие? Ведь, в конце концов, все это связано с нашим освобождением. Мы уже определили координаты нашего местоположения, и хороший пилот всегда сможет сесть в назначенном месте. Вы можете сказать Джерину, что именно наш план, а особенно план Джиль и является причиной забастовки. Разве он не может не подумать, что наше освобождение прекратит забастовку?

Ханшоу:

— Вряд ли. Эмоции его не трогают. Мы, разумеется, пошлем за вами флайер. Но Джерин не даст нам оружия и даже не позволит людям Примавера рисковать собой ради спасения цивилизации, раз это не входит в его миссию. Дети, я думаю, что он боится, как бы здесь не произошло то же самое, что произошло с Элеутерией и Новой Европой. И я боюсь того же самого. Я боюсь, что Земля либо

потеряет нас, либо пошлет оккупационные силы, что тоже не приведет ни к чему хорошему. Рассуждая с точки зрения политика, могу сказать, что пока все искусственно спокойно только потому, что мы не вмешивались в войну, не стали оказывать помощь Зера Витрикс. Разумеется, мы испытываем горькое сознание по поводу того, что там происходит. Но это не наше дело, а дело Газеринга.

Это Газеринг предоставил легион своей судьбе. Я знаю, Джиль, что тебе сейчас очень трудно. Все знают, как ты любила Ларекку, но я умоляю тебя, победи искушение. Меньше всего нам хотелось бы сейчас вмешиваться в войну.

Джиль:

— Подожди…

Ханшоу:

— Но…

Джиль:

— Подожди, черт побери. Ты сказал, что забастовка возникла из-за того, что я попала в плен. Но ведь я у варваров уже давно.

Значит, у вас есть что-то еще. Год, что у вас происходит?

Спарлинг:

— Не торопись, Джиль. Мы все узнаем, когда

вернемся.

Джиль:

— Что ты скрываешь, Год?

Ханшоу:

— Ян прав, девочка. Сейчас не время.

Тишина.

Джиль:

— Это касается Дона, моего брата. Что с ним?

Тишина.

Ханшоу:

— Да. Он убит в бою.

Тишина.

Спарлинг:

— Джиль, дорогая…

Джиль:

— Странно. Я ощущаю только тупую боль.

Спарлинг:

— Ты уже ранена в самое сердце.

Джиль:

— Как мои родители перенесли это?

Ханшоу:

— Вы, Конвеи, мужественные люди, Джиль. Мне очень жаль…

Джиль:

— Нет, нет, ты не прав. Я хочу знать все. Ян, я немного посижу на бревне, а ты поговоришь обо

всем остальном.

Спарлинг:

— Конечно.

Тишина.

Спарлинг:

— Хэлло, Год. Извини. Я тоже в шоке.

Ханшоу:

— Все любили Дона и ненавидели войну. Его смерть и вызвала сопротивление.

Спарлинг:

— Тем более мы должны помочь Порт Руа. В память… но если говорить серьезно, есть и еще одна причина. Она одна может изменить все. Мы считаем, что мы просто обязаны оказать помощь.

Дело в том, что здесь к северу существует разумная Т-жизнь.

Ханшоу:

— Что?

Спарлинг:

— Да. Странные маленькие существа. Я думаю, что только изучение их психологии произведет величайшую революцию в этой области познания.

Ханшоу:

— Ты уверен, что это Т-существа?

Спарлинг:

— Мы встречались с несколькими из них. Видели их орудия труда. Обменивались жестами. Арнанак, вождь варваров, поддерживает с ними контакт, он путешествовал в их страну и… он пользуется ими, чтобы укрепить свою власть. Валененцы считают, что это сверхъестественные существа. Арнанак заключил с ними сделку. Они поселятся в более благоприятных для их жизни землях, когда он закончит свой поход. Но Это еще не все. Даури, как их здесь называют, достаточно мало и они достаточно примитивны, но они до сих пор помнят, где находятся руины Таммузских поселений.

Как все это выглядело миллионы лет назад, и как это выглядит сейчас. Арнанак показывал нам один предмет, по нашему мнению портативный дисплей, которого совершенно не коснулось время.

Ханшоу:

— Непостижимо!

Спарлинг:

— Очевидно, что мы, люди, сможем предложить Даури гораздо больше, чем Арнанак. Многое узнать о них и о погибшей цивилизации… но только если сможем работать тут, на Иштаре, свободно. А Газерингу просто необходимо спасти

Порт Руа — ведь это исходная точка в Валленене, чтобы начать исследования.

Тишина.

Ханшоу:

— М-м-м. Да, я согласен. Значит, мы должны как минимум разрушить организацию варваров, сохранить аванпосты на севере, и это существование уменьшит давление на юге. Газеринг сможет продержаться и без нашей интенсивной помощи. Но как это сделать?

Спарлинг:

— Можно ли сделать так, чтобы флайер, который прилетит спасать нас, привез с собой запас бомб? Очевидно, варвары наступают на Порт Руа большими силами, стараются овладеть укреплениями. Если бросить бомбы в самое их скопище… мне противна такая мысль, но другого выхода я не вижу.

Ханшоу:

— А ты уверен, что это сработает?

Спарлинг:

— Не уверен. Но у нас нет лучшего предложения.

Ханшоу:

— Да… Надо подумать. Ты знаешь, что наша взрывчатка находится под охраной? Правда, я…

Ты сможешь подождать несколько дней?

Спарлинг:

— Думаю, да.

Ханшоу:

— Я свяжусь с вами. Я буду делать это ежедневно, скажем, в полдень.

Спарлинг:

— Хорошо.

Ханшоу:

— Значит, до завтра.

Спарлинг:

— Мы отключаемся.

Ханшоу:

— До завтра. Джиль, мне очень жаль, что все так случилось.

Джиль:

— Все олл райт, Год. Постарайся сделать так, чтобы выполнить все, ради чего мы жили.

Прошло полминуты, потом Ханшоу заговорил:

— Вот чем живет сейчас моя Примавера. А вы все стараетесь подавить восстание.

Джерин кивнул. Он чувствовал себя опустошенным.

— Единственное, что вы должны делать, так это не так бурно отреагировать на инцидент с взрывчаткой. Объясните в рапорте, что по-

ка продолжается расследование, вы не будете вмешиваться в события. Я уверен, что ваше начальство найдет это объяснение разумным. Мы сможем послать наших людей примерно через пять дней.

Внезапно Джерином овладела решимость. Она зрела в нем на протяжении многих дней и сейчас наполнила его спокойной силой.

— Нет, — сказал он. — Задержка нежелательна.

— Что ты имеешь в виду?

— Я полечу на военном флайере. Он гораздо более эффективен, не говоря уже о безопасности. Ведь погода может внезапно испортиться. Значит, завтра в полдень, как мы свяжемся с ними, я сделаю необходимые распоряжения.

— Но неужели ты полетишь сам?

— Я рассматриваю спасение пленников как повод, чтобы улучшить отношение с местным населением. К тому же совсем не обязательно, чтобы мисс Конвей и Спарлинг были свидетелями бомбардировки.

Ханшоу внимательно посмотрел на Джерина.

— Ты полетишь один?

— Да, чтобы не было кривотолков.

— Ясно. — Майор встал с кресла и крепко пожал

руку Джерину.

— О'кей, Юрий. Как насчет пива?

Глава 22

За день до прилета флайер Джиль и Спарлинг сказали, что они снова отправятся на всю ночь. Иннукрат внимательно посмотрела на них двоих.

— Зачем? — спросила она.

— Я же изучаю животных, а их нужно наблюдать ночью.

— Да, и все же… — жена Арнанака вздохнула. — Ваше поведение в последнее время изменилось. Хотелось бы мне знать, почему. Но я вижу и слушаю это в ваших словах. — Ноздри ее сузились. — Я ощущаю это.

Джиль стояла молча, но в разговор вступил Спарлинг:

— Ты права. Битва при Порт Руа может продолжаться, а может, уже заканчивается. Разве ты не знаешь, что там сражаются наши друзья? Разве ты сама не ждешь весточки оттуда?

— Неужели мы так похожи? — спросила Иннукрат спокойно. - Тогда можете идти, если хотите. Я здесь займусь работой, чтобы поменьше думать. — И она дала им щедрый запас пищи.

Когда они ушли, Джиль призналась:

— Я чувствую себя предательницей.

— Нет, — сказал Спарлинг, — ты самая преданная из всех нас, но нельзя же быть честной по отношению ко всем.

«Как и по отношению к Роде, — вдруг вспыхнуло у него в мозгу. — Ведь завтра я встану лицом к лицу с той, кто не переставала любить меня. И что же мне делать, когда на моих руках такие кандалы? Может, поэтому я надеюсь, что мой план не сработает? — Он коснулся охотничьего ножа, висевшего на поясе. - Может, эта любительская бомбардировка не принесет много радости, что сделает мою любовь не самой важной вещью на свете?» — Он посмотрел на Джиль и позавидовал ее прямоте.

«Ну, хватит, нечего терять время. Ведь мы с ней уже недолго будем одни».

Они редко говорили в пути, так как подъем был очень труден.

Когда они добрались до места, то одновременно облегченно вздохнули. Глаза их встретились, и они рассмеялись. Выбранное место находилось далеко от Улу и было весьма удобно для посадки флайера. Здесь они могли спокойно отдохнуть целый вечер, не опасаясь быть замеченными.

Здесь природа дала возможность развиваться Т-жизни. Поэтому среди растений, исконно принадлежащих этому миру, тут и там виднелись чужеродные вкрапления громадных растений с голубыми листьями, похожими на ощупь на кожу. Тут протекал небольшой ручеек. Там, где расположились Джиль и Спарлинг, над ними, раскинулась крона большого дерева феникс. Земля была устлана мягким мхом. Кое-где по мху сверкали желтые головки цветов. На западе деревья расступались, и они могли видеть угрюмую Стену Мира.

Люди лежали по обе стороны ручейка и долго пили прохладную воду. Спарлинг наслаждался не только приятной прохладой, но и тем, что его щека касалась щеки Джиль, а по лбу скользила прядь ее волос.

Напившись, они уселись у воды, и по их лицам играли золотые и алые блики. Немного странным было отсутствие запаха почвы — во всяком случае, обоняние человека не улавливало никаких запахов.

Но они с удовольствием вдыхали запахи друг друга, запахи тел, много потрудившихся на открытом воздухе.

— Оп-ля, — сказала Джиль, — сейчас вся выпи-

тая вода выйдет из нас потом.

Спарлинг посмотрел на нее, подыскивая нужные слова.

— Я счастлив так, что не могу объяснить. И рад, что несчастья не выбили тебя из колеи.

Она опустила голову.

— Я стараюсь держаться, Ян. Дон, Ларекка. Я буду оплакивать их потом. Я не хочу делать этого здесь.

— Мне бы очень хотелось иметь твое мужество, твое самообладание.

Ее улыбка была печальной.

— Ты думаешь, это так просто? Эта борьба? И я не всегда выигрываю ее, — она потрепала его волосы. — Давай помогать друг другу, любимый. Ведь скоро будет завтра.

— А что потом?

— Кто знает, — она стала серьезной, слезы мелькнули у нее под ресницами. — Я хочу попросить тебя об одной вещи, Ян. Ты должен обещать мне.

«Да. Ты можешь взять у меня все, что я осмелюсь тебе дать, - подумал он».

— Твое честное слово. Что бы я не делала, ты не должен останавливать меня.

— Что ты задумала? Неужели самоубийство?

Нет, невозможно!

Глаза ее опустились, пальцы сжались в кулаки.

— Я не могу пока сказать точно. Все слишком сложно и завязалось в тугой узел. Но, предположим, я решила лететь на Землю и там пропагандировать Иштар. Я не сомневаюсь, что ты не сможешь полететь туда, пока идет война. Но ты можешь начать удерживать меня, потребовать, чтобы я оставалась здесь и была твоей любовницей.

— Неужели ты считаешь меня таким эгоистом? Заставить тебя поступать против совести? Нет, когда мы вернемся, я не буду требовать, чтобы ты посвятила жизнь старику, который не может предложить тебе ничего реального.

Она ладонью закрыла ему рот. Спарлинг нежно поцеловал ее.

— Лады, — сказала она. — Мы потом обсудим все это, когда будем знать, что лучше. И тут же она быстро добавила:

— Но ты должен дать мне слово, так как я хочу принимать решения свободно.

Он кивнул, потом ответил:

— Да, мне кажется, я ждал этого. Свобода. — И он удивился, почему Джиль поморщилась при

этих словах. Но затем она снова заговорила.

— Значит, ты даешь слово?

— Да, даю.

Она обняла его.

— Спасибо, — она с трудом сдерживала слезы. — Я никогда не любила тебя так сильно, как сейчас.

Он успокаивал ее, как мог. Прошло немало времени, прежде чем Джиль снова подняла глаза, и они были полны лукавства.

— Я начну собираться прямо сейчас. Ты ведь не будешь препятствовать мне. Ты даже будешь помогать.

Позже, когда Ану скрылся за вершинами гор, они зажгли костер и приготовили ужин. Затем на небе появились две луны и звезды. Им нужно было немного поспать, чтобы встать пораньше.

Было уже позднее утро, когда наконец, прибыл спасательный флайер.

— Вот он! — вскрикнула Джиль и присела. Проследив взглядом направление движения ее руки, Спарлинг увидел в южной части неба ослепительно сверкающую точку, которая постепенно приняла вид крылатой барракуды и сделала над ними круг, распространяя шум и грохот по всем окрестностям.

Джиль и Спарлинг торопливо обнялись и побежали меду камней и деревьев на открытое место, где их можно было увидеть. Флайер скользнул вниз. Джиль присвистнула.

— Это же огромный Будкан, — сказала она.

Спарлинг сразу же узнал этот тип судна: шесть пулеметов, три скорострельные пушки, излучатель энергии, две самонаводящиеся килотонные бомбы. Его, несмотря на предстоящую разлуку с Джиль охватило возбуждение.

Передатчик на его кисти зажужжал. Спарлинг услышал голос самого Джерина:

— Хэлло, на земле. У вас все чисто?

— Да, — ответила Джиль. — Можешь присоединиться к нашему пикнику.

Флайер опустился. Сердце Спарлинга тревожно екнуло. Неужели на борту один Джерин? Сенсоры, компьютеры, тьма приборов… и со всем этим справляется он один. В глубине души Спарлингу очень хотелось, чтобы Джерин был не один.

Они бросились к флайеру.

Открылся люк и появился трап. Наверху появился Джерин, стройная фигура в военной форме. Он махнул в знак приветствия рукой, и Джиль махнула ему в ответ. Металлический трап загудел под их торопливыми шагами.

Джерин пожал им руки. Пожал крепко, но по всему чувствовалось, что он устал и нервничает, чем-то насторожен. Ну что же, после того, что он вынес… У него нет второй пары рук.

— Привет, — сказал он, — я счастлив, что вижу вас снова. — Он неотрывно глядел на Джиль.

— Неужели ты прилетел один? — спросила она.

— Да.

Спарлинг видел, что они оба смущены.

— Мы можем сразу лететь домой, — сказал Джерин. — Это был изумительный полет. Планета гораздо более прекрасна, чем я даже мог себе представить.

«Почему они позволили тебе спасти нас? — думал Спарлинг. — Ты же армейский робот, сукин сын… Спокойнее, Спарлинг, ты почти в истерике».

Они вошли внутрь, и люк за ними тут же закрылся.

Кондиционированный воздух принял их в теплые ласковые объятия.

Вся внутренность флайера была забита всевозможными приборами.

Джерин провел рукой по потным усам.

— Не могу себе представить, как вы выдержи-

вали среди этой печи.

Джиль торжественно пропела:

— Шедрах, Мешах, Абеннего…

— Я привез пищу, одежду, лекарство, — продолжал Джерин. - Когда мы поднимемся в воздух, я включу автопилот. Но, может быть, вам нужно что-нибудь сейчас?

Сейчас! И уже не было времени на сожаления и сомнения…

Спарлинг достал нож и стиснул его в руке:

— Да, — голос его гулко прорезонировал в помещении рубки. - Приготовьтесь лететь на выручку легиона. Не двигаться. У меня нож.

Джиль ахнула. Смуглое лицо Джерина побледнело, но не изменило своего выражения. Лишь глаза вспыхнули.

— Это только моя идея. Джиль об этом не имеет ни малейшего понятия. Но когда я узнал ситуацию, когда понял, что усилия Примаверы слишком слабы и ни к чему не приведут, а это чудовище уничтожит весь легион… Те же воины, которые не испытают сладости смерти, будут всю жизнь мучаться в рабских оковах. Ты понимаешь. Я решил захватить тебя, самому выполнить суд и исполнить приговор. Но, капитан, если ты не будешь выполнять мои приказы, мне придется

тебя связать и самому выполнять роль пилота.

— Ян… — голос ее разбился в тишине, как стекло.

Джерин прыгнул. Расстояние было небольшим, и он был молод и достаточно тренирован, и все же Спарлинг уклонился от броска и двумя ударами левой швырнул его на пол.

— Не нужно больше пытаться, сынок, — посоветовал инженер. - Ты в хорошей форме, не спорю, но я провел годы и годы с иштарианцами и неплохо изучил их приемы борьбы. Этот мой нож только символ, а не угроза.

Джерин поднялся на ноги, потрогал места, куда достались удары, вытер губы и медленно произнес:

— Если я откажусь — а это мой долг перед Федерацией — ты неминуемо разобьешь флайер. Тут требуется высококвалифицированный пилот. Что в таком случае будет с Джиль?

— Я отошлю ее назад в Улу, где она придумает что-нибудь относительно моего исчезновения.

Она шагнула вперед:

— Какого черта я пойду туда, мистер?

Он ничего не ответил на ее возмущение и продолжал обращаться к Джерину:

— Повторяю, Джиль не имеет к этому никакого

отношения. Ее поведение все время было корректным и незапятнанным.

Джиль стиснула кулаки и топнула ногой.

— Идиот! — крикнула она. — Как ты думаешь, почему это я взяла с тебя слово ни в чем не препятствовать мне? Именно потому, что я сама планировала захват флайера!

Он не мог посмотреть на нее, так как не выпускал из поля зрения Джерина. Но он представлял себе ее пылающее лицо, горящие глаза, высоко вздымающуюся грудь.

«Ты могла бы», — подумал он и добавил вслух:

— Не сходи с ума.

— Вот такова она, — быстро добавил Джерин. — Прикосновение солнца. Она всегда так непредсказуема. Спарлинг, я считаю тебя честным, но заблуждающимся человеком. Если я подчинюсь тебе, а потом ты сдашься мне, мы вернемся сюда за Джиль, которая будет ждать нас в безопасности.

Девушка выхватила нож.

— Нет! — тон ее был суровым и непреклонным. — Я сама буду выбирать, как мне обращаться со своей безопасностью, хотите вы этого, или нет. Ян, если ты нарушишь свое слово, тебе придется драться со мной. Ты хочешь этого? Послушай.

Если ты будешь один, Юрий сможет внезапно напасть на тебя, незаметно достать станнер, может неожиданным маневром флайера вывести тебя из строя… И на этом все кончится. Но когда нас будет двое, для него такие действия будут слишком рискованны. Верно, Юрий? Против двоих у тебя нет шансов. И твой долг перед Федерацией вернуть эту громадную машину смерти на базу неповрежденной.

«Сейчас я уже не могу выключить ее из игры, — думал Спарлинг. — Она сама отрезала себе все пути к отступлению».

Джерин… Джерин был в шоке. Плечи его опустились, он прикусил губу и задумался. Наконец, не отрывая взгляда от девушки, он произнес:

— Да. Ты рассуждаешь логично. Я получу взыскание, но не остается ничего другого, как выполнять все ваши приказы.

Повернувшись, он пошел в рубку управления. Спина его выпрямилась, но все тело было напряжено. И Спарлинг подумал: «Он знал, что я сделаю это. Но поступок Джиль для него такая же неожиданность, как и для меня. Он прилетел сюда, заранее зная, что произойдет…»

Взглянув на Джиль, он понял, что та тоже знает это.

Глава 23

Арнанак выхватил меч, полыхавший алым пламенем.

— Вперед! — крикнул он.

Раздался страшный скрип, когда две дюжины сильных воинов налегли на громадную конструкцию. Медленно, со стоном и скрежетом мост пришел в движение. Из-под его деревянных колес поднялась едкая пыль, закрывшая все вокруг. Солнце немилосердно жгло землю.

Справа, как медная полоса, сверкала река. Впереди высились земляные стены и укрепления, которые казались нереальными в колышущемся горячем воздухе.

И все же мост двигался вперед. Арнанак шел рядом. Его воины должны были видеть своего вождя — это вселит в них мужество. К тому же он со своим огромным щитом легионера сможет защитить их от вражеских стрел, когда они подойдут вплотную к крепости.

Арнанак с гордостью смотрел на свое грубое, но прекрасное сооружение. Оно было его изобретением. Инженеры Газеринга никогда не делали

ничего подобного. Да у них и не было в этом необходимости. Ведь их враги никогда не строили крепостей, подобных Порт Руа.

Каркасы трех больших повозок были скреплены толстыми бревнами. И от них вперед выдавались доски такой длины, чтобы они могли достать противоположной стороны рва. На задней платформе для их уравновешивания были навалены камни. Массивная крыша защищала тех, кто толкал громоздкое сооружение. Вряд л что-то и кто-то мог остановить его неукротимое движение. Ведь Арнанак сделал все, чтобы ослабить линию оборону в месте предстоящего штурма. Для этого пришлось пожертвовать многими сотнями воинов.

В воздухе свистели стрелы. Многие из них несли подожженную паклю и некоторые даже попали в цель. Однако поджечь эту громадину было трудно, к тому же Арнанак специально срубил ее из сырых бревен. Вождь ходил взад и вперед, подбадривая воинов.

Несмотря на жару, он чувствовал готовность всех своих мышц к бою.

Он до сих пор не видел знамени Ларекки. Его не видели уже с тех пор, как произошла эта непредвиденная катастрофа в гавани.

Катастрофа, которая заставила его даже отложить решительный штурм и только обстреливать крепость стрелами и камнями, а в это время срочно заканчивать сооружение моста. Может, комендант пал в том утреннем бою? Если так, спи спокойно, брат. Ларекка был хитер, и все же…

И вскоре мост перекинул свои доски через ров. Крики радости вырвались из тысячи глоток Тассуи. Арнанак повернулся и пошел назад. Было видно, как воины, толкавшие мост, уже разбирают свои доспехи. Со стены донеслись звуки труб. Они приказывали лучникам прекратить бесполезный обстрел.

Арнанак дал сигнал. Вперед двинулась следующая машина, захваченная варварами в битве при Тархане. Это был таран, подвешенный на цепях. Его должны были раскачивать шестьдесят четыре воина. Окантованная медью крыша защищала воинов от града камней и стрел.

— Будьте готовы, — приказал Арнанак воинам. Его слова прокатились по всей многотысячной толпе варваров. Оружие засверкало в облаках пыли. Арнанак медленно пошел вдоль рядов, чтобы все могли его видеть.

Над крепостью подняли флаги. Арнанак рассмеялся.

— Я этого и ждал.

Широко распахнулись восточные ворота. Опустился перекидной мост. Арнанак понесся вперед. Его отряд ринулся за ним. Галоп!

Галоп! Галоп! Начищенные доспехи сверкали на солнце. Из крепости на вылазку вылетел отряд, легионеры хотели перебить команду осадной машины, захватить сам таран, некогда принадлежавший им же. И все это нужно было сделать до того, как на стену обрушится первый удар.

Отряд легионеров был довольно большой. Когда легионеры увидели, что на них несется масса Тассуи, они храбро перестроили свои ряды и приготовились к обороне. «Да, — подумал Арнанак, — это будет чувствительная потеря для крепости. Их гарнизон ослабнет».

— Рассейтесь! — кричал Арнанак своим воинам. — Двигайтесь зигзагами. — Однако воины уже не слушали его. Они забыли все его наставления, ибо старые методы войны были впитаны ими с молоком матери.

Портативные катапульты начали выпускать целые пачки стрел.

Арнанак невредимым несся вперед, а воины вокруг него гибли.

Некоторые падали на землю и оставались ле-

жать неподвижно, другие поворачивали назад, третьи бесстрашно неслись вперед. Кровь растекалась по земле, такой пересохшей, что она потеряла способность впитывать влагу. Однако варваров было так много, что ничто уже не могло остановить их вихрем мчавшуюся лавину.

Арнанак с восемью телохранителями направились к группе из трех легионеров в тяжелых доспехах. Началась битва.

Мечи звенели о мечи и о щиты, отражающие удары. Арнанак схватился с легионером. Они кружили друг возле друга, стремясь найти слабости в обороне противника. Удары сыпались не переставая, телохранители Арнанака находились поблизости. В своих, более скромных доспехах, им было бы трудно защищаться против таких тяжеловооруженных воинов. Однако они видели, что воин полностью поглощен поединком с Арнанаком, и тоже искали незащищенное место, куда можно было нанести смертельный удар. И вот длинное копье вонзилось под брюшную пластину. Легионер вскрикнул, удивленно посмотрев, как его внутренности вываливаются из раны и упал. Два его товарища тоже были убиты.

Арнанак высмотрел поблизости легковооруженного легионера и бросился на него. Тот легко

мог бы отступить и убежать, но он, не колеблясь, схватился с Арнанаком. Но бой длился недолго. Арнанак хитрым маневром заставил воина раскрыться и разящий удар меча довершил дело.

Везде кипела битва. Натренированные воины-варвары разбили стройный ряд легионеров, и теперь бой превратился в серию единоборств, где численность была на стороне варваров, и теперь они просто приканчивали легионеров поодиночке.

Когда рассеялась пыль, Арнанак увидел, что таран уже возле стены. По всем окрестностям разнесся гулкий звук от первого удара.

— О-хай! — торжествующе вскричал он и повел свои отряды туда. Нельзя допустить, чтобы легионеры предприняли новую вылазку и перебили тех, кто раскачивает таран. Пока не рухнет стена, они будут под сильным обстрелом, да и потом образуется только узкий пролом, который легионеры будут отчаянно защищать. Но сегодня варвары будут в Порт Руа.

И, значит, через шестьдесят четыре года они будут в Сехале.

С неба раздался какой-то гром. Арнанак недоуменно посмотрел вверх. В небе, словно выпущенная Солнцем-Демоном, парила металлическая

птица. Сердце Арнанака забилось.

Люди! Что им здесь нужно?

От флайера отделилась черная точка и полетела вниз, в самую гущу воинов.

Грохот был таким, что заглушил все вокруг. Каждая кость в теле Арнанака завибрировала. Его швырнуло на землю, которая заколебалась, как море.

Вся его душа зашлась в крике.

Арнанак, преодолевая боль, поднял глаза. Он лежал на земле, невообразимо спокойной. Он лежал и не слышал ничего, ни звука.

Над полем поднялось облако, которое потом расплылось огромным грибом. Город стоял невредимым. Таран исчез под обломками машины.

«Должно быть, я находился далеко от места взрыва, — промелькнуло у него в голове».

«Я пойду искать своих сыновей», — подумал он. Арнанак приподнялся на руках, согнул передние ноги и поволок по земле непослушную заднюю часть тела.

— Торнак! — попытался крикнуть он. — Уверни, Аило, Татара, Игани... — Нет, Игани погиб еще в море. Корзиак, Митусу, Навано сыновья, которыми он так гордился. Однако он не мог вспомнить имена остальных сыновей. — Куса-

рат! Усахи Иннукрат! Алинари… - Друзья, жены, все, милые его сердцу сейчас проходили мимо него, хотя мрак медленно пытался поглотить его сознание.

— Люди! Почему? — пытался спросить он. — Я должен был стать вашим другом. Я принес бы вам Вещь и привел Даури.

Он снова посмотрел на небо, но перед глазами плыл туман, и он не мог понять, здесь ли еще флайер людей. Он думал о своих воинах. Если он сам еще жив, значит, спаслись и другие, которые могли бы бежать, вернуться по домам, к своему очагу, некоторые даже имеют шанс пережить Время Огня… Если, конечно, люди не будут мстить дальше… Но зачем им это? Нет, люди могущественны, а значит, великодушны.

Арнанак вздохнул и снова лег отдохнуть. Пришла ночь.

Неужели это предсмертный сон? Нет, слишком быстро. Он не позволит смерти так быстро овладеть им. Он не простое животное, он правитель Улу.

Арнанак поднялся и взял меч.

— Отдай мне мою часть, — сказал он не имеющему лица. Ответ отражался от стали. Он ударил по черным крыльям птиц, которые вились во-

круг, сверкая загнутыми клювами и острыми когтями.

Арнанак побрел вперед, по серой пустыне, обдуваемый холодным ветром. Стервятники вились над ним, но он отпугивал их мечом, и доспехи надежно защищали его спину от нападения. Он шел, и туман в его голове сгущался.

Барабаны, барабаны, барабаны…

— В поход! Допей свое вино! Собери свои доспехи! Попрощайся с самочками!.. До встречи!.. До встречи! — поют трубы и стучат барабаны.

Черт с ним, черт с ним! Я лучше пойду домой.

Мы идем грабить, грабить… Как пиво? На границе?.. И что такое самка?..

И тут он увидел скачущих легионеров.

К ним присоединились легионеры Зера, так как этот мост нужно было брать.

— Я родился в очень холодной стране, — сказал Ларекка, добавив ругательство. — Самое лучшее в Хаэлене — это корабль, который увезет тебя оттуда.

— Ты сожалеешь?

— Конечно, нет.

Мост был узким, как острие ножа. Он дрожал над пропастью, на дне которой плескался голодный океан. Те, кто стояли на мосту, внушали

ужас.

— Будем брать мост штурмом, — решил Арнанак.

Ларекка согласился. Когда они оба облачились в доспехи, Арнанак взял меч в левую руку. Хорошо, что они пойдут вместе щитом к щиту, защищая друг друга.

Арнанак швырнул копье. Оно врезало в ряды врагов. Ларекка бросился вперед. Они сбросили врагов вниз, в туманную бездну, и прошли мост.

И очутились в гористой стране, где вершины утесов врезались в небо, долины корчились под палящими лучами солнца.

— Идем, — сказал Арнанак. — Я знаю дорогу.

И они оказались в холле Улу, окруженные друзьями, женами и сыновьями. Со всех сторон слышались приветствия, тянулись для объятия руки. Арнанак усадил Ларекку на почетное место.

Здесь было прохладно и сумрачно, хотя оружие, развешанное по стенам, сверкало в свете ламп. И всю ночь продолжалось веселье. Они праздновали, пили, занимались любовью, напропалую хвастали, рассказывали небылицы, соревновались в борьбе, играх, пели песни… и вспоминали, вспоминали, вспоминали…

На рассвете самцы распрощались с самками и вышли на улицу.

Охай-я! Какое зрелище! Развеваются по ветру знамена, перья на шлемах, сверкают наконечники копий, раздается звон мечей, ударяющих о щиты. И единодушный крик. Это воины приветствуют двух своих командиров.

— Пора! — сказал Арнанак.

— Да, — согласился Ларекка.

Радостные Тассуи и легионеры, павшие в битве, последовали за ними, шагая по обдуваемой ветрами дороге, ведущей туда, где их ждал красный Хаос Ровера…

Глава 24

Джиль плакала. Спарлинг прижал ее к себе и старался утешить. Ее лицо представляло маску, только подергивались уголки глаз и рта, и глаза были огненно сухие.

Крупные слезы медленно текли по лицу Джерина, оставляя на губах горький вкус.

Время от времени его передергивало. Руки его касались кнопки управления, и перед ним на экране представала картина того, что они совершили.

Кратер сверкал чернотой, так как при взрыве почва превратилась в стекло. Кратер был огромен. Ракета была запрограммирована так, чтобы при взрыве выделялось как можно меньше жесткого излучения. Но, разумеется, никакие расчеты не могут быть идеальными. Выброшенная взрывом почва кольцом лежала вокруг кратера. Джерин с болью в сердце осматривал останки варваров. Некоторые из них еще шевелились, что было хуже всего.

Он не мог этого выдержать, включил излучатель энергии и стал методично сжигать останки,

лежащие на земле, и через минуту вся земля дымилась. Может быть, некоторых еще можно было бы спасти, если бы вовремя оказать им медицинскую помощь. Но где она?

— Отец, — прости меня, — молил он про себя. — Я не ведал, что творил.

Он еще никогда не был на настоящей войне и не знал, на что это похоже. Он продолжал молиться, произнося про себя слова древних молитв.

Джиль перестала плакать и произнесла тихим дрожащим голосом:

— Я в порядке. Благодарю тебя, милый. Но это было ужасно. Я себе даже не представляла, как это ужасно. Но со мной все в порядке, я не сошла с ума.

— Успокойся, — сказал Спарлинг.

— Нет, пока не могу, — она встала.

Джерин слышал ее шаги. Она подошла к нему сзади, положила руку на его плечо и протянула ножи — свой и Спарлинга.

— Возьми их, — сказала она.

— Мне они не нужны, — запротестовал Джерин.

— Это вещественное доказательство насилия. — Джиль бросила ножи ему под ноги. Раздался металлический звон. Он беспомощно

посмотрел ей в глаза.

— Что я должен делать?

Она не ответила.

Он сел в кресло, не пристегивая ремни безопасности.

— Сначала мы сделаем круг над окрестностями.

Юрий взялся за ручки управления. Флайер охотно повиновался и стал описывать пологую спираль диаметром во много километров.

Экраны показывали толпы варваров, в панике разбегающихся, не обращавших больше ни на что внимания, бросающихся в слепом страхе в воду, лезущих в горы.

Спарлинг сел рядом, достал трубку и закурил. Запах табачного дыма был как сон о Земле. Мир и покой овладели им.

Наконец он спросил:

— Как вы думаете, сколько их погибло?

Прежде чем ответить, Джерин проглотил комок в горле.

— Две или три тысячи.

— О, я был уверен, что как минимум тысяч пятьдесят.

Джерин рассмеялся.

— Нет, нет, что вы! Подавляющее большинство

разбежалось.

— Да, на Мундомаре война более кровопролитна. К тому же здесь гарнизон насчитывает примерно три тысячи легионеров, и все они были бы убиты или страдали бы в рабстве, если бы город был взят. — Спарлинг наклонился к Джерину. — Поверь, мне совсем не хотелось этого делать. Я не чувствую себя правым. Но и вины не чувствую тоже. Мы перед тобой в долгу, Юрий. Ты решил дело одним большим взрывом. Я думал, что мы будем просто охотиться на них с пулеметами.

— А какая разница?

— С моральной стороны — никакой. Однако с помощью ракеты многие из них погибли, даже не зная о смерти. — Спарлинг помолчал. — Они воины по своей крови. Никакие пули не остановили бы их. Они нашли бы новую тактику войны, изобрели бы новое оружие, скопировали или украли бы его у нас — и война продолжалась бы до бесконечности, пока нам не пришлось бы уничтожить всю расу. Или оставить Иштар. А теперь, после такого взрыва, я уверен, что новая война начнется не скоро.

— К тому же, — добавила Джиль, — помощь из Примаверы больше не потребуется, и взрывчатка

будет возвращена. Юрий, ты теперь закроешь дело?

Джерин кивнул.

— Что будем делать дальше? — спросил он.

— Теперь ты начальник, — ответила Джиль с удивлением в голосе.

Голос Юрия окреп, стал уверенным:

— Тогда свяжемся с легионом по радио, сообщим им все, проконсультируемся. Может, нам стоит сесть? Переночевать?

Осмотреть лагерь варваров? Кто знает, может мы найдем там этот предмет с Таммуза. Либо нескольких Даури. Они наверняка нуждаются в помощи, бедняги.

Убранство в большой палатке говорило о том, что в ней жили Даури. Но они исчезли, бежали в ужасе вслед за ордами варваров.

Зная о них из рассказов Джиль, Джерин представлял себе, как они пробираются по голой равнине, где их не ждет ничего, кроме голода и страданий. И ему от всей души захотелось помочь им выжить.

Загадочный кристалл был в палатке. Джерин с трепетом отнес его в флайер. Когда они вошли в ворота Порт Руа, легионеры приветствовали их как своих спасителей. Однако пышной встречи

не было. Спарлингу объяснил, что они очень устали, потеряли друзей.

Так что с торжественным ритуалом надо подождать. Весь остаток дня легионеры занимались погребением останков своих погибших товарищей.

Налетел ветер, горячий и обжигающий кожу. Облака пыли заволокли небо, и сквозь пыль Бел казался таким же зловеще красным, как и Ану.

— Мы выдержим, — сказал вице-комендант Иразен, — если только получим помощь.

Он разговаривал с людьми в кабинете, который еще недавно занимали Ларекка и его штаб. Кабинет был почти пуст, если не считать матрасов на полу, небольшого количества книг и военных трофеев. Короткий меч и знамя свешивались с крестообразной подставки, стоявшей за спиной Иразена. Окна были закрыты ставнями для защиты от ветра. Желтое пламя фонарей освещало внутренность кабинета, где было жарко, но все же немного прохладнее, чем на улице.

Джерин посмотрел на кентавра, служившего цивилизации, на Джиль, Спарлинга, стоящих рядом. Какая она хрупкая! Свет фонарей играл в ее волосах, отражался в глазах.

— Что мне сказать ему? — спросила Джиль,

когда тишина слишком затянулась.

— Скажи — помоги ему бог! Что я могу? — Джерин развел руками. — У тебя хватит смелости сказать ему правду?

— О нет, я не такая смелая, — прошептала она. Затем Джиль повернулась к Иразену и что-то сказала ему. Иштарианец ответил, и его слова немного успокоили ее.

— Я объяснила ему, что это был исключительный случай, и что Земля не разрешает людям оказывать помощь местным жителям. Но это не очень разочаровало его. Он уверен, что валененцы не скоро справятся с полученным потрясением, и теперь легиону придется иметь дело только с разрозненными бандами. Он говорит, что пока существует Зера Витрикс, наши имена будут в списках легиона.

— Возможно, эти варвары снимут блокаду, когда узнают о случившимся, — сказал Джерин. — А если нет, то я сам разгоню их.

Джиль облегченно вздохнула. Спарлинг что-то пробормотал.

Джиль перевела слова Джерина Иразену и кентавр шагнул вперед и крепко обнял плечи землянина.

«Почему я обещаю это? — подумал офицер. —

Разве я уверен, что смогу выполнить обещанное?»

Он видел живую радость Джиль и понимал, откуда берутся ее истоки.

Она вместе со Спарлингом получит наказание, которое может до конца жизни связать их вместе. А что получит он? Кроме крупных неприятностей? Тогда откуда же эта радость?

«Сомневаюсь, что мне придется разгонять пиратов. Они и сами разбегутся, когда вести о случившимся дойдут до них. Если же нет, то я смогу сделать это и один, тайно от всех».

Чувство вины снова охватило его.

— Но мне не придется топить корабли с разумными существами, которые совершенно беззащитны передо мной.

Иразен заговорил снова. Джерин заметил, как радость Джиль и Спарлинга угасла. Она крепче прижалась к Спарлингу.

— Что еще? — спросил Юрий.

— Он говорит, что он не Ларекка. Легиону не прокормиться здесь, и если Газеринг откажется снабжать их пищей, он, Иразен, уведет легион отсюда.

Джиль попыталась улыбнуться.

— Не хмурься, Юрий, — сказала она. — Теперь

Валленен не является угрозой и легион может уйти на юг.

— Но было бы лучше, если бы он остался, не так ли? — спросил Юрий.

— О, да, — ответил Спарлинг. — Ты — военный, и сможешь понять это, взглянув на карту. Это ключевая точка для зашиты Моря Файери. Для защиты цивилизации на островах и северном Веронене.

Джиль кивнула.

У Джерина перехватило горло. Все перед ним поплыло.

— Что с тобой, Юрий? — он понял, что несколько минут был как бы без сознания. Джиль держала его за талию. Лицо ее было полно участия. Иразен протянул руки, как бы предлагая помощь.

— Уи… Са ва бьен, мерси… — Джерин взял себя в руки. - Пардон, я должен подумать. — Он уселся, стиснув руками виски и глядя на разноцветные коврики под ногами. Он не думал. Он предоставил пониманию возможность придти самому, с огромными ласковыми волнами покоя.

Наконец он встал. Он знал, почему эти двое с радостью готовы примериться с тюрьмой. Та же самая радость сквозила и в его словах. Ему показалось, что он понял, немного постиг искусство

видения снов, столь развитое у иштарианцев.

— Друзья мои, я не знаю, что я могу ответить ему здесь и сейчас. Можете пообещать ему небольшое количество пищи. Можете сказать, что уверены в помощи Газеринга, что цивилизация не отступит на юг. Ентр-ну, между нами, я хочу, чтобы вы знали: работы на базе будут остановлены. Все работы, которые вы вели здесь, будут возобновлены. И армия во всем будет помогать вам.

— О, Юрий, — глаза Джиль сияли.

— О, Боже, — протянул Спарлинг голосом, которым, вероятно, Господь прощал Иуду.

Джерин продолжал:

— Я живу не только по приказам. Я все больше думаю, что был далеко не всегда прав. И я полетел к вам, будучи уверенным, что Ян сделает попытку овладеть флайером и мог подумать, что ему это удастся, но я не мог предположить, что и ты, Джиль, задумаешь то же самое. Если бы план Яна удался, то это была бы, правда, не только моя вина. А он бы получил наказание. Но я не ожидал, что ты, Джиль, тоже будешь наказана.

Я понятия не имел, что значит сжигать живых существ, неспособных оказать сопротивление. И неважно по какой причине совершаются массовые убийства. А вы, кто теперь отправится на

Землю, вы свободны от чувства вины.

Да, я убил, но когда делаешь доброе дело, убивать недостаточно. Я командир. Нужно помогать. Нужно создавать. И мои люди будут выполнять мои приказы, пока я не буду смещен со своего поста вышестоящими начальниками. Примавера останется в Федерации, а за нами троими прилетят с Земли, и мы трое будем выступать в защиту Иштара… Понимаете?

— Понимаю, — сказал Спарлинг, а Джиль бросилась к Юрию на шею и поцеловала его.

Эпилог

Была глубокая ночь, когда мы закончили свой рассказ.

Эспина еще долго расспрашивал нас, и его вопросы как всегда были предельно точны. Казалось, он совсем не устал, хотя мы были на два поколения младше него. Наконец он сказал:

— Е компредо — я понимаю. — И закрыл глаза. Комнату наполнила тишина. Час за часом мы смотрели на звезды. Восточная часть неба подернулась серебром. С ужасом и надеждой мы ждали.

Орлиное лицо вновь обратилось к нам, морщинистые веки прикрыли глаза от всего окружающего.

— Прошу меня простить, — сказал Президент Трибунала и Федерации. — Я не должен был заставлять вас ждать так долго. Но мне нужно было подумать.

— Конечно, сэр, — промямлил я.

— Вы, несомненно, думали, что я вызвал вас, чтобы поиграть, как кот с мышкой.

— Нет, о, нет, сэр!

Эспина ухмыльнулся.

— Я не хотел, чтобы вы знали о моей цели. Мне нужно было получить откровенную и правдивую информацию. Возможно, что вы считали, что вам удастся убедить меня в более мягком приговоре, а я, возможно, искал подробностей, которые позволили бы применить более изощренное наказание, чем предусмотренное законом. Но как бы там ни было, все это почти закончилось.

Он замолчал.

— Почти, — сказал он снова. — Прежде чем я внесу ясность, мне еще следует сказать, в чем вы обвиняетесь. Вы должны знать, что перед вами выдвинуты серьезные обвинения.

Вы, Ян Спарлинг и Джиль Конвей, силой захватили военный флайер во время войны. А кроме того, вы совершили деяние, которое противоречит мировой политике Федерации. Ты, Юрий, военный офицер, способствовал им в этом, а затем, забыв о полученном задании, использовал своих людей и ресурсы, предоставленные тебе, в целях, которые прямо противоречат твоему заданию.

Да, да, вы уже знаете обвинительное заключение, а теперь я подробно узнал, как вы оказали помощь далекой негуманоидной и технически

отсталой цивилизации, неинтересной никому, кроме кучки ученых. И ваши действия не позволили тысячам людей, живущих на Иштаре, работать в пользу Земли. Короче говоря, вы поставили ваши мизерные цели выше целей миллиардов людей и присвоили себе право действовать от имени самих себя.

Так почему же вы считаете, что вы не должны весь остаток жизни зарабатывать себе прощение?

И я, и мои товарищи были охвачены ужасом перед такой перспективой. Но это длилось недолго, не дольше нескольких секунд. Затем Джиль выпрямилась. Раздался ее голос, подобный удару хлыста.

— Сэр, что бы мы ни сделали, закон не может лишить нас права защищаться публично. Почему мы покорно подчинились вашим эмиссарам, которые прилетели за нами? Ведь мы могли уйти в пустыню и оставаться там никем не обнаруженные до тех пор, пока не улетят ваши люди. Но мы хотели, чтобы Земля узнала о нас!

Мы с Яном подхватили знамя, которое подняла она.

— Да, — сказал Спарлинг. — Капитан Джерин подчиняется военной дисциплине. А мы люди

гражданские. Ваше закрытое слушание дела, запрет общаться с внешним миром незаконны. Ваш Трибунал может вынести нам приговор, но он не может запретить делать нам заявление.

Я присоединился к нему:

— Это касается и армии. Именно поэтому я с гордостью и ношу форму.

Эспина встретился со мной взглядом. Часы пробили. Он улыбнулся.

— Великолепно, — сказал он. — Благодарю вас за ваше мужество и терпение.

Я даже не предполагал, что его голос может быть таким мягким.

Он нажал кнопку в кресле, и в его голосе мгновенно появилась сталь.

— Ваши пытки неизвестностью кончились, но то, что последует за ними, может быть во много раз хуже. То, что вы рассказали, только еще раз подтверждает то, что я и сам хотел доказать себе.

Я не милосердный человек, но страдаю и стараюсь быть справедливым. Слушание суда будет открытым. Это нужно сделать для того, чтобы погасить в Федерации слухи. Суд оценит ваши действия, определит вину и вынесет приговор, который, кстати сказать, я думаю, будет самым суровым. А затем я, использовав свою власть,

оправдаю вас полностью и бесповоротно.

Я не помню, что было следующие несколько минут, помню только, что мы обнялись, плача и смеясь.

Когда мы успокоились, то увидели слугу, который принес бренди. После того, как мы сели и выпили, Эспина достал сигарету.

Он закурил, закашлялся и сказал нам тем же суровым тоном, что и прежде:

— Я понимаю, что вы хотите добиться симпатий к Иштару.

Добиться оказанию для него помощи. Сегодня вы укрепили меня в своем решении. С моей помощью — а сделаю все, чтобы сенсация была ошеломляющей — вы разбудите шторм. Приготовьтесь. Вы не знаете, как изнурительно быть символом. У меня в вашем деле есть своя конкретная цель. Ваша цель, конечно, перспективнее, но моя не менее важная. Я хочу закончить войну.

Он еще раз затянулся. Было видно, что он до смерти устал.

— Война, — на его лице появилась гримаса отвращения. - Бессмысленная, несправедливая, жестокая. Вместо того, чтобы с помощью переговоров все уладить, мы превратили друзей во врагов.

Сами мы превратились в гнусных политиканов. Пора все это закончить. Это нужно сделать прямо сейчас. Земля и Накса могут договориться между собой, чтобы не гибли наши и их солдаты. Мы уже видим, что наши потери постоянно растут, и растут без видимого практического результата. Однако политики отказываются начинать переговоры. Я с вашей помощью хочу их заставить это сделать.

Он снова сделал гримасу.

— О, в этом деле у меня есть и эгоистические мотивы, - признал он. — Это будет чудесная последняя битва. Они будут кричать, требовать моей отставки, ревизии законов, чтобы лишить мой кабинет власти, любой власти, какую только можно выдумать в состоянии истерии. И я буду сражаться всеми способами. Не бойтесь моего проигрыша или выигрыша. Вы в любом случае будете надежно защищены законами. Вы должны только сражаться. Однако не разменивайтесь на краснобайство, демонстрации, волнения, статьи в журналах, не упоминайте бога, которого не существует, оставьте все это пустобрехам. Единственное, что вы должны делать — это говорить правду. Это будет нелегко. Интеллектуалы, которые будут противостоять вам, достаточно

закалены в спорах. Самое сложное это оставаться спокойными. Не терять самообладание и разум. А какую правду вы будете говорить? Что принесла нам эта ненужная война? Во-первых, смерть миллионов разумных существ, цена которых неизмеримо выше нас в глазах вечности. Опасность потерять цивилизацию, у которой есть чему поучиться и которая, несомненно, скоро займет свое достойно место среди звезд. Гибель двух лидеров, которые, работай они вместе, могли бы сделать много добра, если бы мы предоставили им этот шанс. На Иштаре Земля потеряла доверие превосходных, первоклассных умов, которое нелегко будет опять вернуть. Земля потеряла прекрасного офицера, ибо ты, капитан, несмотря на оправдание, вряд ли будешь служить в армии. К тому же вы сообщите нам о новой разумной расе, знания о которой могут открыть нам новую вселенную. Но для наведения контакта с этой расой нам потребуется всемерная помощь Газеринга.

Далее — мы должны оказать помощь Валленену, чтобы они, в свою очередь, помогли нам. Но все это потребует мира! Я думаю, что не пройдет и года, как Земля поймет, где на самом деле лежат ее интересы.

Голова его упала на грудь. Даниэль Эспина

тоже смертен!

Вскоре он распрощался с нами, и слуга разбудил пилота, который должен был доставить нас обратно.

Мы ждали его на улице. Воздух был холодный, невообразимо чистый и свежий. Солнце уже высветило дальние горы, а небо приобрело цвет сапфира.

— Год, — вздохнул Спарлинг. — Максимум два. А потом мы вернемся домой.

«И, если нам повезет, то продолжим работу, — подумал я».

— Так много месяцев, — вздохнула Джиль. Мы давно уже перестали хранить друг от друга секреты. Нас было трое. Но сейчас они были только вдвоем.

— Ты вызовешь Роду, — сказала она.

— Как она может прилететь сюда? — удивился он.

— Суд разрешит тебе. Ты не будешь сам собой, дорогой, если не потребуешь этого от суда.

Она расправила плечи.

— А потом… — она помолчала. — Потом посмотрим. Мы посмотрим.

Ей не нужно было говорить, что и тот, кто любит, и то, кого любят, имеют определенные

обязательства. Взгляд ее сказал мне, что и я входил в это слово «мы».

Появился пилот. Джиль повела нас к флайеру. Я шел за ней, лелея надежду.